This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

891.78
B56fr
1887

A 469928

A. MAUPHERATOU

ΟΙ ΓΕΙΑΤΤΕΣ

ΠΑΛΛΕΣ, ΠΑ

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

А. МАРЛИНСКІЙ

(А. А. Бестужевъ)

ФРЕГАТЪ НАДЕЖДА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Изданіе А. С. СУВОРИНА

А. МАРЛИНСКІЙ

(А. А. Бестужевъ)

ФРЕГАТЪ НАДЕЖДА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

[illegible]

ДЕШЕВАЯ
БИБЛІОТЕКА
А. МАРЛИНСКІЙ
(А. А. Бестужевъ)
ФРЕГАТЪ НАДЕЖДА
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
ИСТОРІЯ
ПОЭЗІЯ
РОМАНЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА

1 е изд. печат. въ колич. 4,200 экз. (1—4,200)
2-е » » » » 5,000 » (4,201—9,200)

ДЕШЕВАЯ ВИБЛІОТЕКА

ФРЕГАТЪ НАДЕЖДА

СОЧИНЕНІЕ

А. МАРЛИНСКАГО pseud.

(А. А. Бестужева)

BESTUZHEV, Aleksandr Aleksandrovich.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

891.78
B56fu
1887

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 СЕНТЯБРЯ 1887 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

61-283141

ФРЕГАТЪ НАДЕЖДА.

(Посвящается Екатеринѣ Ивановнѣ Бухариной).

Въ началѣ бѣ слово.

Княгиня Вѣра ** къ своей родственницѣ въ Москву.

О, какъ сердита я на тетушку-Москву, что ты не со мной теперь, мой ангельчикъ Софья! Мнѣ столько, столько надо разсказать тебѣ... а писать, право, нечего. Я такъ много прожила, столь многому навидалась въ эту недѣлю! Я такъ пышно скучала, такъ разсѣянно грустила, такъ неистово радовалась, что ты бы сочла меня за отаитянку на парижскомъ балѣ. И повѣришь ли: я ужъ испытала, ma chérie, что удивленіе прескучная вещь, и что новость приторнѣе ананасовъ. Дворъ и свѣтъ такъ закружили меня, что я могу выслушать самую безвкусную нелѣпость не поморщась, увидать прелестнѣйшую картину безъ улыбки. Но петергофскій

праздникъ, но самъ Петергофъ — о, это исключеніе — это жемчужина исключеній! У меня еще до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ и въ умѣ, звенитъ въ ушахъ отъ грома пушекъ, отъ кликовъ народа, отъ шума фонтановъ и волнъ, разсыпающихся звуками о берега. Внимательно мы слушали, жадно, бывало, поглощали мы описаніе петергофскихъ чудесъ съ тобою; но когда я ихъ увидѣла на яву, они поглотили меня, я забыла все, даже тебя, мой ангельчикъ! Я летала въ небо вмѣстѣ съ водометомъ, падала внизъ пуховою пѣною, разстилалась благоуханною тѣнью по аллеямъ, дышащимъ думою, играла солнечнымъ лучемъ съ яхонтовыми волнами взморья. Это былъ день — но что за ночь его увѣнчала! Залюбоваться надо было, какъ постепенно загоралась иллюминація: казалось, огненный перстъ чертилъ пышные узоры на черномъ покрывалѣ ночи. Они раскидывались цвѣтами, катились колесомъ, вились змѣей, свивались, росли — и вотъ весь садъ вспыхнулъ! Ты бы сказала: солнце упало на землю и, прокатясь, разсыпалось въ искры... Пламенные вязи обняли деревья, перекинулись цвѣтными сводами чрезъ дороги, охватили пруды звѣздистыми вѣнками; фонтаны брызнули какъ вулканы, горы растаяли золотомъ. Каналы и бассейны жадно упивались отблесками, перенимали узоры, двоили ихъ и наконецъ потекли пожаромъ. Ропотъ народа, сливаясь съ шумомъ падающихъ водъ и тихо зыблемыхъ дубравъ, оживлялъ эту величавую картину своею дивною гармоникою... то былъ голосъ волшебника,

то была пѣсня сирены. Часу въ 11-мъ ночи, весь Олимпъ спустился на землю. Длинныя колесницы понеслись по саду, и, право, блестящія дамы двора, которыя унизывали ихъ подобно ниткамъ жемчужнымъ, могли издали показаться мечтой поэта — такъ блестящи и воздушны были онѣ... не исключая и меня. На мнѣ тогда было глазетовое платье, которое, не знаю, право, почему, называется при дворѣ русскимъ, исподъ бѣлый атласный съ золотомъ... Что за фасонъ, что за шитье, Софьюшка — хоть на колѣни стать передъ нимъ! Новый беретъ съ райскою птичкою (мнѣ подарилъ его вчера мужъ мой) очень шелъ ко мнѣ, и еслибъ я не вѣрила зеркаламъ, то одобрительный около меня ропотъ мужчинъ могъ бы убѣдить самого Ѳому невѣрующаго, что твоя кузина очень недурна. Но ты ждешь, вѣрно, описанія петергофскаго маскарада, m'amie? Боже мой! да откуда я возьму памяти или порядка! Въ головѣ моей образы толкутся будто мошки... Генеральскія звѣзды гонятъ съ неба звѣзды неба, учтивыя рыбы Марлійскаго пруда парадируютъ вмѣстѣ съ гвардейскими болтунами, которымъ не худо бы взять у первыхъ нѣсколько уроковъ скромности, и я не могу вспомнить камеръ-юнкера, чуть не плачущаго надъ разбитымъ лорнетомъ, чтобы мнѣ не представился Сампсонъ, раздирающій льва. Статуи Аполлона Бельведерскаго и Актеона танцуютъ передо мной польскій съ графинею Зизи или княжною Биби... и я, право, боюсь, что начну разсказывать тебѣ про комплименты

князя Этьеня, а заключу грибомъ точащимъ воду [1]).

Впрочемъ, всѣ говорятъ, что маскарадъ былъ изъ самыхъ блистательныхъ, то есть давно не было истрачено такого множества румянъ и блестокъ, свѣчей и любезности. Твой дядюшка, le cher homme, навѣшалъ на себя столько украшеній, что насмѣшники увѣряли, будто онъ готовится къ художественной выставкѣ, а дородную москвитянку нашу, княгиню Z., за огромный шлейфъ ея, сравняли съ зловѣщею кометой, и совершенно даромъ: она такъ ловко носила хвостъ свой, какъ лисица. Ты помнишь, я думаю, высокаго адъютанта, который смѣшилъ насъ прошлую зиму своими наборными фразами, пахнущими юфтью Буаста? Eh bien, Sophie, про него генеральша Т. сказала, будто онъ доказалъ ей, что и башмаки есть оружіе наступательное! Да гдѣ мнѣ пересказать тебѣ всѣ остроты или всѣ плоскости, которыя сыпались въ толпѣ, какъ мишура съ платьевъ! гдѣ мнѣ припомнить всѣхъ, съ которыми прогуливалась я, рука съ рукой, въ этомъ маскарадѣ. Около меня змѣями вились золотые и серебряные аксельбанты, и не одна генеральская канитель, не одинъ черный усъ трепетали и крутились отъ удовольствія, когда я произносила: avec plaisir, monsieur! Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти попугаи съ бѣлыми и черными хохлами

---

[1]) Въ Петергофѣ есть бесѣдка въ видѣ гриба, которая нежданно обливаетъ водою.

на шляпахъ, милочка! Они, кажется, покупаютъ свои фразы вмѣстѣ съ перчатками. Какъ наши старинные московскіе обѣды начинались холоднымъ, такъ у нихъ неизбѣжно отправляется впередъ вопросъ: Vous aimez la danse, madame? — Нѣтъ, сударь! Я готова возненавидѣть танцы изъ-за танцоровъ, которые, какъ деревянная кукушка въ часахъ моей бабушки, вѣчно поютъ одно и то же и наводятъ тоску своимъ кукованьемъ. Бѣда съ такими кавалерами, но съ прославленными остроумцами—вдвое горе! Они жгутомъ крутятъ бѣдный мозгъ свой, чтобы выжать изъ него каплю розовой воды или уксуса.

— Вы привлекаете на себя всѣ глаза и всѣ лорнеты, говорилъ мнѣ одинъ дипломатъ, покачиваясь такъ важно, какъ будто-бъ отъ его равновѣсія зависѣло равновѣсіе Европы.— И посмотрите, княгиня, какъ загораются, какъ блестятъ всѣ взоры, встрѣчаясь съ вашими; c'est un véritable feu d'artifice.

— Не совсѣмъ, отвѣчала я ему: je vois beaucoup d'artifice, mais où est donc le feu?

Повѣришь ли, ma chérie, что въ этомъ потокѣ головъ, въ этомъ млечномъ пути глазъ голубыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, ни одно лицо не улыбнулось мнѣ, какъ бы я желала; ни одинъ взоръ не горѣлъ ко мнѣ участіемъ — я не нашла въ нихъ ничего оригинальнаго, ничего стòящаго смѣха или мысли. Какъ мало здѣсь кавалеровъ! говаривали мы въ Москвѣ бѣлокаменной,—какъ мало людей! говорю

я здѣсь. Безхарактерность провела по всѣмъ свой ледяной уровень. Напрасно будешь вглядываться въ черты—не узнаешь ввѣкъ, какому народу, какому мнѣнію принадлежатъ эти люди. Подъ улыбкой нѣтъ выраженія, подъ словомъ не дороешься мысли, подъ орденами сердца. Это какая-то картина, покрытая ослѣпительнымъ лакомъ... ее дорого цѣнятъ по преданію, хотя никто не понялъ, что̀ она изображаетъ. Во весь сегодняшній вечеръ, въ цѣлый вечеръ не удалось мнѣ ни услышать, ни подслушать ни одной рѣчи, которая бы врѣзалась въ память. Говорили, говорили они—да чего они не говорили, а что̀ сказали? Только одинъ, разговаривая со мной, сдѣлалъ довольно удачное сравненіе.

— Посмотрите вдаль и вкругъ, сказалъ онъ:—не правда ли, что этотъ балъ похожъ на англійскій садъ? Перья и цвѣты на дамахъ качаются, какъ прелестный цвѣтникъ отъ поцѣлуя зефира. Тамъ тянется польскій, будто живая дорожка; тамъ купы офицеровъ съ зыбкими султанами стоятъ, какъ пальмы. Вотъ Уральскій хребетъ въ шитомъ златоносными песками мундирѣ! Вотъ пещера съ отголоскомъ, повторяющимъ сто разъ слово я. Далѣе, въ этомъ горбунѣ вы видите мостъ, который никуда не ведетъ; вездѣ золотые ключи, которые ничего не отпираютъ; тутъ погребальную урну, хранящую французскій табакъ, и дѣвушекъ, бродящихъ окрестъ съ невинными мечтами овечекъ. — Даже, продолжалъ мой насмѣшникъ, лукаво взглядывая на ряды пожилыхъ дамъ, — если позволено вздуть

сравненіе до гиперболы, мы можемъ найти здѣсь не одну живописную развалину, не одинъ обломокъ китайской стѣны, не одну готическую башню, изъ которой предразсудки выглядываютъ, какъ совы.

— Bon Dieu, какъ вы злы! возразила ему я:—развѣ нельзя для сравненія найти предметовъ болѣе игривыхъ? Вы бы могли, напримѣръ, помѣстить какой нибудь побѣдный памятникъ, какой нибудь храмъ въ этомъ саду, такъ же какъ въ Царскомъ Селѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ мой партнеръ, раскланиваясь: — я беру на себя роль ростральной колонны; но храмомъ, и притомъ храмомъ любви, будете вы!

Я съ улыбкой взглянула на привѣтника... Какъ жаль, что онъ не молодъ и не красивъ; и потомъ этотъ долгій, тонкій носъ самая неудачная его острота...

Мы ужъ дома.

Любви? любви?—зачѣмъ эта мысль вплелась въ мое сердце, закабаленное свѣту, какъ эта живая роза въ хитросплетенныя косы мои? Почему не могу выбросить ее за окно, какъ я бросаю эту розу? Отчего я вздыхаю каждый разъ, когда о ней услышу, и чуть не плачу, когда о ней вздумаю! О, добрая моя Софья! рѣзвая, беззаботная подруга моего дѣвичества! Еслибъ ты знала, изъ какого тяжелаго металла льются брачные вѣнцы, еслибъ ты повѣрила, что коробочка Пандоры есть необходимый свадебный подарокъ, ты бы пожалѣла меня. Столько блеску и такъ мало теплоты! Бѣгу на-

встрѣчу къ мужу моему, съ горячностію ласкаюсь къ нему... но онъ принимаетъ меня, какъ учитель дитя... онъ только терпитъ мои ласки, но не ищетъ ихъ, не отвѣчаетъ на нихъ. Я почти только и вижу его за столомъ... и тогда трюфели заманчивѣе для него всѣхъ очей въ мірѣ. Домой привозитъ онъ только усталость отъ службы и скуку отъ искательства, и когда любовь моя проситъ взаимности, онъ, зѣвая, говоритъ привѣтствія! Нужны ли мнѣ уборы, экипажи — онъ сыплетъ деньгами. Вздумается ли мнѣ быть тамъ и тамъ, онъ не скажетъ: но, лишь бы я его не звала съ собою; а его улыбка, его радушное слово дороже мнѣ гостинца, и за одинъ поцѣлуй я бы готова недѣлю просидѣть дома. — Это почти жалоба, скажешь ты, моя милая. Нѣтъ, душечка! это мигъ нетерпѣнія, это пройдетъ; я только мимоходомъ хотѣла замѣтить, что грустно, очень грустно не имѣть прихотей, которыя бы не исполнялись, между тѣмъ какъ единственное справедливое желаніе безотвѣтно и безнадежно! Сердце мое вянетъ на холодной золотой звѣздѣ... вянетъ... и гдѣ любовь, гдѣ самая дружба, чтобъ оживить его слезою участія?!..

Полночь. Темно и тихо кругомъ... только море, какъ любовникъ, грозитъ и ластится къ камнямъ Монплезира, въ которомъ живемъ мы; только вдали повременно мелькаютъ на яхтахъ огоньки, какъ неясныя мысли. Грусть клонитъ меня ко сну... до завтра, моя милая Софья.

Петергофъ, 1 іюля 1829 года.

Письмо второе.— Отъ той же къ той же.

Закладую свою слезу противъ блестки, да слезу, десять, двадцать слезъ даже (а это для меня не бездѣлица, какъ ты знаешь, милая кузина) — ты никакъ не угадаешь, гдѣ я была сегодня. На гуляньѣ верхомъ, на танцовальномъ завтракѣ? скажешь ты. О нѣтъ, это слишкомъ обыкновенно. На смотру войскъ? Мимо. На фейерверкѣ? Еще того менѣе. Я каталась, и знаешь ли гдѣ, и повѣришь ли на чемъ? Не въ прудѣ на паромѣ, не въ рѣкѣ на яликѣ — вообрази себѣ... я каталась въ открытомъ морѣ, на сорокашести-пушечномъ фрегатѣ! О, я увѣрена, что твое московское воображеніе, не видавшее нигдѣ бури, кромѣ Чистыхъ Прудовъ, блѣднѣетъ передъ мыслію о неизмѣримости, объ ужасахъ моря. Сущіе пустяки, моя милочка! Мода и насъ, робкихъ женщинъ, можетъ производить въ героини, а разъ ступивши на палубу, скоро такъ приглядишься къ страху, что въ океанѣ будешь какъ въ гостиной. Ну, право, море премилое созданіе, и мнѣ такъ полюбилось оно съ перваго визита нашего знакомства, что я готова бы совершить путешествіе кругомъ свѣта. Вообрази себѣ... но нѣтъ... лучше себѣ припомнить, что надо начать сначала... m'y voilà.

Я надѣюсь, ты слышала, какъ нынѣшній государь любитъ флотъ? Онъ воскресилъ его, онъ вдохнулъ въ него русскую силу и далъ ему чистые лавры подъ Навариномъ. Государю угодно было угостить дворъ и посланниковъ прогулкою по морю; и

въ самомъ дѣлѣ, какое угощеніе отъ достойнаго внука Великаго Петра могло быть царственнѣе, величественнѣе этого!— Катера были готовы, утро— прелесть. Дворъ началъ размѣщаться... Признаюсь, неохотно разсталась я съ берегомъ; казалось мнѣ больно оторвать стопу отъ земли, и я съ трепетаніемъ сердца спрыгнула въ катеръ. Но когда весла грянули, когда длинная вереница шлюпокъ, изъ коихъ каждая подобилась пловучей корзинѣ съ цвѣтами, ринулась въ море, и впереди всѣхъ орломъ полетѣлъ двадцати-весельный катеръ, несущій въ себѣ славу и надежду Россіи; когда берега стали бѣгомъ уходить отъ насъ, а далекій Кронштадтъ съ дремучимъ лѣсомъ мачтъ поплылъ къ намъ на встрѣчу; когда безграничное море развилось за нимъ, синѣя и сверкая — страхъ мой перелился въ тихое, новое для меня наслажденіе и мнѣ стало такъ хорошо въ ладьѣ, будто въ колыбели когда-то.

И вотъ миновали мы Кронштадтъ и приблизились къ эскадрѣ, готовой вступить подъ паруса. Матросы унизывали всѣ снасти, всѣ реи въ узоръ и кричали ура! Едва государь съ высочайшимъ семействомъ взошелъ на адмиральскій корабль, весь флотъ поднялъ якоря, и катера наши приставали къ ближнимъ кораблямъ наудачу. Видъ былъ восхитительный! упавшіе паруса образовали словно пловучую стѣну съ огромными башнями. Мы долго спорили со своими подругами о выборѣ: одна хотѣла стопушечнаго корабля, толстаго, какъ нашъ предсѣдатель палаты; другая, болѣе умѣренная, довольствовалась

семидесятнымъ, лишь бы на немъ вѣялъ флагъ контръ-адмирала; третья желала сѣсть на раззолоченную, разряженную, будто на балъ, яхточку. Не знаю почему, только мнѣ всѣхъ болѣе понравился стройный фрегатъ, идеалъ легкости, красоты и силы. Онъ такъ гордо бросалъ въ облака свои стрѣлы, долгіе флюгера его такъ остроумно и прихотливо сверкали въ воздухѣ, онъ самъ такъ важно колебался на волненіи, пушки его съ такимъ любопытствомъ выглядывали на насъ изъ оконъ, что во мнѣ родилось непреодолимое желаніе видѣть это милое чудовище у себя подъ ногою. Не знаю, красивѣе ли всѣхъ, или настойчивѣе всѣхъ подругъ моихъ на катерѣ была я, только побѣда осталась за мною. Офицеръ гвардейскаго экипажа, который лѣвою ногою управлялъ кормиломъ нашей двѣнадцативесельной республики, отдалъ честь моему вкусу и поворотилъ подъ корму моего любимца. На поясѣ рѣзной его галереи золотыми буквами написано было: «Надежда». Это одно слово стоило предпочтенія.

Висячая лѣстница устлана была флагами. Всходимъ... вообрази себѣ! нѣтъ, ты не можешь себѣ вообразить, что̀ я тамъ увидала; не знаю, съ чего начать, не знаю, можно ли кончить!.. то былъ новый міръ, то была чудная поэма. Помостъ чистый, вылощенный, какъ столъ; снасти, закрученныя завитками, блоки сверкающіе, какъ серьги, сѣтки сплетенныя фантастическими кружевами, мѣдь горитъ какъ золото; чугунъ орудій, какъ сизое вороново крыло! И потомъ эта стройная суета кругомъ, это

необозримое раздолье передъ очами! По звуку серебряныхъ свистковъ, казалось, великанъ нашъ размахнулъ широко руками, чтобы поймать вѣтеръ; грудь его надулась, и онъ, съ каждымъ мигомъ ускоряя бѣгъ, ринулся наконецъ прямо, пожирая пространство. Голова моя закружилась какимъ-то обаятельнымъ вихремъ и когда глаза мои прояснѣли опять, они встрѣтились съ очами капитана корабля, котораго не разглядѣла я сначала, хотя онъ и привѣтствовалъ насъ при встрѣчѣ. Природа, какъ говоритъ Шекспиръ, могла бы указать на него пальцемъ и сказать: вотъ человѣкъ! Высокій, стройный станъ, благородная осанка и это не знаю что-то привлекательное въ лицѣ, нисколько не правильномъ, и столько выразительномъ, отличали его отъ прочихъ. Но глаза его—что это были за глаза, моя Софья! — влажные, голубые, какъ волна моря, они сверкали и хмурились подобно волнѣ, готовой и лелѣять, и поглотить того, кто ей ввѣрится. Въ пріемахъ его не было модной вертлявости; въ немъ замѣтна была даже какая-то крутость, какая-то дикость, происходящая, быть можетъ, не отъ замѣшательства; со всѣмъ тѣмъ это очень шло къ нему. Онъ, краснѣя, говорилъ съ нами; онъ опускалъ очи передъ взорами дамъ, и сначала голосъ его дрожалъ, какъ металлическая струна цитры. И вотъ нашъ дикарь оправился, поднялъ свои огнистыя очи, сталъ разсказывать намъ о всѣхъ эволюціяхъ, о назначеніи каждой вещи такъ мило, такъ занимательно, такъ шутливо, что мы, женщины, забыли

I.

„...E per questo, quand'io veggo che gli uomini cercano per una certa fatalità le sciagure con la lanterna, e che vegliano, sudano, piangono per fabbricarsele dolorosissime, eterne — io mi sparpaglierei le cervella temendo che non mi cacciasse percapo una simile tentazione".

Ugo Foscolo.

Двѣ недѣли спустя послѣ императорскаго смотра флоту, въ каютъ-компаніи фрегата «Надежды», часу въ 11-мъ ночи, за ужиннымъ столомъ сидѣлъ одинъ уже лекарь Стеллинскій. Всѣ прочіе офицеры разошлись по своимъ каютамъ, но сынъ Эскулапа, по достохвальной привычкѣ, остался для химическаго разложенія вновь привезеннаго портвейна. Разсуждая и прихлебывая, потомъ прихлебывая и разсуждая, онъ дофилософствовался до премудраго сомнѣнія: голова ли вертится на плечахъ, или предметы около головы? Склоняясь болѣе къ послѣднему мнѣнію, лекарь, казалось, поджидалъ, когда подойдетъ къ нему одна изъ недопитыхъ бутылокъ, танцующихъ передъ нимъ оптическій польскій. Онъ, правда, порывался раза два отхлопнуть эту красавицу у свѣчи, тускло сіявшей между бутылками, какъ разумъ между страстями, но глазомѣръ измѣнялъ желанію, и длань героя блуждала въ пространствѣ: окаянная шейка увертывалась изъ-подъ его пальцевъ не хуже школьника, играющаго въ жмурки. На бѣду, качка усиливалась съ каждою минутою, и

борьба силы самохраненія съ силой, влекущею лекаря къ бутылкѣ, по закону механики, вѣроятно, кончилась бы тѣмъ, что его туловище отправилось бы по діагонали, проведенной отъ его носа подъ столъ—но, къ счастію, столъ былъ привинченъ къ полу, и Стеллинскій такъ вцѣпился въ него руками, какъ будто хотѣлъ спастись на немъ отъ потопленія. Въ это время въ каютъ-компанію вошелъ вахтенный лейтенантъ... его только что спустилъ товарищъ поужинать. Скидывая измоченную дождемъ шинель, онъ уже смѣялся на продѣлки Стеллинскаго.

— Эге, Флогистонъ Хининовичъ, молвилъ онъ:— ты, кажется, бѣдствуешь! Смотри, братъ, не подмочи своихъ анатомическихъ препаратовъ.

— Не бойтесь, не испортятся, отвѣчалъ лекарь, размахнувъ руками, какъ балансеръ на веревкѣ шестомъ, отыскивая центръ своей тяжести:—я ихъ сохраняю въ спиртѣ!

— Прекрасное средство, сказалъ лейтенантъ, глотая рюмку водки: — отличное средство, и я прошу извинить меня, господинъ докторъ, что употребляю его теперь безъ вашего рецепта.

— Стократъ блаженны тѣ, которые лечатся и умираютъ по рецептамъ... Неужели вы, Нилъ Павловичъ, считаете рецепты безполезными?

— Напротивъ, я считаю ихъ преполезными—для закуриванія трубокъ, отвѣчалъ лейтенантъ, буквально врѣзавшись въ кусокъ ростбифа, и столь же проворно выпуская рѣчи, какъ глотая говядину.

Къ счастію, что портвейнъ служилъ тому и другому путемъ сообщенія, такъ что слова и ростбифъ расплывались, не зацѣпляя другъ друга.

— Какъ, сударь, рецепты?... ре-ре-цепты? О sana insania! Жечь векселя на полученіе здоровья!

— Скажите лучше, контрамарки на входъ въ кладбище. Впрочемъ, мнѣ случалось не разъ быть больнымъ; не разъ писалъ мнѣ мой докторъ и рецепты вдвое длиннѣе своего носа, хоть носъ у него являлся наканунѣ, а самъ завтра. Я очень набожно бралъ ихъ между большимъ и указательнымъ перстами, держалъ на чистомъ воздухѣ въ горизонтальномъ положеніи минутъ по пяти...

— И потомъ?.. спросилъ лекарь, изумленный этимъ средствомъ симпатической фармакопеи.

— И потомъ пускалъ на вѣтеръ. Желудку моему отъ того было не хуже, а кошельку вдвое лучше.

— Вы конечно любите Ганеманновы выжидающія средства, Нилъ Павловичъ... и, надѣясь на природу... Подвиньте, пожалуйста, бутылку.

— Но ты, кажется, не гомеопатъ, Стеллинскій, не хочешь ждать, чтобъ природа подала тебѣ бутылку, и, вмѣсто капельныхъ пріемовъ — тратишь столько вина заразъ, что имъ бы, по методѣ Ганеманна, можно было напоить до-пьяна всѣхъ рыбъ Финскаго залива на 50 лѣтъ, не считая этого. Однако, чѣмъ чортъ не шутитъ—развѣ не попадаютъ порою въ цѣль съ завязанными глазами! И такъ, вамъ же поклонъ, любезный внукъ Эскулапа. Внѣ-

сто того, чтобъ ловить ночью мухъ — пошарьте-ка въ кивотѣ своего генія—не отыщете-ль въ немъ какого нибудь дѣйствительнаго средства противъ съумасшествія?

— Развѣ вы хотите лечиться? лукаво спросилъ лекарь, между тѣмъ какъ лицо его сморщилось въ гримасу, которую въ Великій постъ можно было бы счесть за усмѣшку.

— Ай да, Флогистонъ Кислотворовичъ! славно, братъ; право, хоть куда. Иной подумаетъ, что ты изобрѣлъ этотъ отвѣтъ натощакъ. Но я всетаки ложусь на прежній румбъ и повторяю вопросъ мой. Ты теперь въ восторженномъ состояніи, въ возвышенной температурѣ, такъ что зерномъ пороху, которое, сгорая, расширяется въ тысячу разъ противъ прежняго объема...

— ... Sic est... притомъ же масоны красное вино называютъ краснымъ порохомъ... картузъ въ ду-ло!.. ну, теперь я заряженъ.—И такъ, продолжалъ, крякая и охорашиваясь, лекарь, —и такъ вамъ угодно знать лекарство противъ съумасшествія?.. гм! ге? Древніе, между прочимъ и отецъ медицины...

— Т. е. мачиха человѣчества... ввернулъ словцо лейтенантъ.

— Гиппо-по-кратъ, думали, что частое употребленіе геллебора, т. е. чемерицы, или въ просторѣчіи чихотки, можетъ помочь, т. е. облегчить или, лучше сказать, исцѣлить поврежденіе церебральной системы. Да и почему же не такъ? Развѣ не знаемъ, или не видали, или не испытывали вы сами, что щепотки

три гренадерскаго зеленчака могутъ протрезвить человѣка—ибо носъ въ этомъ случаѣ служитъ вмѣсто охраннаго клапана въ паровыхъ котлахъ, чрезъ который лишніе пары улетаютъ вонъ. А поелику и самое безуміе есть ни что иное, какъ сгущенная лимфа, или пары, или мокроты, именуемыя вообще serum, которыя, отдѣляясь отъ испорченной крови, наполняютъ клѣтчатую мозговую плеву; (въ это время лекарь любовался гранеными изображеніями стакана, изъ котораго онъ орошалъ цвѣты своего краснорѣчія)—гм, ге!.. плеву, и постепенно дѣйствуя и противодѣйствуя сперва на тунику, потомъ на перикраніумъ, а наконецъ и на бѣлое существо мозга... А, это вѣрно птица! или пава? — почему Авицена и Аверроэсъ, даже самъ Парацельсъ... Пава, точно пава! — совѣтую діэту и кровопусканіе! другіе же, какъ напримѣръ, Бургавъ, дѣйствуютъ шпанскими мухами, вессикаторіями и синапизмами: третьи, чтобъ сосредоточить умъ, вѣроятно разбѣжавшійся по всему тѣлу, брѣютъ голову, льютъ холодную воду на темя и охлаждаютъ его ледянымъ колпакомъ...

— Чтобы чортъ изломалъ грота-рей на головѣ проклятаго выдумщика такой пытки! Мало содрать съ живого кожу—такъ давай закапывать въ ледъ, какъ бутылку вина на выморозки! Вся ваша медицина — умѣнье промѣнивать кухонную латынь на чистое серебро, покуда матушка-природа не унесетъ болѣзни, или ваши лекарства—больного!

— Прошу извинить, Нилъ Павловичъ: медици-

на... за ваше здоровье... происходитъ отъ латинскаго слова... какъ бишь его... ну да къ чорту медицину! А безуміе, какъ имѣлъ я честь доложить, дѣлится на многіе разряды. Во-первыхъ на головокруженіе, во-вторыхъ на ипохондрію, потомъ на манію, на френезію...

— И на магнезію...

— Какъ на магнезію? Это что за извѣстіе? Магнезія не болѣзнь, а углекислая известь, а френезія, напротивъ...

— Есть вещь, о которой вы часто говорите, которую вы рѣдко вылечиваете и которой никогда не понимаете. Неправда ли, нашъ возлюбленный докторъ?

— Правда на днѣ стакана, Нилъ Павловичъ...

— То-то ей, бѣднягѣ, и достаются однѣ дрожжи.

— Пускай же она и вьется въ нихъ, какъ пискарь—мы обратимся къ нашему предмету.

— То есть, къ вашему предмету, докторъ.

— Гм! ге! Вы вѣрно не знаете, что многіе врачи причисляютъ къ безумію головную боль, цефальгію и даже сплинъ!

— Не знаю, да и знать не хочу.

— Вещь прелюбопытная-съ... Вообразите себѣ, что однажды (это было очень недавно), нѣкто знаменитый русскій медикъ, анатомируя тѣло одного матроса, нашелъ... то есть не нашелъ у него селезенки, сирѣчь spleen, которая и дала свое названіе болѣзни. Изъ этого заключили, что человѣкъ одаренъ въ ней лишнею частію, безъ которой онъ легко

бы могъ жить. Правда, иные утверждаютъ, будто въ животной экономіи селезенка необходима для отдѣленія желчи, но лучшіе анатомисты до сихъ поръ находятъ ее пригодною только для гнѣзда сплина, считаютъ украшеніемъ, помѣщеннымъ для симметріи...

Медицинскія лекціи такъ еще свѣжо врѣзаны были въ памяти лекаря, что онъ и пьяный могъ говорить чепуху, съ равнымъ успѣхомъ, какъ и натрезвѣ; но лейтенантъ, который кончилъ уже свой ужинъ, остановилъ оратора, такъ сказать, на самомъ разлетѣ.

— Усталъ я слушать твою микстуру, любезный докторъ. Вамъ, ученымъ людямъ, все то кажется лишнимъ, чему вы не отыщете назначенія, и еслибъ вы не носили очковъ и тавлинокъ, то, чай, и носъ осудили бы въ отставку безъ мундира. Не о томъ дѣло, можно ли жить безъ селезенки, а о томъ, что худо служить безъ ума. Мнѣ кажется, исчисляя виды съумасшествія, ты пропустилъ самый важный— и этотъ видъ называется любовь, и больной, зараженный ею—капитанъ нашъ.

— Капитанъ?.. вы шутите, Нилъ Павловичъ... произнесъ лекарь, протирая туманные глаза и опять хватаясь за стулъ, какъ будто чувствуя, что, полный винными парами, онъ можетъ улетѣть вверхъ, будто аэростатъ.

— Нисколько не шучу, отвѣчалъ лейтенантъ.— Я повторяю тебѣ, что это Илья Петровичъ Правинъ, достойный командиръ нашего фрегата, — Правинъ со всѣми буквами...

— Гм! ге! вотъ что... такъ онъ-то боленъ любовью?.. съ вашего позволенья...

— Нѣтъ, вовсе безъ моего позволенья. Ужъ эта мнѣ черноглазая княгиня!—она словно околдовала Илью Петровича. И то сказать, хороша собой какъ царская яхта, вертлява какъ люгеръ и, говорятъ, умна какъ бѣсъ... ты, я думаю, помнишь ее — ну, ту высокую даму въ черномъ платьѣ, съ которою въ красотѣ изо всѣхъ нашихъ гостей могла поспорить только фрейлина Левичъ... Какъ находишь ты, докторъ, которая лучше?

— Мадера лучше, возразилъ докторъ. Погруженный въ созерцаніе бутылокъ, онъ только и слышалъ два послѣднія слова.

— Мадера гораздо лучше: ближе къ цѣли.

— То есть ближе къ постели. И дѣльно, братъ; пора твоей посудинѣ въ докъ на зимовку. Однако я говорю не о винахъ, докторъ, но о дамахъ!

— О дамахъ, или попросту о женщинахъ? Гм! Да развѣ это не все равно? Молодая женщина и молодца какъ разъ состаритъ... а старое вино помолодитъ и старика—гдѣ ядъ, тамъ и противоядіе; гдѣ боль, тамъ и лекарство.

— Гротъ-марса-фаломъ клянусь! оба эти зла или оба эти блага вмѣстѣ приведутъ хоть какой умъ къ одному знаменателю. Ужъ еслибъ выбрать меньшее зло, я бы скорѣй посовѣтовалъ капитану трепать почаще бутылочную, чѣмъ женскую шейку; и по мнѣ пусть лучше зарится онъ на карточныя очки, чѣмъ на очи красавицы. Отъ вина поболитъ голова, отъ

проигрыша заведется въ карманѣ сквозной вѣтеръ, но отъ дамъ, кромѣ головы и кармана, зачахнетъ и сердце.

— Сердце! сердце? а что оно такое, какъ не химическая горлянка, въ которой совершается процессъ кровообращенія и окрашиванія крови посредствомъ вдыхаемаго кислорода! Читали ли вы Гарвея? знаете ли вы трактатъ доктора Крейсига о болѣзняхъ сердца?

— И всетаки, я думаю, въ книгѣ этого добраго нѣмца такъ же трудно найти лекарство противъ болѣзни нашего капитана, какъ шутку въ часословѣ. Право, я бы очень желалъ, чтобы ты, нашъ любезный докторъ, хоть крашеной водою и пластырями, магнетизированіемъ и шарлатанствомъ продержалъ его мѣсяца два на фрегатѣ... разлука и діэта— два смертельные врага любви. Авось бы онъ развлекся службою; авось бы наши споры возвратили ему прежнюю веселость; а то онъ самъ не свой теперь. Бывало, его калачомъ не сманишь съ фрегата; ему не спалось на землѣ, ему душно казалось въ городѣ—а теперь все бы ему жить на берегу, да кататься на колесахъ, да лощить бульвары. Подумаешь, право, что онъ поймалъ эту глупую страстишку, какъ жемчужину со дна моря, въ день смотра, когда спрыгнулъ въ воду спасать утопающаго канонира. За него нечего было ахать — онъ плаваетъ, какъ ньюфаундленская собака [1])—за то самъ онъ рас-

[1]) Ихъ называютъ иначе sovetage-dogs... Въ Англіи, близь

таялъ, когда увидѣлъ, что черноглазая княгиня, отъ участія къ нему, въ обморокѣ...

— Да, да, да, да!.. Теперь-то я припоминаю все дѣло. Я засталъ тогда капитана на колѣняхъ передъ нею; онъ былъ мокръ, какъ тюлень, а суетился, будто муха надъ дорожными. Подруга ея сама обезпамятѣла, и вмѣсто того, чтобъ помогать, кричала только: воды, воды, кликните соль, принесите лекаря!

— Скажите пожалуйста, какая напраслина! Ты, кажется, тогда могъ самъ ходить!

— У васъ все шутки, Нилъ Павловичъ! Ну, вотъ какъ я вошелъ—подруга ея приказывала капитану распустить ея шнуровку!

— Вотъ тебѣ и разъ! съ ужасомъ вскричалъ лейтенантъ.— Распустить шнуровку! Пускай бы спросили у Ильи Петровича, куда проходитъ и гдѣ крѣпится послѣдній гитовъ [1]) на каждомъ суднѣ христіанскаго и варварійскаго флота—онъ разсказалъ бы это, какъ Отче нашъ, отъ коуша [2]) до бензеля [3]), а скоро-ль было ему доискаться, гдѣ крѣпится дамскій булень!..[4]) За то ужъ и попалась въ силокъ морская птичка! Видно, чортъ возьми, не всякое

каждаго опаснаго мѣста лежитъ ихъ множество; онѣ, видя разбитое судно, кидаются въ воду и вытаскиваютъ утопающихъ; также пригоняютъ къ берегу тюки и боченки.

[1]) Снасть для сдержки паруса.

[2]) Кольцо жолобкомъ.

[3]) Закрѣпка.

[4]) Снасть съ боку паруса, удерживающая болѣе въ немъ вѣтра.

полушаріе обойдти безопасно, и хорошенькая дамочка бурливѣе мыса Горна. Съ тѣхъ поръ нашъ капитанъ рыскаетъ, будто самъ лукавый стоитъ у него на рулѣ. Говоришь ему объ укладкѣ трюма, а онъ толкуетъ о гирляндахъ. Просишь перемѣнить якорь, а онъ перемѣняетъ жилетъ. Глядитъ въ зрительную трубку, и ему кажется, что голландскій гальотъ прогуливается по берегу въ желтомъ платьѣ. Налетитъ шквалъ, трещатъ стеньги, а онъ хохочетъ. Товарищи смѣются, а онъ вздыхаетъ. Мы пьемъ, а онъ смотритъ въ стаканъ, словно гадаетъ на кофейной гущѣ, какъ тетушка Пелагея Фарафонтьевна.

— Это манія, чистая манія! Это столь же вѣрно, какъ и то, что гиппопотамъ пускаетъ себѣ кровь тростникомъ, боясь апоплексіи, а собаки лечатъ себя отъ бѣшенства водянымъ шильникомъ... Это манія... ма-манія, говорю я вамъ...

— Зови, какъ хочешь: отъ этого капитану не легче, намъ не лучше. Да и, между нами будь сказано, къ чему поведетъ такая глупая страсть?—Она его не можетъ любить: она замужемъ; а если и полюбитъ, тѣмъ хуже — не должна. Если дѣло остановится на первомъ—онъ исчахнетъ; но если, чего Боже сохрани, дойдетъ до второго — онъ совсѣмъ потеряетъ себя: онъ ничего не умѣетъ дѣлать и чувствовать въ половину... я вѣдь знаю его съ гардемаринскаго галуна до штабскаго эполета; отъ лапты на дворѣ Морского корпуса до картечь Наваринскаго дѣла. О, какъ бы дорого далъ я! вскри-

чалъ отъ глубины сердца лейтенантъ, проглотивъ разомъ стаканъ вина, будто имъ хотѣлъ онъ залить свое горе:—я отдалъ бы всѣ свои призовыя деньги, лишь бы увидать моего добраго друга, Илью, въ прежнемъ духѣ... Это душа въ обществѣ, это голова въ дѣлѣ: добръ, какъ ангелъ, и смѣлъ, какъ чортъ! Я предвижу, что онъ настроитъ кучу проказъ; онъ вовсе забудетъ службу, совсѣмъ покинетъ море... и что̀ тогда станется съ нашимъ лихимъ фрегатомъ, со всѣми офицерами, съ командою, что̀ его такъ любитъ? Пусть лучше молнія разобьетъ гротъ-мачту, пусть лучше сорвется руль съ петель, пусть лучше потеряемъ мы весь рангоутъ [1]), нежели своего капитана! Съ нимъ все это трынъ-трава, а безъ него команда не вывернетъ бѣгомъ якоря, не то чтобы на славу убрать въ штормъ паруса и перещеголять чистотою и быстротою англичанъ, какъ мы дѣлывали въ прошломъ году въ Средиземномъ морѣ. Per bacco e signor diavolo! я бы готовъ на полгода отказаться отъ вина и елея, лишь бы вылечить Илью... хоть, признаться сказать, я считаю это такъ же труднымъ, какъ проглотить собаку-блокъ послѣ ужина!

Стеллинскій въ свою очередь говорилъ, не слушая лейтенанта, о медицинѣ. Вино выказало страсти обоихъ, какъ обозначаетъ оно въ хрусталѣ незамѣтныя дотолѣ украшенія.

— Должно начать леченье прохлаждающими

---

[1]) Всѣ мачты, все дерево выше палубы.

средствами, говорилъ онъ, зѣвая: — креморъ-тартаръ... маг-мадера... потомъ піявки, потомъ можно послѣдовать совѣту славнаго римскаго врача Анахорета, который рѣзалъ руки и ноги, чтобъ избавить отъ бородавокъ — и сдѣлать ам-пу-та-цію, да тереть противъ сердца чѣмъ нибудь спир-ту-о-знымъ!

Сынъ Эскулапа былъ пораженъ Морфеемъ въ началѣ рѣчи—участь, грозившая слушателямъ, еслибъ они были тутъ. Голова его упала на грудь, руки повисли, и онъ началъ матеріально доказывать, что, согласно съ мнѣніемъ нашего знаменитаго корнеискателя—русскій глаголъ спать происходитъ отъ слова сопѣть.

Но прежде чѣмъ лейтенантъ кончилъ говорить, а лекарь началъ храпѣть, дверь каюты распахнулась съ трескомъ: въ нее вбѣжалъ вахтенный мичманъ, блѣденъ, испуганъ.

— Нилъ Павлычъ, сказалъ онъ задыхаясь: — насъ дрейфуетъ [1]).

— Людей наверхъ, пошли всѣ наверхъ! крикнулъ лейтенантъ такимъ голосомъ, что онъ могъ бы разбудить мертвыхъ.

Съ этимъ словомъ онъ кинулся на шканцы безъ шапки и безъ шинели; тамъ уже замѣнявшій его лейтенантъ хлопоталъ, какъ помочь горю. Окинувъ опытнымъ взоромъ море и небо, Нилъ Павловичъ увидѣлъ, что съ погодою шутить нечего. Крутые,

---

[1]) Тащитъ съ якоремъ.

частые валы съ яростію катились другъ за другомъ, напирая на грудь фрегата, и онъ бился подъ ними, какъ въ лихорадкѣ. Сила вѣтра не позволяла валамъ подыматься высоко — онъ гналъ ихъ, рылъ ихъ, рвалъ ихъ и со всего раската билъ ими какъ тараномъ. Черно было небо, но когда молніи бичевали мракъ — видно было, какъ ниже, и ниже, и ниже катились тучи, будто готовясь задавить море. Каждый взрывъ молніи разверзалъ на мигъ въ небѣ и въ хляби огненную пасть и, казалось, пламенныя змѣи пробѣгали по пѣнистымъ гребнямъ валовъ. Потомъ чернѣе прежняго зіяла тьма, еще сильнѣе хлесталъ ураганъ въ обнаженныя мачты, крутя и вырывая верви, свистя между блоками.

— Пошелъ на брасы, на топенанты[1]): ходомъ, бѣгомъ! надо обрасопить[2]) реи вдоль судна. Задержалъ ли якорь? Есть[3]). Слава Богу! Господинъ шкиперъ! разнесенъ ли канатъ плехта?[4]) Можетъ, надо лечь фертоингъ[5]). Сдвоить стопора на даглистѣ... очистить бухты![6]) Послать топоръ къ правой кранбалкѣ; если крикну «отдай!» разомъ пертулинъ[7]) пополамъ. Господинъ мичманъ! вы эполета-

---

[1]) Снасти, коими поддерживаются и обращаются реи.
[2]) Поворотить.
[3]) На морскомъ языкѣ есть значитъ: да, исполнено.
[4]) Плехтъ—одинъ изъ большихъ якорей; даглистъ немного менѣе.
[5]) На два якоря.
[6]) Въ кольца сложенныя снасти.
[7]) Веревка, на которой виситъ якорь.

ми отвѣчаете, если рустовъ [1]) отдадутъ рано... нѐ забудьте участи Фалька [2]). Драй, драй, бакштаги въ струну вытягивай!—Ну, молодцы, шевелись, поплясывай! Не то я васъ завтра въ ворсу истреплю. Гей вы, на марсахъ! все ли исправно у васъ? Ага! Стеньги хрустятъ? Эка невидаль! Треснутъ, такъ на зубочистки годятся!—Боцмана! Осмотрѣть кранцы [3]): чтобъ ни одно ядро не тронулось — теперь некогда играть въ кегли. Крѣпко ли задращены порты [4]). Господинъ штурманъ, много ли футъ по лоту? Сто двадцать... лихо!.. гуляй, душа! далеко еще килю до рачьей зимовки!

Такъ или почти такъ покрикивалъ Нилъ Павловичъ, прибавляя къ этому, какъ водится, сотни побранокъ, которыя Николай Ивановичъ Гречъ сравнилъ съ пѣною шампанскаго. Онъ, казалось, попалъ въ родную стихію: осматривалъ все своимъ глазомъ, успѣвалъ самъ вездѣ, и матросы, ободренные его хладнокровіемъ, работали смѣло, охотно, но безмолвно, при тускломъ свѣтѣ фонарей. Порой, когда надъ головами ихъ разражался перунъ, подвижныя купы ихъ озарялись ярко и живописно—будто сейчасъ изъ-подъ мрачной кисти Сальватора, и только мѣрный стукъ ихъ бѣга, только пронзительный го-

---

[1]) Цѣпь, поддерживающая якорь въ горизонтальномъ положеніи.

[2]) Бригъ „Фалькъ“ погибъ оттого, что якорь долго висѣлъ вертикально и, качаясь, прошибъ лапою скулу судна.

[3]) Мѣста, гдѣ лежатъ ядра.

[4]) Ставни амбразуръ.

лосъ свистковъ мѣшался съ завываніемъ бури и съ тяжелымъ скрыпомъ фрегата.

— Ай да ребята — спасибо! сказалъ Нилъ Павловичъ, потирая отъ удовольствія руки. — За капитаномъ по чаркѣ! Теперь дуй — не страшно: мы готовы встрѣтить самый задорный шквалъ, откуда-бъ онъ къ намъ ни пожаловалъ. Хорошо, что я не послушалъ васъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ подвахтенному лейтенанту,—и спустилъ заранѣ брамъ-стеньги [1]): ихъ бы срѣзало, какъ спаржу. Я, правда, съ вечера предвидѣлъ бурю: солнце на закатѣ было красно, какъ лицо англійскаго пивовара, и синія рѣдкія тучки, будто шпіоны, выглядывали изъ-за горизонта; признаюсь, однако, не ждалъ я никакъ такого шторма: всѣ вѣтры и всѣ черти спущены, кажется, теперь со своры... того и гляди, что сорветъ съ якоря и выкинетъ на Финскій берегъ по клюкву.

— Шлюпка идетъ! раздалось съ баку.

— Скажи лучше, тонетъ, вскричалъ съ безпокойствомъ Нилъ Павловичъ.—Кому это вздумалось искать вѣрной погибели? Опрашивай!

— Кто гребетъ?

— Матросъ.

— Съ какого корабля?.. Есть ли офицеръ?

Шумъ бури и волненія мѣшалъ разслушать отвѣты.

---

[1]) Самыя верхнія части мачтъ.

— Кажется, отвѣчаютъ: Надежда—закричали на бакѣ [1]).

— Ослы! загремѣлъ Нилъ Павловичъ, который въ это время вскочилъ на форъ-ванты [2]), чтобы лучше разсмотрѣть шлюпку.—Развѣ не видите вы двухъ фонарей на водорѣзѣ? [3]) Это нашъ капитанъ. Изготовить концы, послать фалрепныхъ [4]) съ фонарями къ правой!

Долгая молнія разсѣкла ночь и оказала гонимую бурею шлюпку, съ изломанной мачтой, съ изорваннымъ парусомъ. Огромный валъ несъ ее на хребтѣ прямо къ борту, грозя разбить въ щепы о пушки—и вдругъ онъ опалъ съ ревомъ, и мракъ поглотилъ все.

— Кидай концы; кричалъ Нилъ Павловичъ, вися надъ пучиною.—Промахъ!—Другой!—Сорвался... Еще, еще!

Новая молнія растворила небо и на мигъ видно стало, какъ отчаянные гребцы цѣплялись крючьями и скользили вдоль по борту фрегата.—Лови, лови! раздавалось сверху, и многія веревки летѣли вдругъ; но вихорь подхватывалъ ихъ и онѣ падали мимо.

---

[1]) При опросѣ есть ли офицеръ?—съ шлюпки, когда въ ней командиръ судна, отвѣчаютъ именемъ судна. Бакъ—носъ судна.

[2]) Лѣстницы веревочныя у передней мачты.

[3]) Отправляя гребное судно на берегъ, условливаются взаимно о числѣ и мѣстѣ фонарей, чтобы ночью можно было опознать и найти другъ друга.

[4]) Веревки для всходящихъ на лѣстницу (трапъ) корабля.

— Боже мой! вскричалъ Нилъ Павловичъ, сплеснувъ руками:—они погибли...

Но они не погибли; ихъ не унесло въ открытое море. Одинъ багоръ удачно вцѣпился въ руль-тали [1]), и по штормтрапу, съ горемъ пополамъ взобрались наши пловцы, чуть не утопленники, на ютъ (корму). Пустую шлюпку мигомъ опрокинуло вверхъ дномъ, и черезъ четверть часа на бакштовѣ [2]) остался лишь одинъ обломокъ шлюпочнаго форштевня [3]).

— Ты живъ, ты спасенъ, другъ мой, братъ мой картечный! говорилъ добрый Нилъ Павловичъ, задушая въ объятіяхъ капитана.

Но вдругъ онъ вспомнилъ долгъ подчиненности— отступилъ на два шага и преважно началъ рапортовать о состояніи судна и команды. Въ этой сценѣ было много забавнаго и почтеннаго вмѣстѣ. Глядя тогда на Нила Павловича, вы бы сказали: онъ прекрасный человѣкъ, онъ достойный солдатъ! вы бы поручились за него, что онъ не измѣнитъ ни одному благородному чувству, какъ не преступитъ ни одной причуды службы.

— Благодарю сердечно, благодарю всѣхъ господъ за исправность, говорилъ капитанъ окружившимъ его офицерамъ,—а васъ, Нилъ Павловичъ, особенно. За вами я бы могъ спать спокойно, еслибъ вы

---

[1]) Снасти у руля, снаружи висящія.

[2]) Веввь. за которую вяжутъ шлюпки за кормою.

[3]) Основа.

могли повелѣвать такъ же удачно стихіями, какъ вахтой. Но я предвидѣлъ ужасную бурю и хотѣлъ раздѣлить съ вами опасность. Могу вамъ разсказать новости о погодѣ, потому что я былъ тамъ, куда не достанутъ ночью ваши взоры. Шквалъ налетитъ сію минуту. Готовъ ли другой якорь?—Готовъ.—Тѣмъ лучше. На бакѣ ало! закричалъ капитанъ въ рупоръ.—Изъ бухты вонъ! отдай якорь!

Какъ ни силенъ былъ плескъ волнъ и ревъ бури, но послышалось, когда бухнулъ въ воду тяжкій якорь и съ глухимъ громомъ покатился канатъ изъ клюза.

— Шквалъ съ вѣтра, шквалъ идетъ! раздалось на бакѣ.

Случалось ли вамъ испытывать сильный шквалъ на морѣ?

Передъ нимъ на минуту воцаряется какая-то грозная тишь, море кипитъ, волны мечутся, жмутся, толкутся, будто со страху; водяная метель съ визгомъ летитъ надъ водою—это раздробленныя верхушки валовъ; и вотъ вдали, подъ мутнымъ мракомъ, изорваннымъ молніями, бѣлой стѣною катится валъ... ближе, близко — ударилъ! Нѣтъ словъ, нѣтъ звуковъ, чтобъ выразить гудѣнье и вой, и шорохъ, и свистъ урагана, встрѣтившаго препону; кажется, весь адъ пируетъ и хохочетъ съ какою-то сатанинскою злобою! Такой-то шквалъ налетѣлъ на фрегатъ «Надежду» и зарылъ носъ его въ бурунъ, такъ что волна перекатилась по палубѣ до самой кормы.

Ударъ водяной массы и порывъ вѣтра были такъ жестоки, что стопора [1]) перваго якоря лопнули, прежде чѣмъ канатъ второго вытянулся. Фрегатъ задрожалъ, какъ листъ, и вдругъ съ невѣроятною быстротою кинулся по вѣтру. Второй канатъ, едва полузастопоренный, не могъ сдержать корабля съ разбѣга, и оба вдругъ пошли сучить въ оба клюза.

Не каждому моряку во всю свою службу случалось видать суматоху отъ высучки канатовъ. Это страшно и смѣшно вмѣстѣ! Вообразите себѣ два каната чуть не въ обхватъ толщиною, которые съ ревомъ и громомъ бѣгутъ съ кубрика или изъ дека, гдѣ были уложены, вверхъ... они вьются какъ удавы огромными кольцами, хлещутъ какъ волны, взбрасывая на воздухъ все встрѣчное—сундуки, койки, ядра, людей; и наконецъ, крутясь узломъ черезъ толстый брусъ битенга [2]), зажигаютъ его треніемъ. Это пеньковый тифонъ, отъ котораго все лётитъ вдребезги или бѣжитъ съ воплемъ. Напрасно кидаютъ въ клюзъ койки и вымбовки [3]), чтобы сдавило и заѣло канатъ — онъ бѣжитъ вонъ неудержимо.

Къ счастью, на фрегатѣ оба каната закрѣплены были огономъ за шпоръ [4]) гротъ-мачты. Удары отъ внезапной задержки съ разбѣга заставили вздрог-

---

[1]) Снасти, коими канатъ прикрѣпляется къ кольцамъ (рымамъ), вбитымъ въ палубу.

[2]) Устой для крѣпленья канатовъ.

[3]) Палки, коими вращаютъ воротъ.

[4]) Низъ.

нуть весь остовъ, и едва-едва уцѣлѣли стеньги. Якоря забрали, фрегатъ сталъ въ тотъ мигъ, когда капитанъ, не надѣясь на канаты, послалъ по марсамъ, готовясь на обрывѣ вступить подъ паруса, чтобы жестокій нордъ-нордъ-остъ не выкинулъ его на отмели и рифы негостепріимнаго берега Финляндіи. Осмотрѣлись: люди были цѣлы, изъянъ ничтоженъ. Волненье ходило горами, дождь лился потокомъ, и къ довершенію этой ужасно-прекрасной картины невдалекѣ показались смерчи, или тромбы. Они очень замѣтны были во мракѣ, вздымаясь, бѣлые, изъ валовъ, какъ духъ бурь, описанный Камоэнсомъ... голова ихъ касалась тучъ, ребра увивались безпрерывными молніями... Море съ глухимъ гуломъ кипѣло и дымилось котломъ около—они вились, вытягивались и распадались съ громомъ, осыпая валы фосфорическими огнями. Матросы съ благоговѣйнымъ ужасомъ глядѣли на это рѣдкое для нихъ явленіе.

— Не прикажете ли, капитанъ, поподчивать этихъ незваныхъ гостей ядрами? спросилъ Нилъ Павловичъ.

— Прикажите только изготовить два плутонга пушекъ на оба борта, и стрѣлять тогда развѣ, когда какой нибудь любопытный тифонъ вздумаетъ пощупать насъ за утлегарь. Мнѣ не хочется дѣлать тревоги въ Кронштадтѣ. Пожалуй, тамъ подумаютъ, что мы перепугались, что наша «Надежда» гибнетъ.

Миновалась опасность, но не буря. Вѣтеръ дулъ ровнѣе, но все еще жестоко, и фрегатъ, бросаемый

волненіемъ, то носомъ, то кормой ударялся въ воду, разбрызгивая буруны въ пѣну, но содрогаясь, стеная и скрыпя отъ каждаго взмаха. Половину команды распустили по койкамъ; другая смирно жалась у сѣтокъ. Нилъ Павловичъ съ рупоромъ подъ мышкою ходилъ по шканцамъ, заботливо взглядывая то на море, то на капитана—а капитанъ, безмолвенъ, стоялъ опершись о колесо штурвала. Свѣтъ лампы изъ нактоуза [1]) падалъ прямо на его блѣдное, но выразительное лицо. Взоры его слѣдили вереницы летящихъ тучъ и бразды молній, ихъ разсѣкающихъ... Онъ не чувствовалъ ни вѣтра, ни дождя; онъ долго не слышалъ голоса друга—душа его носилась далеко-далеко.

Наконецъ Нилъ Павловичъ дернулъ его за рукавъ.

— О чемъ замечтался ты, Илья? спросилъ онъ съ братскимъ участіемъ.

Правинъ будто проснулся.

— О чемъ? — какъ легко это спросить — за то какъ трудно отвѣчать на это! Вихорь мыслей крутился въ головѣ, и цѣлый водоворотъ мыкалъ мое сердце. Еслибъ я и умѣлъ тебѣ высказать все это— я бы не досказалъ всего до сѣдыхъ волосъ. Впрочемъ, нѣтъ дѣйствія безъ причины, и если я не смогу разсказать, о чемъ мечталъ, то не умолчу, отчего эти мечты меня обуяли. Загадка, для чего насъ отъ всей эскадры оставили однихъ на кронштадтскомъ рейдѣ — объяснилась: нашъ фрегатъ назна-

---

[1]) Шкафъ, въ которомъ хранится компасъ.

ченъ въ Средиземное море; мы повеземъ важныя бумаги союзнымъ адмираламъ и президенту Греціи.

— И вѣрно ядра да картечи для закуски туркамъ! Гротъ-марса-рея меня убей, мнѣ смерть хочется сцѣпиться на абордажъ съ какимъ нибудь капитанъ-пашинскимъ кораблемъ!

— Но я, милый Нилъ, я краснѣю за себя! Душа моя рвется на-двое: одна половина хочетъ пустить корни въ столицѣ, между тѣмъ какъ другая жаждетъ раздолья и битвы. И такъ, думалъ я, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... сегодня же, сейчасъ хотѣлъ бы я вырваться изъ оковъ своихъ... я съ радостью ждалъ минуты, когда насъ сорветъ съ якорей, чтобы распустить крылья и улетѣть изъ этого чада, растлѣвающаго душу.

— Недолга пѣсня скомандовать на марса-фалы! Но вступать подъ паруса въ такую темную ночь, въ такую бурю!

— Въ бурю? повторилъ разсѣянно капитанъ:— въ такую бурю! Что значитъ эта буря противу бунтующей въ моей груди?

Нилъ Павловичъ долго и пристально глядѣлъ въ лицо друга — наконецъ крѣпко сжалъ ему руку и произнесъ:

— Бѣдный Илья!

Бѣдный Правинъ! повторю и я.

Капитанъ-лейтенантъ Правинъ къ лейтенанту Нилу Павловичу Кокорину.

Что бы ты сказалъ, что бы подумалъ ты, добрый другъ мой, еслибъ увидѣлъ мои вчерашніе сборы на вечеръ къ княгинѣ? Я, я, которому, такъ же какъ и тебѣ, до сихъ поръ все платье шилось парусникомъ, я затянулся въ мундиръ, шитый самымъ лучшимъ, т. е. самымъ дорогимъ портнымъ столицы, да и тотъ не угодилъ на меня. То, казалось мнѣ, не выровнены пуговицы, то проглядываютъ кой-гдѣ преступныя складки... тамъ это, здѣсь не то... словомъ, я бы на вечеръ пріѣхалъ на завтрашнее утро, еслибъ бой часовъ не заставилъ меня поторопиться. Волосы мои натированы [1]) были помадою, бѣлье пробрызгано духами; галстухъ не галстухъ, перчатки не перчатки—верчусь передъ зеркаломъ, молодецъ хоть куда. Повторивъ нѣсколько разъ всѣ эволюціи салюта и ордеръ марша по гостиной, и потомъ ордеръ баталіи: «спуститься по вѣтру, чтобы прорѣзать линію непріятельскихъ стульевъ, потомъ лечь въ дрейфъ и начать перестрѣлку», плащъ на плечо—наемная карета у крыльца—качу.

Крѣпко забилось мое ретивое, когда Каменноостровскій мостъ задрожалъ подъ колесами моей кареты. И вотъ дача князя!—въ окнахъ сіяетъ день, сквозь цвѣты мелькаютъ тѣни, народу тьма—хра-

---

[1]) Т. е. высмолены, отъ англійскаго слова tare — смо-Тируютъ только стоячій такелажъ.

брость моя роняетъ брамсели. Однакожъ, снайтовя [1]) сердце, перехожу аванзалу такъ осторожно, будто сквозь каменистый входъ въ портъ Свеаборга. Имя мое изъ устъ оффиціанта раздается словно боевая пушка — во мнѣ занялся духъ и на глаза упалъ туманъ, хоть подымай сигналъ: не ясно вижу! Но экваторъ былъ уже перейденъ—ворочаться поздно; вхожу, кланяюсь безъ прицѣла, краснѣю будто каленое ядро, верчусь направо и налѣво не лучше рыскливаго корабля, однимъ словомъ, чувствую самъ, что я такъ же ловокъ, какъ выброшенный на берегъ китъ—и мѣшаюсь вдвое пуще. Мужскіе лорнеты, казалось, сожигали меня въ пепелъ; дамскіе взгляды пронизывали наперекрестъ, будто конгревовы ракеты; даже ковры егозили подъ ногами, и проклятыя зеркала, это оптическое эхо, передразнивали въ двадцати видахъ мое замѣшательство. О! еслибъ знала княгиня, какъ дорого стоило моему самолюбію быть на такой выставкѣ—она бы пожалѣла, она бы наградила меня! Вещь, которая для всякаго свѣтскаго повѣсы была бы или незначуща или пріятна, во мнѣ обращалась въ истинное самоотверженіе... Пріѣхавъ въ надеждѣ понравиться княгинѣ, я уже трепеталъ за то, что не понравлюсь... стѣнь ложнаго стыда удушала меня. Къ счастію, эта сцена была непродолжительна. Толстякъ хозяинъ поспѣшилъ ко мнѣ на выручку, и сама хозяйка, привставъ съ дивана, такъ ободрительно ме-

[1]) Скрѣпя.

ня поприветствовала, что душа моя распрямилась вдругъ... я гордо поднялъ голову, я окинулъ всѣхъ свѣтлымъ окомъ: что̀ значила для меня невзгода всѣхъ пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ гостиной, когда я былъ уже обласканъ тою, чья единственно ласка была дорога мнѣ! Гости поняли эту мысль, и ропотъ затихъ, и всѣ улыбнулись мнѣ, будто по приказу. Общественное мнѣніе всегда склоняется къ тому, кто не дорожитъ имъ нисколько.

Меня усадили въ полукругѣ между какимъ-то кавалеромъ посольства, который глядѣлъ на весь міръ съ вышины своей некрахмаленной косынки, и незнакомымъ офицеромъ, отъ котораго еще благоухало браиловскою гюлябъ-су [1]). Первый надувалъ остроуміемъ мыльные пузыри; другой заклинался гуріями не хуже любого ренегата, прочіе гости занимались умноженіемъ нуля, т. е. переливали изъ пустого въ порожнее. Послѣ неизбѣжныхъ переспросовъ я притаился въ креслѣ и далъ полный разгулъ глазамъ и мечтамъ своимъ. Ты, не добиваясь патента на пророчество, угадаешь, къ какому полюсу влекся компасъ мой: это была она — истинный полюсъ, охваченный полярнымъ кругомъ свѣтской холодной суеты. И что такое были всѣ эти собесѣдники, какъ

---

[1]) Розовая вода: она въ большомъ употребленіи въ Азіи. Это арабскія слова: гюль — роза, и абъ — вода, су—(тоже вода) прибавляютъ азіятцы изъ невѣжества. У насъ ее звали: гуляфъ.

— Я гуляфною водою бѣлы руки мою!
(Пѣсня временъ Елисаветы).

не льдины: блестящія, но безжизненныя, носимыя вѣтромъ моды вмѣсто своей воли, и порой зеленѣющія чахлыми порослями, какія видѣлъ Парри въ Баффиновомъ заливѣ; и это-то называютъ они цвѣтами общества!

Но возвратимся къ ней, еще къ ней, опять къ ней! Я пилъ долгими глотками сладкій ядъ ея взоровъ—мнѣ было такъ хорошо! Она шутила—я отвѣчалъ тѣмъ же... откуда что бралося! — недаромъ говорятъ, что любовь и сводитъ съ ума, и даетъ умъ. Когда я говорилъ съ нею—застѣнчивость покидала меня; за то едва другая дама обращала ко мнѣ слово—я краснѣлъ, я блѣднѣлъ, я вертѣлся на стулѣ, будто онъ набитъ былъ иголками, и бѣдная шляпа моя чуть не пищала въ рукахъ. Ты знаешь, что я могу лепетать по-французски не хуже дымчатаго попугая; но знаешь и то, что, изъ упрямства ли, или отъ народной гордости, не люблю мѣнять родного языка на чужеземный. Вотъ, сударь, волей и неволей господа, удостоивавшіе меня своимъ разговоромъ, слыша твердо произнесенный отзывъ: я не говорю по-французски, принуждены были изъясняться со мной по-русски, и признаюсь, я не разъ жалѣлъ, что не взялъ съ собою переводчика. Охотнѣе всѣхъ и, къ удивленію моему, чище всѣхъ говорила по-русски княгиня — это дѣлаетъ честь Москвѣ, это приводило меня въ восхищеніе. Радъ ты или не радъ, а меня беретъ искушеніе послать къ тебѣ кусочекъ нашего разговора, хоть я очень знаю, что разговоръ, какъ вафли — хорошъ

только прямо съ огня и въ летучей пѣнѣ шампанскаго.

Мы спорили. Княгиня вѣрить не хотѣла постоянству чувствованій моряковъ. Она называла насъ кочевымъ народомъ, людьми, которые ищутъ двухъ веснъ въ одинъ годъ и гоняются за открытіями, чтобы оставить на нихъ чугунную дощечку съ надписью: тогда-то здѣсь былъ такой-то. Но развѣ быть — значитъ жить? Или видѣть — значитъ чувствовать? Частыя перемѣны мѣстъ не даютъ окрѣпнуть привязанностямъ до страсти, воспоминанію до глубокаго сожалѣнія.

— Даже вы сами, продолжала она: — вы — скиталецъ съ раннихъ лѣтъ по далекимъ морямъ — признайтесь: надышавшись воздухомъ ароматныхъ лѣсовъ Бразиліи; набродившись по чуднымъ коралловымъ островамъ Тихаго океана или по исполинскимъ дебрямъ Австраліи; налюбовавшись плавучими ледяными горами южнаго полюса, или вулканами, раскаляющими небо своимъ дыханіемъ, — скажите, какова показалась вамъ послѣ того болотная, плоская, туманная родина?

— Прелестнѣе чѣмъ прежде, княгиня? Вы меня считаете въ ощущеніяхъ вѣтренѣе всякой дамы, которая, сбросивъ съ себя украшеніе, на-завтра забываетъ или, нашедши, презираетъ его. Чувства нельзя забыть, какъ моду, и прекрасный климатъ не замѣна отечеству. Эти туманы были моими пеленами, эти дожди вспоили меня, этотъ репейникъ былъ игрушкою моего дѣтства. Я выросъ, я дышалъ воздухомъ,

въ которомъ плавали частицы моихъ предковъ, я поглощалъ ихъ въ растеніяхъ. Русская земля во мнѣ обратилась въ тѣло и въ кости. О! повѣрьте мнѣ: отечество не мѣстная привычка, не пустое слово, не отвлеченная мысль; оно живая часть насъ самихъ; мы нераздѣльная мыслящая часть его—мы принадлежимъ ему нравственно и вещественно. И какъ хотите вы, чтобы въ разлукѣ съ нимъ мы не грустили, не тосковали? Нѣтъ, княгиня, нѣтъ! въ русскомъ сердцѣ слишкомъ много желѣза, чтобы не любить сѣвера!

— И въ вашемъ тоже, капитанъ? спросила княгиня.

— Я русскій, княгиня; я суровый славянинъ, какъ говоритъ Пушкинъ.

— Тѣмъ на этотъ разъ хуже: я ненавижу чугунныя сердца — на нихъ невозможно сдѣлать никакого впечатлѣнія!

— Почему же нѣтъ, княгиня! разгорячите этотъ металлъ, и онъ будетъ очень мягокъ, и потомъ рука времени не сотретъ того, что вы на немъ изобразите.

— Но для изображенія чего нибудь — надо ковать молотомъ, а это вовсе не дамское дѣло.

— Терпѣніе, княгиня, даетъ умѣніе.

— Но всякій ли, капитанъ, можетъ командовать терпѣніемъ, какъ вы «Надеждою»? Да, кстати о «Надеждѣ» — все ли въ добромъ она здоровьѣ?

— Напротивъ, княгиня, бури ее одолѣли съ тѣхъ поръ, какъ вы ее оставили.

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, продолжала княгиня, все еще играя словами о имени моего фрегата: — надѣюсь, она васъ не покинула!

— Все равно почти: я очень далекъ отъ нея!

— Но, какъ вѣрный рыцарь, не покидаете за то ея символа: на воротникѣ вашемъ таинственно блестятъ два якоря.

— Замѣтьте, княгиня, примолвилъ я со вздохомъ:—они съ оборванными канатами.

Въ это время офицеръ, сосѣдъ мой, наклонившись сзади меня къ дипломату, сказалъ ему вполголоса: Il se pique d'esprit, ce lion marin.

— Oui-da, отвѣчалъ тотъ:—Il s'en pique!

— Et cette fois il n'est pas si bête, qu'il en a l'air, примолвилъ первый, презрительно покачиваясь на стулѣ.

Я вспыхнулъ. Такое неслыханное забвеніе приличій обратило вверхъ дномъ во мнѣ мозгъ и сердце; я бросилъ пожигающій взоръ на наглеца, я наклонился къ нему и также вполголоса произнесъ:

— Si bon vous semble, mr., nous fairons notre assaut d'esprit demain à 10 heures passées. Libre à vous de choisir telle langue, qu'il vous plaira—celles de fer et de plomb y comprises. Vous me saurez gré, j'espère, de m'entendre vous dire en cinq langues européennes, que vous êtes un lâche?

Не можешь представить себѣ, какъ смутился мой обидчикъ: онъ покраснѣлъ краснѣе своихъ отворотовъ, онъ окинулъ глазами собраніе, какъ будто

искалъ въ немъ подпоры или обороны; но всѣ отворотились прочь, будто ничего не слыхали. Наглецъ и тутъ хотѣлъ еще отдѣлаться хвастовствомъ.

— Очень охотно! отвѣчалъ онъ, играя цѣпочкою часовъ; — только я предупреждаю васъ: я бью на лету ласточку.

Я возразилъ ему, что не могу хвастаться такимъ же удальствомъ, но, вѣроятно, не промахнусь по сидячей воронѣ.

Противнику моему пришлось плохо, но мнѣ было едва-ль не хуже его. Гнѣвъ пробѣгалъ меня дрожью; я кусалъ губы чуть не до крови, я блѣднѣлъ, какъ желѣзо, раскаленное до-бѣла. Невнятныя слова вырывались изъ моихъ устъ, подобно клочьямъ паруса, изорваннаго бурей; присутствіе людей, въ глазахъ которыхъ я былъ униженъ и еще не отомщенъ, меня душило... Наконецъ я осмѣлился поднять глаза на княгиню... говорю: осмѣлился, потому что я боялся встрѣтить въ нихъ сожалѣніе, горчайшее самой злой насмѣшки... И я встрѣтилъ въ нихъ участіе, сострастіе даже. Взоры ея пролились на мою душу, какъ масло, утишающее валы... въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражались и гнѣвъ за мою обиду, и страхъ за мою жизнь... они такъ лестно, такъ отрадно укоряли и умоляли меня! Я стихъ. Общество занялось прежнимъ, будто не замѣчая нашего à parte; разговоръ катился изъ рукъ въ руки. Я чувствовалъ себя лишнимъ, всталъ, раскланялся и вышелъ, но уже безъ замѣшательства, безъ оглядокъ: обиженная гордость придала мнѣ самонадѣя-

нія.— Мы надѣемся видѣть васъ почаще, молвилъ хозяинъ, прощаясь со мною. Ступая за дверь, я обернулся... о, другъ мой, другъ мой!—я худо знаю женскую сигнальную книгу, но за взоръ, брошенный на меня княгинею, я бы готовъ былъ вынести тысячу обидъ и тысячу смертей! Завтра со своими пулями и страхами для меня исчезло... всю ночь мнѣ видѣлась только княгиня. Меня волновалъ только прощальный взглядъ ея.

Петергофъ, іюль, 1829.

Отъ того же къ тому же.

День послѣ.

Въ Кронштадтъ.

Брось въ огонь исторію караблекрушеній, любезный Нилъ! Мое сухопутное крушеніе курьезнѣе всѣхъ ихъ вмѣстѣ, говорю я тебѣ. Воображаю, съ какимъ изумленіемъ протиралъ ты глаза, читая послѣднее письмо мое. Илья влюбленъ, Илья щеголь, Илья въ гостиной, Илья наканунѣ поединка!! Потвоему, все это для моряка столько же несбыточно, какъ прогулка Игорева флота на колесахъ—и между тѣмъ все это гораздо болѣе историческое, чѣмъ романы Вальтеръ-Скотта. Счастливецъ ты, Нилушка, что не знаешь, не вѣдаешь, куда забросить можетъ сердце валъ страсти. Я стыжусь другихъ, браню себя—и всетаки влекусь отъ одной глупости къ другой. Бѣднягу-умъ укачало въ этомъ волненіи, и онъ лежитъ да молчитъ и, во всѣ глаза глядя, ни зги не видитъ.

Впрочемъ, что ни толкуй, а отъ прошлаго не отлавируешься. Дѣло было сдѣлано: поединку рѣшено быть; недоставало только тебя въ секунданты... Благодаря, однако-жъ, принятому повѣрью, въ Петербургѣ черезъ край охотниковъ въ свидѣтели суда Божія, какъ говорили въ старину, удовлетворенія дворянской чести, какъ говорятъ нынѣ — съ одинаковою основательностію. Въ 10 часовъ утра мы съѣхались, раскланялись другъ другу съ возможною любезностью, и между тѣмъ какъ секунданты отошли въ сторону торговаться о шагахъ и осѣчкахъ, противникъ мой, видно по пословицѣ утро вечера мудренѣе, подошелъ ко мнѣ ласковый: тише воды, ниже травы.

— Мнѣ кажется, капитанъ, сказалъ онъ мнѣ,— намъ бы не изъ-за чего ссориться.

— Безъ всякаго сомнѣнія, намъ не изъ-за чего ссориться, но драться есть поводъ и весьма достаточный: я обиженъ вами, какъ человѣкъ, какъ русскій и какъ офицеръ—пули рѣшатъ наше дѣло, отвѣчалъ я.

— Но какъ рѣшатъ, капитанъ? Убитый будетъ всегда виноватъ, а убитымъ можете быть и вы.

— Что-жъ дѣлать, м. г.? Я-ль виноватъ, что въ вашемъ свѣтѣ право заключено въ удачѣ? Убьютъ, такъ убьютъ! Меня повезутъ тихомолкомъ на кладбище, а вы поѣдете въ театръ разсказывать въ между-дѣйствіи о своемъ удальствѣ.

— Вы говорите объ этомъ по преданію, капитанъ. Нынѣшній государь не терпитъ дуэлей; и если кто

нибудь изъ насъ положитъ другого—ему отведутъ келью немного развѣ поболѣе той, въ которую опустятъ покойника. Подумайте объ этомъ, капитанъ!

— М. г.! Обидчикъ вы, а не я; ваше дѣло было подумать о слѣдствіяхъ прежде, чѣмъ такъ дерзко шутить на счетъ другого!

— Но я вовсе не полагалъ, что вы знаете по-французски; вы сами сказали, что не говорите на этомъ языкѣ.

— Значитъ, вы, м. г., плохо знаете русскій языкъ, когда слово не говорю принимаете за не понимаю!

— О! что касается до русскаго языка — я предаю вамъ его цѣликомъ! Мнѣ вовсе не охота ломать копье за мадамъ грамматику; а такъ какъ я вижу, что вы благоразумный и достойный человѣкъ, капитанъ, то за удовольствіе сочту кончить все по-пріятельски.

— Благодарю за пріязнь, м. г; я не имѣю привычки дружиться подъ вліяніемъ пуль или пробокъ! Мы будемъ стрѣляться!

— Если за этимъ только стоитъ дѣло—мы будемъ стрѣляться; но какъ философы, какъ люди повыше предразсудковъ—такъ, чтобы и волки были сыты и бараны цѣлы. Послушайте меня, примолвилъ онъ тихо, отводя меня въ сторону:—я знаю, что я не совсѣмъ правъ; но развѣ и вы не виноваты? Вы можете принять, что я говорилъ о васъ заочно, а заочно и про царей говорятъ! Я съ своей стороны будто не слыхалъ чего-то рѣзкаго, вами въ лицо мнѣ

сказаннаго. Сдѣлаемтесь же, какъ многіе сдѣлываются. Выстрѣлимъ другъ въ друга, но такъ, въ сторону, мимо, понимаете? Объ этомъ никто не будетъ знать, можно надуть даже самихъ секундантовъ. Послѣ выстрѣла, я попрошу у васъ извиненія—и дѣло въ шляпѣ, и шляпы на головахъ. Послѣ всѣ станутъ кричатъ: вотъ истинно храбрые, благородные люди: одинъ умѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ, а другой остановиться въ пору. Конечно, я могъ бы попросить извиненія и раньше; но извиняться передъ дуломъ пистолета — это какъ-то нейдетъ, не водится; пожалуй, иной злословникъ скажетъ, будто я струсилъ, а я дорого цѣню свою честь! Итакъ, по рукамъ, любезный капитанъ!

Не можешь себѣ вообразить, какое глубокое презрѣніе почувствовалъ я, видя столь безстыдное хвастовство, прикрывающее столь разсчетливое униженіе; и въ комъ же? въ человѣкѣ, который по привычкѣ, если не по духу, долженъ быть храбрымъ, или, по крайней мѣрѣ, для мундира, если не для лица храбрымъ казаться! Не могу вѣрить, говорилъ маркизъ Граммонъ, чтобы Богъ любилъ глупыхъ. Не хочу вѣрить, говорю я, чтобы женщина могла любить, а мужчина уважать труса. Я такъ взглянулъ на него, что онъ потупилъ глаза и покраснѣлъ до ушей. Не сказавъ ни слова, указалъ я ему на секундантовъ; они приближались съ готовыми пистолетами: мы сбросили плащи и стали на 30 шаговъ другъ отъ друга; каждому оставалось пройти по двѣнадцати до средняго барьера. Маршъ.

У меня секундантомъ былъ одинъ гвардеецъ, премилый малый и прелихой рубака. Въ дуэляхъ классикъ и педантъ, онъ проводилъ въ Елисейскія поля и въ клинику не одного, какъ другъ и недругъ. Онъ далъ мнѣ добрые совѣты, и я воспользовался ими какъ нельзя лучше. Я пошелъ быстрыми, широкими шагами навстрѣчу, не поднявъ даже пистолета; я сталъ на мѣсто, а противникъ мой былъ еще въ полудорогѣ. Всѣ выгоды перешли тогда на мою сторону: я преспокойно цѣлилъ въ него, а онъ долженъ былъ стрѣлять на ходу. Онъ понялъ это и смутился: на лицѣ его написано было, что дуло моего пистолета показалось ему шире Кремлевской пушки, что оно готово проглотить его цѣликомъ. Со всѣмъ тѣмъ стрѣлокъ по ласточкамъ хотѣлъ предупредить меня, заторопился, спустилъ курокъ,— пуля свистнула — и мимо. Надо было видѣть тогда лицо моего героя. Оно вытянулось до пятой пуговицы.

— Прошу на барьеръ! сказалъ я ему, — онъ не слышалъ, онъ стоялъ какъ алебастровый истуканъ. Наконецъ, секунданты подвели его къ барьеру; и такъ силенъ предразсудокъ надъ духомъ, не только умомъ слабыхъ людей, что онъ выискалъ въ стыдѣ замѣну храбрости и принудилъ себя улыбнуться въ тотъ мигъ, когда бы со слезами готовъ былъ спрятаться въ кротовую норку, придавленную его пятою.

Секундантъ съ дипломатическою точностію поставилъ его бокомъ, съ пистолетомъ, поднятымъ отвѣс-

но противъ глаза, для того, говорилъ онъ, чтобы по возможности закрыть рукою бокъ, а оружіемъ голову, хоть прятаться отъ пули подъ ложу пистолета, по мнѣ, одно, что отъ дождя подъ бороной. Это плохое утѣшеніе для человѣка, по которомъ цѣлятъ на пяти шагахъ, и какъ ни вытягивался противникъ мой, чтобъ наименѣе представить площади пулѣ, но еслибъ онъ превратился даже въ астрономическій меридіанъ, все еще оставалось довольно мѣста, чтобы отправить его верхомъ на пулѣ въ безъизвѣстную экспедицію. Я два раза подымалъ пистолетъ и два раза опускалъ его поправить кремень, наслаждаясь между тѣмъ страхомъ хвастуна; наконецъ, мнѣ стало жаль его, или, прямѣе сказать, онъ сталъ мнѣ такъ презрителенъ, что я подумалъ: для такихъ ли душъ изобрѣталъ порохъ Бартольдъ-Шварцъ, а Лепажъ тратилъ свое искусство? — отворотился и выпалилъ на воздухъ. Противникъ мой чуть не запрыгалъ отъ радости и схватилъ бы меня за руку, еслибъ я не спряталъ ея въ карманъ.

— Господа! сказалъ онъ, обращаясь къ секундантамъ:—теперь, выдержавъ выстрѣлъ (ему слѣдовало сказать: выслушавъ выстрѣлъ), я долгомъ считаю просить у моего противника извиненія... то есть прощенія, примолвилъ онъ, замѣтивъ, что мой секундантъ принялся снова заряжать пистолеты.— Я былъ точно виноватъ передъ нимъ—довольны ли вы этимъ? Что-жъ до меня касается, то отнынѣ я стану говорить всѣмъ и каждому, что г. Правинъ самый храбрый и благородный офицеръ.

— Жалѣю, что не могу отплатить вамъ тѣмъ же, сказалъ я своему противнику.—Господа! благодарю васъ... прощайте!

— Лихо! сказалъ мой секундантъ, влѣзая за мной въ карету. Она помчалась въ городъ.

С.-Петербургъ.

Отъ того же къ тому же.

Два дня спустя.

Въ Кронштадтъ.

Перевяжи узломъ мой брейдъ-вымпелъ, любезный другъ, опусти его въ полстеньги, вели пѣть за упокой моего разсудка—приказалъ онъ долго жить! Его стоитъ выкинуть теперь за бортъ, какъ пустую бутылку. Да и какая бы голова устояла противъ электрической баттареи княгини Вѣры? До сихъ поръ мнѣ казалось, что привязанность моя къ ней—одна шалость; теперь я чувствую, что въ ней судьба моей жизни — въ ней сама жизнь моя. Сначала въ воображеніи моемъ любовные узлы путались со снастями; еще фрегатъ нашъ заслонялъ порой милый образъ своими лиселями [1]), и бурное море оспаривало владычество у любви; теперь же все соединилось, слилось, исчезло въ княгинѣ; не могу ничѣмъ заняться, ничего вообразить, кромѣ ея: всѣ мои мечты, всѣ страсти мои скипѣлись въ три магическія буквы: она. Это весь мой міръ, вся моя

[1]) Паруса, съ боку другихъ поднимаемые.

исторія. Но что я разсказываю, но кому говорю я! Можетъ ли безстрастный человѣкъ постичь меня, когда я самъ себя не понимаю! Можешь ли ты, со своимъ мѣднымъ секстаномъ, со своими вычисленіями безконечно малыхъ, охватить это новое, лишь сердцу доступное небо, опредѣлить быстроту и путь этой реющей по немъ кометы! По крайней мѣрѣ ты можешь пожалѣть меня, своего друга—меня, который не завидуетъ ничему въ обѣихъ жизняхъ: ни вѣнку генія на землѣ, ни крыльямъ серафимовъ въ небѣ, ничему, кромѣ взаимности Вѣры. О! еслибъ ты видѣлъ теперь мое сердце и еслибъ ты былъ способенъ къ поэзіи, ты бы сравнилъ его съ Мильтоновымъ Эмпиреемъ, оглашеннымъ битвою ангеловъ съ демонами!.. оно—да нѣтъ у меня словъ выразить, что такое переполняетъ, волнуетъ, взрываетъ его!! Можетъ ли сказать какой нибудь путешественникъ-денди, скрыпя табакеркою, выточенною изъ лавы: я знаю, что такое лава! Вотъ мое письмо—вотъ мое сердце. Не станемъ же переводить высокое на смѣшное, не станемъ точить игрушекъ изъ молніи. Но могу ли не говорить о ней, когда о ней одной могу я думать! Очень знаю, что мое болтанье для тебя несноснѣе штиля, скучнѣе расходной тетради офицерскаго стола, гдѣ всѣ страницы испещрены риѳмами: водки, селедки, шпеку свинаго, уксусу репсковаго, и тому подобными—но если ты не хочешь, чтобы другъ твой задохнулся отъ сердечнаго угара, то читай волей и неволею, что я неволею пишу.

Въ самый день моего глупаго поединка, я поскакалъ къ княгинѣ, не смотря ни на какія приличія. Мнѣ хотѣлось показать ей, что я живъ, что я не трусъ, ибо мысль показаться трусомъ въ глазахъ всякой женщины была бы для меня нестерпима, а въ ея глазахъ вовсе убійственна. Колокольчикъ прозвенѣлъ.—Княгиня въ саду — княгиня изволитъ прогуливаться. — Съ кѣмъ? — Одна-съ! Бросаюсь туда опрометью: сердце бьетъ рынду [1]); замѣчаю ее на траверзѣ [2]) и прямо прыгаю къ ней наперерѣзъ, черезъ цвѣтникъ; встрѣчаюсь—и что-жъ? останавливаюсь передъ ней безъ словъ, безъ дыханія... въ глазахъ у меня кружилась огненная метель, а языкъ будто растаялъ. Бездѣльная опасность протекла между нами, какъ долгія лѣта разлуки, и уже сколькими чувствами надо было подѣлиться, сколько промѣнять разсказовъ! Я былъ такъ радъ и такъ смущенъ, что забылъ скинуть шляпу. Хорошъ былъ я, нечего сказать; за то и она была не лучше. Румянецъ пропадалъ и выступалъ на бѣлизнѣ ея щекъ попеременно; она протянула навстрѣчу ко мнѣ руки, она готова была вскрикнуть отъ изумленія, заплакать отъ радости—да, да, отъ радости! Это не была мечта самолюбія. Сладостна, неизъяснимо сладостна была для меня эта нѣмая сцена; отрадно это лицо, горящее ко мнѣ участіемъ—и все исчезло въ мигъ, подобно туману, который принимаешь иногда

---

[1]) Сплошной звонъ колокола, обыкновенно въ полдень.
[2]) Т. е. съ боку.

за берегъ: дунетъ вѣтеръ и спахнетъ обѣтованную землю!

Княгиня оправилась; никакого выраженія, кромѣ обыкновеннаго участія, не осталось на ея лицѣ. Боже мой, что за хамелеонъ свѣтская женщина!

— Какъ я рада васъ видѣть здоровымъ и невредимымъ, капитанъ, сказала она мнѣ.—Скажите скорѣй, какъ вы кончили вашу ссору съ N. N.! гдѣ онъ? что съ нимъ сталось?

— Я оставилъ его на мѣстѣ,—былъ отвѣтъ мой; я былъ уколотъ ея участіемъ къ моему противнику.

— Богъ мой! вы убили его! вскричала княгиня.

— Успокойтесь, княгиня, онъ будетъ долголѣтенъ на землѣ. Я оставилъ его здоровѣе, чѣмъ прежде поединка.

— Но за то сами стали менѣе прежняго добры: вы испугали меня. Сколько раскаянія дали бы вы самому себѣ, сколько слезъ роднымъ, еслибъ его убили. Повѣрите ли, что я вчужѣ не спала цѣлую ночь: мнѣ все представлялись кровавыя сцены поединка и страшныя слѣдствія его для васъ.

— Цѣною вашего сожалѣнія, княгиня, готовъ бы я купить самое злѣйшее несчастіе и, что еще болѣе, не роптать на него. Но не только участіе, ваше мнѣніе цѣню я такъ высоко, что поспѣшилъ сюда нарочно—разсказать, какъ было у насъ дѣло. Я уже довольно знаю свѣтъ и увѣрился, что онъ злобно осуждаетъ дерзающихъ вступить въ завѣтный кругъ его—я хочу предупредить толки злорѣчія. Пусть другіе говорятъ обо мнѣ что угодно,

лишь бы вы, княгиня, лишь бы вы однѣ худо обо мнѣ не думали.

Я разсказалъ ей дуэль нашу. Я кончилъ... она молчала; въ глазахъ ея, обращенныхъ къ небу, блистали двѣ слезы, лицо горѣло умиленіемъ; какое-то нектарное пламя протекло, облило мое сердце... я самъ готовъ былъ плакать, Богъ знаетъ отчего; я жаждалъ упасть къ ногамъ ея, распасться въ прахъ у милыхъ ногъ; я не дерзалъ и думать цѣловать ихъ; мнѣ довольно было бы прильнуть устами къ слѣду ея стопы, къ краю ея платья—и я не смѣлъ того! я былъ уже слишкомъ счастливъ ея присутствіемъ, слишкомъ несчастливъ моими желаніями, я былъ просто безуменъ, другъ мой! Но за этотъ припадокъ съумасшествія я бы отдалъ всю мудрость вѣковъ и все собственное благоразуміе! Къ намъ приближались. Княгиня встала, закрыла на мигъ рукою глаза и потомъ, краснѣя, приподняла ихъ.

— Вы не будете впередъ играть такъ своею жизнію, сказала она: — я требую этого, обѣщайте мнѣ это.

— Вы заставите меня любить жизнь, отвѣчалъ я,—вы... я не съумѣлъ сказать ничего лучше; я не смѣлъ сказать ничего болѣе.—То-то простакъ! скажетъ какой нибудь ловласъ: потерять такую драгоцѣнную для признанія минуту?

Пусть такъ... минута эта была потеряна для любви, но не для сердца... глаза наши встрѣтились—о, она меня любитъ, она любитъ меня!!

С.-Петербургъ.

II.

Frailty—thy name is—woman!
Shakespeare.

Въ кругу молодыхъ повѣсъ и полустарыхъ петербургскихъ степенниковъ, всѣхъ болѣе понравился Правину бывшій секундантъ его, ротмистръ Границынъ. Какъ представитель нашего военнаго дворянства, онъ стоилъ изученія, потому что крайности рисовались на его нравѣ рѣзкими чертами. Правинъ нашелъ въ немъ и болѣе и менѣе, нежели ожидалъ. Богатъ, и въ долгахъ по маковку, и за рѣдкость съ рублемъ въ карманѣ. Уменъ, и вѣчно дѣлалъ однѣ глупости. Вольнодумецъ, и трется въ переднихъ безъ всякой цѣли. Надо всѣмъ смѣется, а не смѣетъ ничѣмъ пренебречь; всѣхъ презираетъ, и всѣ имъ помыкаютъ. Храбрѣйшій офицеръ, и не имѣетъ довольно смѣлости, чтобы иному мерзавцу сказать нѣтъ! Благороденъ въ душѣ, и краснѣя бывалъ употребленъ на недостойныя порученія, участвовалъ въ постыдныхъ шалостяхъ; однимъ словомъ: человѣкъ безъ воли. Существо, которое въ свѣтской книгѣ животныхъ значится подъ именемъ: добрый малый и лихой малый— названіе самаго эластическаго достоинства, какъ резиновые корсеты: оно для неразборчиваго нашего племени заключаетъ въ себѣ всякую всячину, начиная съ людей истинно благородныхъ и отличныхъ, до игрока, поддергивающаго карты, и виртуоза, подслушивающаго у дверей — терпимость истинно

христіанская, достойная подражанія. Пускай себѣ возятся французы да англичане со своимъ общимъ мнѣніемъ: мы и безъ этого рогаля живемъ примѣваючи.

Со всѣмъ тѣмъ любопытно, если не-пріятно бывало разсидѣть съ нимъ вечеръ или присосѣдиться къ нему за обѣдомъ. Гдѣ не былъ, чего не видалъ онъ? Хотя по привычкѣ онъ большую часть жизни промаячилъ съ пустѣйшими людьми, но онъ могъ цѣнить живой умъ въ другихъ, и случаемъ читывалъ дѣльныя книги. Къ привязчивому, чтобъ не сказать наблюдательному, духу отъ природы, прижилъ онъ невольную опытность. Онъ недаромъ проѣлъ съ пріятелями свое имѣнье; недаромъ отдалъ женщинамъ свою молодость. Отъ обоихъ осталась у него пустота въ карманѣ и душѣ—а на умѣ ѣдкій окиселъ свинцовой истины. Имъ-то посыпалъ онъ щедрою рукою всѣ свои анекдоты о походныхъ проказахъ, всѣ розсказни о столичныхъ сплетняхъ. Къ чести Границына прибавить надобно, что онъ былъ самый откровенный болтунъ и самый безкорыстный злоязычникъ. За душой у него не схоронится, бывало, ни похвала врагу, ни насмѣшка пріятелю, и часомъ онъ безпощадно смѣялся надъ самимъ собою. Иной бы сказалъ: это апостолъ правды, другой бы назвалъ его кающимся грѣшникомъ; третій произвелъ бы въ Ювеналы—бичеватели пороковъ! Онъ не былъ ни то, ни другое, ни третье. Не хотѣлъ онъ самъ исправляться, не думалъ исправлять ближнихъ, зато не думалъ и вредить имъ. Онъ былъ твердо

убѣжденъ, что тамъ, гдѣ цѣнится лишь наружность добродѣтелей, не укоръ скрытые пороки; а потому злословіе есть лишь галваническое средство пробуждать смѣхъ въ притуплённыхъ сердцахъ. Этимъ исполнялъ онъ невольно наклонность нашего времени: разрушать все нелѣпое и все священное старины—предразсудки и разсужденія, повѣрья и вѣру. Вѣкъ нашъ истинный Діогенъ: надо всѣмъ издѣвается. Онъ катилъ бочку свою по распутіямъ всѣхъ странъ, давя ею цвѣты и грибы безъ различія. Не заслоняй солнца, не отнимай того, чего дать не можешь, гордо говоритъ онъ македонскому Донъ-Кихоту, и потомъ освистываетъ Платоново безсмертіе, и потомъ съ циническимъ безстыдствомъ хвастаетъ своею наготою. Люди нынѣ не потому презираютъ собратій, что себя высоко цѣнятъ, напротивъ, потому, что и къ самимъ себѣ потеряли уваженіе. Мы достигли до точки замерзанія въ нравственности: не вѣримъ ни одной доблести, не дивимся никакому пороку. Но, слава Богу, не всѣ таковы. Есть еще избранные небомъ, или сохраненные случаемъ смертные, которые уберегли или согрѣли на сердцѣ своемъ дѣвственныя понятія о человѣчествѣ и свѣтѣ. Издали жизнь имъ кажется завѣтнымъ садомъ, и они съ неизъяснимымъ любопытствомъ читаютъ на воротахъ Дантову надпись: Per me si va nella citta dolente! и думаютъ: какъ жаль, что я не знаю по-итальянски: я бы разгадалъ эту заманчивую загадку.

Таковъ былъ Правинъ. Изъ корпуса онъ пере-

шелъ на палубу, и какъ прежде каменная стѣна граничила его ребяческій міръ, теперь его міромъ сталъ безграничный океанъ. Онъ хорошо узналъ нравъ моря, но гдѣ могъ узнать характеръ людей? Знакомо ему стало лицо неба: по малѣйшему его румянцу, по малѣйшей морщинкѣ облачной предугадывалъ, предсказывалъ онъ всѣ прихоти погоды; но лицо женщины... о, это на каждой минутѣ приводило его въ замѣшательство, ставило втупикъ. Какое-то темное, но вѣрное чутье говорило ему: не вѣрь и половинѣ того, что̀ говорятъ и выказываютъ люди, но вотъ вопросъ—которой половинѣ не вѣрить? Явившись въ свѣтъ съ твердымъ сомнѣніемъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть на-сторожѣ отъ всѣхъ и отъ всего, таялъ онъ отъ перваго, казалось, душой затепленнаго взора; готовъ былъ отдать послѣднюю пуговицу, не только денежку, за квакерское пожатіе руки. Зная страсти и обязанности только по слуху или изъ рѣдкихъ романовъ, имъ читанныхъ, онъ загорѣлся любовью какъ отъ молніи, предался ей какъ дикарь, несвязанный никакими отношеніями. Океанъ взлелѣялъ и сохранилъ его дѣвственное сердце, какъ многоцѣнную перлу—и его-то, за милый взглядъ, бросилъ онъ, подобно Клеопатрѣ, въ уксусъ страсти. Оно должно было распуститься въ немъ все, все безъ остатка. Слѣдя свою звѣзду-княгиню повсюду, онъ не могъ уже снести уединенія, которое прежде было ему такъ сладостно; уединеніе стало ему одиночествомъ, и онъ кинулся въ разсѣяніе. Быть съ нею или не быть съ

собой — вотъ мысль, которая овладѣла имъ, и онъ началъ посѣщать гульбища, театры, гостинницы.

Въ одинъ изъ такихъ дней онъ сошелся, въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ столицы, съ ротмистромъ Границынымъ. — А, дружище! Сѣли за обѣдъ рядомъ; слово за слово, бокалъ за бокаломъ— языки разгулялись, и сердца зашипѣли, словно шампанское.—За Балканъ, за Саганлугъ! за Варну, за Ахалцыхъ! за счастіе Россіи, за славу Царя! Было тогда чѣмъ пить, было и за что пить.

— Ну, теперь череда за женщинъ, за прекрасныхъ петербургскихъ дамъ! сказалъ Границынъ Правину.—Не знаю, право, почему, только искони, гдѣ слава, тутъ приплетаются и дамы: уже не затѣмъ ли развѣ, что сама слава—женщина? И такъ: pro teterrima causa omnis belli! [1]) Я страхъ люблю этотъ англійскій тостъ: I like the women too, forgive my folly [2]), какъ говоритъ Байронъ. Amour aux dames, honneur aux braves! [3]) Чортъ меня возьми! Шампанское славный самоучитель: оно свой языкъ вяжетъ, а чужимъ учитъ! Я, право, скоро стану язычникомъ, какъ Іосифъ Сенковскій... Алла верды! [4]) Пей же скорѣе, amico dilleto; шампанское выдыхается такъ же скоро, какъ и добродѣтель женщины!

---

[1]) За сокрытую причину каждой войны.

[2]) Охотникъ я и до женщинъ — простите мнѣ эту глупость.

[3]) Любовь дамамъ, честь храбрымъ.

[4]) Богъ далъ! заздравное восклицаніе мусульманъ.

— Ты опять принялся за свою старую пѣсню, неисцѣлимый грѣшникъ, отвѣчалъ Правинъ, осушая бокалъ до капли. — Видно, братъ, укололся шипами, а бранишь розы.

— Шипами! шипами строгости, небось? Ха-ха-ха! да ты презабавный чудакъ, mon cher: ты своимъ простодушіемъ не испортилъ бы ни одной классической комедіи, въ которой всѣ ваши братья моряки одного набора и одного разбора. Клянутся громомъ да молніей и пьютъ пуншъ въ прикуску со здравымъ смысломъ. Шипы у тафтяныхъ розъ! ха-ха-ха! да этакихъ диковинокъ не показывалъ въ Петербургѣ самъ Пинетти. Впрочемъ, не думай, пожалуйста, будто я хочу хвастать тебѣ побѣдами, какъ пѣхотный подпоручикъ, и божиться по кіевскимъ святцамъ, что нѣтъ такой дамы, которая-бъ устояла противъ огня стальныхъ моихъ очковъ и гармоніи серебряныхъ шпоръ!! Удача съ одной стороны — прихоть, съ другой — случай, и если мнѣ подчасъ доставалось вѣеромъ по пальцамъ, изъ этого слѣдуетъ только, что я не былъ счастливъ, не то, что онѣ были неприступны.

— Границынъ! помни, что униженіе паче гордости!

— Испытай самъ, увидишь. Стоитъ тебѣ разъ попасть въ оглашенные съ какою нибудь модницею, такъ расхватятъ по пуговкамъ. Въ этомъ, правда, чаще всего удается дуракамъ; но вѣдь у тебя, слава Богу, на лбу не написано: здѣсь живетъ ра-

Притомъ же морякъ въ обществѣ рѣдкость

и новинка. Иная красавица возьметъ тебя изъ любопытства, чтобъ увѣриться, не кусаешься ли ты. Другая, чтобъ похвастать любезнымъ земноводнымъ, котораго надобно держать на розовой ленточкѣ, чтобы не юркнулъ въ воду. Не теряй поры, Правинъ: я предсказываю тебѣ легкія побѣды!

— Та бѣда, что я до легкихъ побѣдъ не охотникъ.

— Бери вещи, какъ онѣ плывутъ, а не какъ издали кажутся... Намъ не перестроить на свой ладъ свѣта; пристроимся же мы къ его ладу. Да и правду сказать, для меня смѣшна эта рыцарская любовь, которая чахла, глазѣя на окошко своей дульцинеи. Богъ создалъ міръ и человѣка въ шесть дней, а мы станемъ любить вѣчно! это что за извѣстіе! Любовь — весна сердца; но у весны много цвѣтовъ: рви же розы и ландыши. Хорошо бордо въ полъ обѣда, но теперь лучше эперне... посмотри на эту пѣну; это свѣтская любовь, mon cher — она рѣзва и сладостна, но она мгновенна — пей ее на лету!

— Я не понимаю тебя, Границынъ. Ты подчиваешь меня свѣтскими радостями, какъ будто бы онѣ у тебя въ погребу, какъ будто-бъ мнѣ стоитъ только ототкнуть пробку, чтобъ онѣ полились рѣкою.

— Славно, милый; право, славно! въ тебѣ будетъ прокъ. Сперва у тебя не было и охоты, а теперь ужъ недостаетъ только возможности. Вотъ тебѣ правило: смѣлость беретъ города... Я увѣренъ,

что тебѣ недолго носиться съ пустымъ сердцемъ, какъ съ сумою по міру... Столичныя дамы такія добрыя, такія чувствительныя, а ты такъ свѣжъ и занимателенъ, что грѣхъ заставить вздыхать понапрасну.

— И ты говоришь о подобныхъ связяхъ такъ легко и равнодушно, будто о трюфеляхъ...

— Да неужели ты думаешь, что онѣ для моднаго свѣта важнѣе, чѣмъ трюфели? Разувѣрься, mon ami! Наше воспитаніе обстригло у страстей ногти, и потому онѣ мало опасны. Дѣвушки у насъ разсчетливы на жениховъ; дамы осторожны съ любовниками; ни тѣ, ни другія не захотятъ себя компрометировать; но разогни у послѣднихъ молитвенникъ— и ты увидишь науку любить въ переплетѣ подъ крестами. Да я ихъ за то и не виню. Откровенно говоря, смѣхъ и горе, какъ у насъ совершаются свадьбы! Мы торопимся жить, а жениться опаздываемъ: всякій хочетъ добиться до штабскихъ или генеральскихъ эполетъ, чтобы дороже перепродать ихъ по рядной записи. Невѣста идетъ въ придачу къ приданому, а какъ сочтутся на дѣлѣ—смотришь, у невѣсты недочетъ душъ, у жениха даже тѣла. И вотъ нашъ его высокоблагородіе или его превосходительство, которому уже въ 17 лѣтъ не за чѣмъ было ѣздить въ Египетъ за разгадкою таинствъ природы — изволилъ жениться. Жена у него профессоръ туалетнаго искусства. Рукава пуфъ съ новоизобрѣтеннымъ механизмомъ; носки башмаковъ тупѣе ума графа Сивича! шаль продѣнь сквозь кольцо — но врядъ ли

саму ее вдѣнешь въ ухо. Она скачетъ верхомъ и стрѣляетъ въ летъ; она играетъ и поетъ, только пѣсни ея не всегда подъ голосъ мужа. Хороша ли, нѣтъ ли она собой, но она молода, она желаетъ нравиться и наслаждаться, она умѣетъ спрягать глаголъ я хочу, не хуже г-жи Линьёль; а что находитъ она въ благовѣрномъ своемъ супругѣ? Подъ сукномъ, да ватою — завернутый фланелью барометръ, наполненный сладкою ртутью. Находитъ усталаго чахлаго человѣка, который по утрамъ кашляетъ, цѣлый день зѣваетъ и каждый вечеръ скучаетъ или докучаетъ. День-деньской онъ на службѣ, а ночь въ гостяхъ: или играетъ до утреннихъ пѣтуховъ, или хочетъ побѣдить питуховъ за бокаломъ; онъ весь вѣкъ будто маятникъ между бутылкой бургонскаго и стклянкой съ лекарствомъ. Хорошо еще, если онъ не отправляется тратить случайную искру веселости и здоровья съ какой нибудь актрисой. Таковы, братъ, всѣ мы гуси: чего же тутъ ждать добраго! Жена поневолѣ станетъ бѣгать изъ дома: тамъ пахнетъ пустотою! Кончается тѣмъ, что домъ ея будетъ въ ложѣ 1-го яруса, отечество въ англійскомъ магазинѣ, а рай — на балу... Глядь... молодежь увивается около нея, словно хмѣль, и вотъ какой нибудь краснощекій франтикъ приглянулся ей болѣе другихъ. Разсыпается онъ въ объясненіяхъ мелкимъ бѣсомъ — насчетъ ума наши дамы неприхотливы, и если запоздаетъ почта изъ Парижа, принимаютъ и выворочeнныя доморощенныя нѣжности. Клянется онъ такъ, что вѣдьмы крестятся отъ ужа-

са, и нерѣдко, проигравши и прогулявши всю ночь напролетъ, увѣряетъ, что блѣденъ съ отчаянія отъ ея жестокости. Она, разумѣется, ничему этому не вѣритъ, но съ должнымъ для чиновной дамы приличіемъ, съ ноги на ногу идетъ навстрѣчу къ обману, для того, чтобъ при случаѣ броситься въ кресло, закрыть платкомъ глаза и сказать—вы, сударь, камень, вы, сударь, ледъ — вы, злодѣй, вы меня обольстили! Ну, долго ли до бѣды! хоть бѣды въ томъ я никакой не вижу. А Мефистофель тутъ какъ тутъ съ своимъ носомъ. Онъ, скаля зубы, уже готовитъ его превосходительству рожки самой лучшей работы — точеные и позолоченые.

— Ты клевещешь, вскричалъ Правинъ:—ты сочиняешь изъ головы злые пасквили на общество. Я недавно трусь между вами, однако же не замѣтилъ и тѣни, не только слѣда того разврата въ нравахъ, какой ты проповѣдуешь. Мнѣ кажется, напротивъ, петербургскія дамы черезчуръ щекотливы и недоступны.

— Нѣтъ, mon cher! вскричалъ проказникъ Границынъ, поперхнувшись отъ смѣха: — ты изъ рукъ вонъ! Ужъ не служилъ ли ты, полно, подъ командою перваго адмирала Ноя, гардемариномъ? Съ твоею допотопною простотою не уйдешь ты у женщинъ далѣе гостиной: я тебѣ пророчу это. Вѣрить щекотливости и недоступности здѣшнихъ дамъ — такъ вѣрить всякой эпитафіи. Правда, потемкинскій вѣкъ миновалъ для любовниковъ, но не для любви. Теперь дама не краснѣетъ пріѣхать на балъ съ му-

жемъ или поцѣловать его въ лобъ при многихъ, а съ кавалеромъ-сервенте своимъ говорить о разводахъ, о семипольномъ засѣвѣ и о Викторѣ Гюго. Но утѣшься, милый: Купидонъ возьметъ свое. Она знаетъ, что хромоногій бѣсъ не сниметъ кровли съ ея будуара; что замокъ ея спальни, чуть тронутый, наигриваетъ «réveillez-vous, belle endormie», и что нескромный взоръ не упадетъ на трюмо, передъ которымъ она примѣриваетъ или поправляетъ пелеринку у своей marchande de modes. Благодаря европейскому просвѣщенію и столичному удобству, у насъ всѣ репутаціи такъ же круглы и бѣлы, какъ бильярдные шары—по какому бы сукну они ни катились.

Доброе, чистое сердце Правина сжалось, внимая этой холодной повѣсти о порокахъ общества, украшенныхъ столь блестящею личиною смиренства.

— Въ самомъ дѣлѣ, молвилъ онъ съ горькою улыбкою: — я зналъ не болѣе устрицы о нравахъ свѣта въ кораблѣ своемъ! Я постигаю въ женщинѣ слабость; могу представить, что страсть можетъ увлечь ее; но помѣстить въ свою голову мысль объ этомъ глубокомъ, разсчетливомъ, безстрастномъ развратѣ,—это выше силъ моихъ! Я видѣлъ въ Турціи одну баядерку: она вынула изъ-подъ подушки своей вѣски и медленно взвѣшивала предлагаемые ей червонцы, надбавляя цѣны, глядя въ очи путника. Не такъ ли взвѣшиваютъ твои дамы сердечную забаву, бросая въ другую чашку возможность скрыть ее! Онѣ берутъ оброкъ и съ титула добродѣтели—ува-

женіемъ, и съ сущности порока — наслажденіями. О, свѣтъ, свѣтъ! ты даже изъ самой невинности дѣлаешь новый порокъ, заставляя порочныхъ быть самозванцами и скрываться подъ краденымъ у тебя платьемъ!

— Ты напрасно горячишься, возразилъ ротмистръ.— Лицемѣріе есть невольная дань нравственности, а всякая дань—узда. Нерѣдко знатныя дамы обязаны сохраненіемъ своего имени безъ пятна мелочному разсчету не запятнать своего платья, и я увѣренъ, что китовые усы въ старину сохранили болѣе браковъ, чѣмъ въ наше время разорвали ихъ гусарскіе усы. Пускай же плетутъ пустые люди кружева изъ песку, называемыя модою; пускай себѣ старушки въ чепцахъ и фракахъ съ важностью разсуждаютъ о лучшемъ способѣ чихать за обѣдней и кланяться на выходахъ: безъ этихъ вздоровъ лучшее общество сгнило бы, какъ Прѣсненскіе пруды. Не бывать въ лохани бурѣ, такъ ему надобна мутовка. Впрочемъ, будемъ безпристрастны, mon cher. Слова нѣтъ, свѣтъ очень развратенъ, но совершенства, слава Богу, нѣтъ и въ этомъ. Природа великое дѣло. Она хоть и не смѣетъ горланить въ гостиной, какъ въ трагедіи, но въ тиши кабинета обращаетъ въ свою вѣру многихъ. Бываетъ, что связь, начатая минутною прихотью, очищаетъ огнемъ своимъ сердца и переливается въ долгую, безкорыстную страсть, готовую на всѣ жертвы, выкупающую всѣ заблужденія, страсть, которая бы сдѣлала честь любому рыцарю среднихъ вѣковъ и лю-

бому человѣку во всѣхъ вѣкахъ. Я, не вѣрующій ни въ невинность мужчинъ, ни въ вѣрность женъ — я самъ...

Границынъ глубоко вздохнулъ и умолкъ въ раздумьѣ; передъ его очами носились образы милые, но укорительные.

— Да, молвилъ онъ печально про себя: — да, я ея не стоилъ!..

— Послушай, Границынъ, мнѣ жаль тебя, съ чувствомъ сказалъ Правинъ,— и я не могу понять, какъ, проповѣдуя противъ пороковъ не хуже Саллюстія, ты пляшешь по дудкѣ, не говорю ужъ какъ Саллюстій, но какъ Репетиловъ въ «Горѣ отъ ума!»

— Таковы всѣ мы, рожденные на границѣ двухъ вѣковъ, милый мой; XVIII-й насъ тянетъ за ноги къ землѣ, а XIX-й за уши кверху. Не разберешь, право, что мы такое? ни рыба, ни мясо, ни Европа, ни Азія. На прошлое мы недоумки, въ настоящемъ недоросли, а въ будущемъ недовѣрки, чуть ли не Spottgeburt aus Dreck und Feuer [1]). Животнымъ привычкамъ нашимъ любо валяться въ грязи-матушкѣ; но умъ ужъ проснулся; умъ проситъ поѣсть и хочетъ разгрызть орѣхъ современнаго просвѣщенія, да жалуется, что у него болятъ зубы отъ свекольнаго сахару.

Правинъ былъ недоволенъ оборотомъ разговора. Макіавель и Купидонъ заклятые враги другъ друга. Ему хотѣлось получше извѣдать море, называе-

---

[1]) Выродки бренія и огня.— Гёте.

мое женщиною; а когда онъ думалъ о женщинахъ вообще, это значило, что онъ разумѣлъ въ особенности княгиню Вѣру. И вотъ онъ искусно свелъ разговоръ на прежнее.

— Неужели, сказалъ онъ Границыну,— развращеніе столичное такъ всеобще? Неужели не найти дамы, на чье доброе имя, какъ на этотъ хрустальный бокалъ, не всползти ни одному червяку злословія?

— Я не оберъ-полиціймейстеръ, милый другъ; мнѣ вѣдь не подаютъ списковъ о числѣ рогатаго племени въ столицѣ. Буало насчиталъ въ Парижѣ до двухъ Лукрецій; Пушкинъ въ цѣлой Россіи не находитъ трехъ паръ стройныхъ ножекъ; я принимаю то и другое за клевету, и хотя суровыя сердца должны быть рѣже, нежели маленькіе слѣдки, со всѣмъ тѣмъ я въ самомъ Петербургѣ назову тебѣ болѣе дюжины вѣрныхъ супругъ.

— И вѣрно въ числѣ ихъ помѣстишь жену Мирона Ильича Н. и княгиню Вѣру, жену князя **?

Произнося, однакожъ, послѣднее имя, Правинъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Первая любовь не можетъ равнодушно слышать любимаго имени, не можетъ безъ замѣшательства произнести его.

— Про первую ничего не скажу, и этого ужъ довольно къ ея чести, а другая московская звѣздочка—гм! она такъ недавно блеснула на петербургскомъ горизонтѣ... она еще въ медовыхъ мѣсяцахъ супружества — гдѣ ей просвѣтиться! гдѣ успѣть злословію подстеречь ее, еслибъ что и было?

Лицо Правина прояснѣло.

— Еслибъ что и было! молвилъ онъ.— Никогда и ничего не можетъ быть.

— Ты не членъ ли страхового общества, Правинъ? насмѣшливо возразилъ ротмистръ.— Смотри, другъ—обанкрутишься, если принимаешь на поруки такія ломкія вещи. Важное слово нѣтъ, а не можетъ быть еще важнѣе. Постой-ка, дай Богъ памяти... княгиня Вѣра?.. гм!! князь Петръ!.. онъ толстъ и простъ, она красавица и мечтательница... скорѣе соединишь масло съ шампанскимъ! Ну, я раскину словно на картахъ... между ними улегся какой-то червонный валетъ — это дипломатъ, поэтъ, кудрявый архиваріусъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Этотъ поэтъ ищетъ себѣ на прокатъ вдохновенія и пожаловалъ, кажется, княгиню въ музы. Слѣпой развѣ не замѣтитъ, какъ увивается онъ около нея, какъ оборачивается слѣдомъ за нею, будто подсолнечникъ. Куда бы княгиня ни явилась, онъ какъ грибъ изъ-подъ земли выростаетъ; ни дать, ни взять, сказочный сивка-бурка, вѣщій каурка. На балѣ у австрійскаго посланника онъ напѣвалъ ей что-то на ухо въ продолженіе высокоснаго котильона: вѣроятно, читалъ 7-ю главу Онѣгина! Ну, пускай мнѣ первый мой врагъ скажетъ comment vous portez-vous передъ разводомъ, если между ними чего нибудь не заводится. Я старый воробей: меня, братъ, не озадачатъ никакія маски.

— Его имя? заботливо спросилъ Правинъ.

— Ты знаешь его въ лицо, не только по имени:

да если и не знаешь, такъ замѣтишь съ перваго взгляда, когда найдешь ихъ вмѣстѣ. Одинъ развѣ безстрастный мужъ или страстный влюбленникъ можетъ быть такъ слѣпъ, чтобы ничего тутъ не видѣть.

— Его имя? съ бѣшенствомъ повторилъ капитанъ.

Кровь его кипѣла.

— Іеронимъ Леновичъ.

Какъ шпага пронзило это имя сердце Правина, и на него низались уже въ его памяти тысячи вѣроятій, тысячи сомнѣній. Да, точно, онъ самъ видѣлъ ихъ умильные взоры!.. Правинъ уже не слыхалъ болѣе, что̀ говорилъ товарищъ. Сердце его дрожало будто въ лихорадкѣ, кровь то стыла, то жгла его... невнятный ропотъ исчезалъ на губахъ. Онъ пожалъ Границыну руку, бросилъ на столъ ассигнацію и, не ожидая сдачи, вышелъ, поскакалъ домой. Отрывчатыя восклицанія и мысли сталкивались:

— Такъ молода и такъ коварна! говорилъ онъ.— И къ чему было обманывать меня сладкими рѣчами и взорами? зачѣмъ манить къ себѣ? Или она хочетъ забавляться, дурачить меня? держать вблизи вмѣсто отвода? Меня дурачить! Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать! скорѣй я стану ужасенъ ей, чѣмъ для кого нибудь смѣшонъ... И кто бы могъ подумать, кто бы!.. Впрочемъ, быть можетъ, все это вздоръ, зависть, пустыя сплетни... да и что мнѣ до этого?.. чѣмъ я привязанъ къ ней, чѣмъ она мнѣ обязана? А хотѣлось бы узнать однако же истину — такъ, изъ одного любопытства—я бы посмѣялся ей... я бы заставилъ ее плакать кровью!! Но какъ добраться

до открытія въ городѣ, въ которомъ рѣдкій мужъ дерзнетъ поклясться, цѣлуя жену свою вечеромъ, что цѣлуетъ ее сегодня первый,—гдѣ потому только всѣ невинны, что въ истинной невинности можно усомниться, а истинной вины нельзя доказать.

И сонъ не освѣжилъ Правина. Подъ изголовьемъ его шевелились ревнивыя мечты—и сколько насмѣшекъ наготовилъ онъ для первой встрѣчи съ княгинею Вѣрой, для первой сшибки съ ея угодникомъ!

— Дай только мнѣ увидѣться съ нею, говорилъ онъ, скрежеща зубами.

И всему этому виной были слова Границына, слова, основанныя на пѣнѣ шампанскаго и на желчныхъ догадкахъ болтуна. Бѣгите, юноши, встрѣчъ, не только дружбы съ подобными людьми! Они безжалостно обрываютъ почки добрыхъ склонностей съ души неопытной; они жгутъ и разрушаютъ въ прахъ довѣріе къ людямъ, вѣру въ чистое и прекрасное, боронятъ пепелъ своими правилами—и засѣваютъ его солью сомнѣнія.

Капитанъ-лейтенантъ Правинъ къ лейтенанту Кокорину.

Августъ 1829 г. Въ Кронштадтъ.

Ѣду, ѣду къ вамъ, завтра же ѣду, любезный Нилъ! Да и что мнѣ дѣлать въ этомъ Петербургѣ, въ этой столицѣ раскрашенныхъ снѣговъ [1]), какъ

[1]) „This famed capital of painted snows“. Childe Harold's pilgrimage.

говоритъ Байронъ. Да и какой безумецъ выдумал влюбляться, да и какой лукавый дернулъ меня з полу полюбить свѣтскую даму? Любить! любить Какъ дико звучитъ это слово въ свѣтѣ! отголоски будто въ пещерѣ, повторяютъ много разъ: любить— но кто отвѣчаетъ вамъ?—Камни... хуже чѣмъ камни—пустота! Содрогаюсь отъ негодованія... И я могъ думать, могъ вѣрить, что любовь можетъ уютиться въ сердцѣ, слѣпленномъ руками свѣта! Безумецъ! безумецъ! скорѣе найдешь сочувствіе въ раззолоченномъ яичкѣ для дѣтей, на которомъ снаружи написаны нѣжности, въ серединѣ насыпаны сладости, а все вмѣстѣ—дерево, крахмалъ и сусальная позолота. Но что говорить о томъ, чего не воротишь! не возвратиться и любви моей. Поздравь меня, Нилушка, я здоровъ, я сбросилъ съ себя страсть къ княгинѣ Вѣрѣ, вмѣстѣ съ модными побрякушками. Теперь, чѣмъ скорѣе въ море, тѣмъ лучше. Земля, кажется, горитъ подо мною, горитъ и сердце—и лишь въ туманахъ океанскихъ погашу я его!

Поговоримъ о дѣлѣ. Ты пишешь, что адмиралтейство не даетъ довольно мастеровыхъ и не отпускаетъ хорошихъ матеріаловъ, что во всемъ задержки и недопуски... Все это, всѣ эти господа, меня скоро взбѣсятъ: я буду жаловаться прямо начальнику штаба, или воображаютъ они, что послѣ грозы для нихъ будетъ роскошнѣе сѣнокосъ? Пусть разубѣдятся въ этомъ. Прошли ужъ тѣ времена, когда корабельные мастера строили дома изъ мачтовыхъ деревъ и крыли

ихъ мѣдною обшивкою... Теперь едва они спроворятъ себѣ на глаголь.

Поставилъ ли ты козлы, чтобы перемѣнить бизань?[1]) Посадилъ ли въ должный уклонъ бушпритъ?[2]) Навѣсь 10, 20 на него бочекъ съ водою, если упрямится... я терпѣть не могу бушпритовъ, которые задираютъ носъ кверху, словно дежурный камеръ-юнкеръ. Для марсовыхъ септоровъ[3]) просилъ ты рисунка сѣтокъ. Долой ихъ, сбрось совсѣмъ прочь и прежнія. Эти узорчатыя плетенки напоминаютъ мнѣ дамскія кружева... на послѣднемъ балѣ княгиня была вся ими изувѣшена. Ты, пожалуй, скажешь, что вѣрно я пришелъ туда, увидѣлъ, побѣдилъ. Увидѣлъ и возненавидѣлъ ее, другъ мой... стоитъ разсказать тебѣ, какъ это было: можетъ статься, для тебя это будетъ любопытно, а для меня какъ памятно! Чудомъ показалось тебѣ, что я ѣздилъ на балъ; что же будетъ, когда я скажу, что ѣздилъ на балъ незваный и въ домъ мнѣ вовсе незнакомый; что я былъ тамъ только изъ желанія взглянуть на нее и взглянуть непріятельски. Я ужъ писалъ къ тебѣ о своихъ подозрѣніяхъ: я жаждалъ или прояснить, или разсѣять ихъ, и долго напрасно. Не находилъ я ея дома, не встрѣчалъ въ городѣ. Наконецъ, узнаю, что княгиня Вѣра отправилась на званый вечеръ за городъ, къ графу Т. Какъ быть? Я тамъ незнакомъ, туда не званъ; нетерпѣніе мое возросло до

---

[1]) Задняя мачта.

[2]) Наклонная, изъ носа выдающаяся мачта.

[3]) Поручни.

нестерпимости, ревность до бѣшенства. Рѣшаюсь хоть умереть, а взглянуть на нее. Сажусь въ наемную карету и скачу на 13-ю версту по Петергофской дорогѣ. Пріѣзжаю... вхожу... встрѣчаю хозяина— на дорогѣ уже изобрѣлъ я предлогъ посѣщенія: графъ страстный охотникъ до рѣдкихъ книгъ и обладаетъ богатою библіотекою — я прицѣпился къ этому.— Простите, графъ, флотскому чудаку неумѣстность его визита, но пусть необходимость извинитъ меня: я могу располагать только настоящею минутою и, проѣздомъ въ Ораніенбаумъ, рѣшился заѣхать къ вамъ съ просьбою. Вотъ въ чемъ дѣло. Я пишу записки объ исторіи мореплаванія, а ваша библіотека знаменита въ цѣлой Россіи; только у васъ можно найти книги рѣдчайшія самыхъ кладовъ, и между прочими, я знаю, что у васъ есть въ оригиналѣ путешествіе испанца Гвереры въ Южномъ океанѣ; а оно для моего предмета необходимо. Отъ васъ зависитъ крайне обязать меня, ссудивъ этой книгою для прочтенія. Графъ былъ доволенъ, какъ нельзя болѣе... цапъ меня подъ мышку, и потащилъ въ свою библіотеку. Скрѣпя сердце, долженъ я былъ дивиться глупостямъ всѣхъ форматовъ, типографическимъ рѣдкостямъ въ ослиной и въ телячьей кожѣ, безцѣннымъ лишь потому, что ихъ давнымъ давно никто не читаетъ. Я чихалъ отъ пыли старины, я протиралъ себѣ глаза, я проклиналъ и книгопечатаніе, и книгобѣсіе, но хозяинъ этой кунсткамеры былъ неумолимъ и отпустилъ мою душу на покаяніе не ранѣе, какъ перещупавъ спинки всѣхъ своихъ ди-

ковинокъ. Наконецъ, вручивъ мнѣ завѣтныя сказки испанца, пригласилъ въ танцовальную залу — я только того и ждалъ. Закрывъ шляпою сердце, точно какъ голубка, чтобъ оно не выпорхнуло, пробирался я дальше и дальше. Прелестныя личики мелькали мимо въ бѣшеномъ вальсѣ, то оперенныя, то разцвѣченныя, то осыпанныя алмазами; но какъ въ тысячахъ звѣздъ назвалъ бы я звѣзду любимую, такъ издали и въ толпѣ распозналъ я княгиню Вѣру. Никогда еще не казалась она мнѣ такъ прелестна, такъ воздушна, такъ идеальна! Любовь проникла и освѣтила все ея существо: она горѣла въ очахъ, дышала устами, пробивалась лучами сквозь всѣ поры—зачѣмъ измѣна можетъ быть столь очаровательна!.. И вдругъ я замѣтилъ, къ кому обращены были ея очи, кто одушевлялъ ее такою необычайною прелестію—душа у меня превратилась въ ледъ, а умъ въ уголь... ужасный мигъ! И такъ все, что̀ мнѣ говорено, все, что̀ подозрѣвалъ я—правда! И такъ я потерялъ ее, не владѣвъ ею! Не замѣчая меня, она сѣла рядомъ съ вѣчнымъ моимъ соперникомъ; что-то говорила съ нимъ вполголоса; оба они улыбались отъ удовольствія, и порой она задумчиво склоняла голову и глаза ея подергивались туманомъ мечты... О, какъ проклиналъ я тогда сладкозвучную музыку! Она мѣшала мнѣ слышать разговоръ ихъ! она раздирала мнѣ слухъ, расплиливала сердце, кипятила кровь въ жилахъ моихъ растопленнымъ металломъ... О, да избавитъ небо злѣйшаго моего врага отъ мученій ревности—какой еще рев-

ности! которой я не имѣлъ права чувствовать, и не смѣлъ показать; но могъ ли я тогда владѣть собою? Думаю, что лицо мое было страшно, потому что страшное совершалось въ душѣ моей. Въ ту минуту какъ они оба встали, чтобы вальсировать въ свою очередь, когда она подала ему свою руку—я устремился какъ тигръ на добычу, я возникъ передъ ней, какъ призракъ-укоритель, и я насладился ея смущеніемъ, я съ улыбкою видѣлъ, какъ погасъ ея взоръ, блиставшій за мигъ яснѣе алмазовъ ея діадемы; видѣлъ, какъ поблекъ ея румянецъ, какъ замеръ льстивый голосъ на устахъ! О, сладка месть, сладка! Гомеръ недаромъ назвалъ ее страстью боговъ... зачѣмъ же нельзя сказать того же объ ревности? зачѣмъ же нѣту въ ней, въ этой адской страсти, ни одной отрадной капли, напоминающей небо!

Я отвратилъ мое Медузино лицо отъ испуганной четы и скрылся. Я мчался во весь опоръ... Катай, извозчикъ, удуши лошадей; пять, десять, двадцать рублей тебѣ на водку! Я летѣлъ; колеса жгли мостовую; я хотѣлъ закружить себя быстротой, упиться самозабвеніемъ—напрасно! Чудныя чувства бушевали въ моей груди: то я давалъ полный разгулъ моему негодованію и смотрѣлъ на княгиню и ея Миловзора съ ледяной вершины презрѣнія. Стоитъ ли взора, не только вздоха женщина, которую слѣпитъ мишура, плѣняютъ пошлые калумбуры? Потомъ горячая, глубокая зависть проницала душу: я завидовалъ, и чему же! блистательной ничтожности свѣт-

скихъ любезниковъ, ихъ кукольной развязности, ихъ птичьей болтовнѣ съ дамами—мало этого—я завидовалъ приманчивому богатству глупца, связямъ мерзавца, даже искусству бездѣльника дѣлать огромные долги, умѣнью игрока объигрывать въ карты, низости продавать себя дорого, или учтиво грабить другихъ, средствамъ, принятымъ у насъ въ число оптовой торговли душою, которыя бы дали мнѣ возможность часто быть съ нею, дивить ее, блистать въ обществѣ, въ которомъ золото, какими бы путями ни было добыто оно, даетъ всѣ права гражданства!.. Правда, такое унизительное желаніе пролетѣло сквозь меня въ мигъ... но пожалѣй меня, что оно могло пролетѣть даже мимо. О, любовь, любовь! ты мать и мачиха душѣ человѣческой! ты можешь ее возвысить до звѣздъ и утопить въ лужѣ. Ты дѣлаешь героевъ или злодѣевъ изъ людей съ могучею душою; честолюбцевъ или мерзавцевъ изъ людей слабыхъ духомъ... Я ненавижу тебя, я проклинаю тебя, я срываю долой твои путы!—и... о, слабость недостойная — я плачу надъ обломкомъ своего ярма... хорошо, еслибъ я могъ плакать, еслибъ я могъ еще разсуждать!

С.-Петербургъ.

III.

„Zwei liebende Herzen sind wie zwei Magnetuhren; was in der einen sich regt, muss auch die andere mit bewegen, denn es ist nur Eins, was in beiden wirkt; eine Kraft, die sie durchgeht“.

Göthe.

Фрегатъ «Надежду» приказано было изготовить къ осени для дальнаго похода. Его ввели опять въ гавань для перегрузки трюма, для перемѣны нѣкоторыхъ частей рангоута и стоячаго такелажа. Командиръ судна, Правинъ, былъ уважаемъ, какъ офицеръ отличной храбрости и познаній, и ему дали средства украсить фрегатъ свой на щегольство, со всѣми прихотями, доступными боевому судну: бронзу на винты каронадъ, на рѣшетки каютныхъ люковъ, на кофель-нагели, на поручни къ трапамъ; дубъ съ рѣзьбой и красное дерево по каютамъ. За дѣло принялись горячо, вели его неутомимо. Терзаемый ядомъ ревности, Правинъ хотѣлъ дѣятельностію подавить тоску сердца и старою страстью заглушить новую. Отъ зари до зари не сходилъ онъ съ палубы, и ни одна бездѣлка, ни малѣйшая подробность не ускользала отъ его вниманія. Онъ все осматривалъ лично, все поправлялъ самъ; своею привязчивостію онъ надоѣлъ даже Нилу Павловичу, а Нилъ Павловичъ самъ былъ знаменитъ во флотѣ своею точностію.

— Слава Богу, сказалъ однажды тотъ лекарю

Стеллинскому: — нашъ Илья образумился: служба какъ рукой сняла съ него дурь. Я недаромъ говорилъ, что распрысканная духами модница-любовь убѣжитъ отъ смолянаго духу, какъ бѣсъ отъ ладану!

— Если она и убѣжала, такъ вовсе отъ другой причины, возразилъ Стеллинскій.—Капитана исцѣлили мои фумигаціи... Онъ вовсе не замѣчалъ въ разсѣянности, что я подмѣшиваю въ его курительный табакъ лекарственныя травы.

Но исцѣлился ли, полно, Правинъ?

. . . . . .

Между тѣмъ работы кипѣли, вооруженіе росло не по днямъ, а по часамъ, и съ нимъ вмѣстѣ росло нетерпѣніе Правина. — Скорѣй бы, скорѣй бы тянуться намъ на рейдъ и тотчасъ въ море, и какъ можно вдаль отъ этого проклятаго Петербурга! — во вѣки нога моя не будетъ тамъ! воскликнулъ онъ однажды — и черезъ два часа Правинъ стоялъ уже надъ колесомъ Бертовскаго парохода, какъ будто считая каждый оборотъ его, шумно роющій воду. И вотъ г. капитанъ-лейтенантъ и кавалеръ Правинъ въ столицѣ.—Да помилуйте, какъ ему и не быть въ столицѣ! На обсерваторіи у него повѣряются хронометры, изъ Академіи наукъ надобно ему получить ученыя инструкціи, изъ адмиралтейства новыя карты, отъ начальника штаба особенныя приказанія. Да и почему не остаться ему день, другой лишній? вѣдь не завтра поднимать якорь. У него же такой надежный помощникъ на фрегатѣ! Мы чрезвычайно богаты на доводы, когда хотимъ потѣшить свою

прихоть. Стоитъ только вздумать, да загадать—за возможностью дѣло не станетъ.

Со всѣмъ тѣмъ гордая рѣшимость Правина: не искать, не видать княгини, была непоколебима. Мысли его, какъ улитковыя линіи, сходились всегда въ одну точку—и эта точка была она; за то самъ онъ, будто ринутый средобѣжною силою, все далѣе и далѣе бродилъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы могъ встрѣтиться съ нею. Правинъ былъ поэтъ въ прозѣ, поэтъ въ душѣ, самъ того не зная: да и есть ли на бѣломъ свѣтѣ человѣкъ, который бы ни однажды не былъ имъ? Вся разница въ томъ, что одинъ чаще, другой рѣже; одинъ глубже, другой мимолетнѣе. Не однѣ величавыя красоты природы поражали и плѣняли Правина, нѣтъ, онъ горячо любилъ всѣ произведенія искусства, запечатлѣнныя поэзіею, въ чемъ бы она ни проявлялась: въ стихѣ, въ смычкѣ, въ кирпичѣ, въ бронзѣ—и тамъ, гдѣ человѣкъ слилъ свои труды съ природою, и въ томъ, гдѣ перетворилъ ее по своему безотчетному идеалу. Любовь изострила въ немъ чувство изящнаго, и теперь чувство, выброшенное изъ русла, разливалось прямо изъ сердца на всѣ предметы, одушевляло все его окружающее. Лоно водъ дышало для него звуками грустными, но пріятными; воздухъ вѣялъ словно дружеской рукою въ лицо. Онъ находилъ новый, но знакомый смыслъ въ книгахъ; схватывалъ сладостные переливы въ стихахъ, которые незадолго казались ему беззвучными; занимательность сказалась ему въ наличникѣ дома, въ стрѣлѣ колокольни, въ столбѣ, въ картинѣ. Онъ

иногда простаивалъ по четверти часа, любуясь какою нибудь частью города, улицею, мостомъ, красивымъ домикомъ. Онъ не замѣчалъ усмѣшекъ и толчковъ прохожихъ, благоговѣя передъ монументомъ Петра Великаго; но всего болѣе полюбилъ онъ бродить по великолѣпнымъ комнатамъ дворца, извѣстнаго подъ именемъ Эрмитажа... это было его наслажденіе, его утѣшеніе. Тамъ казалось ему, что онъ снова повторялъ свои путешествія—и образы міра на мигъ заслоняли отъ очей души образъ ненавистный и милый. Онъ утихалъ, какъ дремучія болота Рюисдаля, вдыхалъ свѣжесть ночей фанъ-деръ-Неера, летѣлъ съ кораблемъ по желтому Нѣмецкому морю фанъ-Остада. Портреты фанъ-Дейка шевелились; небо Рафаэля растворялось... Правинъ хотѣлъ удержать камни, летящіе въ св. Стефана Лесюерова; врубался въ ряды мидянъ съ Пуссеномъ, молился съ блуднымъ сыномъ Мурильо. Прелестныя личики улыбались ему, рыцари протягивали руки, сельскій праздникъ манилъ къ себѣ. Шумная встрѣча штатгалтера тянулась мимо, и будто знакомые люди кивали изъ толпы головою, грозили перстомъ изъ окна. Влѣвѣ шумѣлъ черный лѣсъ Сальватора, вправѣ плескалось бурное море Вернета—люди, климаты, города, небеса, океаны во весь ростъ, во всю прелесть развивались, росли, смѣшивались, меркли. То былъ какой-то гармоническій, но безмолвный танецъ образовъ, идей, вѣковъ; то былъ осязаемый микрокосмъ души человѣческой, начиная съ грязной вещественности Теньера до недосягаемой святыни

Урбино — безконечный, какъ хаосъ, неясный, какъ сны, уже готовые, но еще невиданные человѣкомъ.

Правинъ обжился, ознакомился съ обитателями этого міра, въ которомъ дремалъ онъ на яву. Но кромѣ безкорыстнаго наслажденія разсматривать зеркальныя ширмы свѣта, закрывавшія отъ него досадный, настоящій свѣтъ, Эрмитажъ привлекалъ его прямымъ отношеніемъ къ его страсти. Въ комнатахъ, заключающихъ въ себѣ музей Жозефины, между прелестною Гебою и танцовщицею Кановы, возвышается, его же рѣзца, чета Амура и Душеньки. Душенька эта была ни дать, ни взять, вылитая княгиня Вѣра. Къ ея-то подножію спѣшилъ Правинъ отдыхать отъ заботъ службы... отдыхать?—О, столько же отдыхаетъ труженикъ на постели, усыпанной щебнемъ! Нѣтъ, онъ спѣшилъ туда горевать наединѣ и высказывать подобію измѣнницы свои упреки, проклинать ее и восхищаться ею.

Вы вѣрно видѣли эту прелестную купу, одно изъ лучшихъ твореній Кановы! Душенька, обнявшись съ Амуромъ, любуется бабочкою, сидящею у нея на ладони. Высока, какъ небо, чиста, какъ лучъ солнца, многоплодна, какъ самый климатъ Греціи, была идея выразить сочетаніе души съ тѣломъ, или юности съ любовью, любовью Амура и Психеи. Но если группа Скапоса (поцѣлуй ихъ) превосходна въ отношеніи къ искусству, въ отношеніи полноты превосходнѣе группа Кановы. Въ той вы видите символъ первобыта—страсть; въ этой символъ нашего времени—мысль. У современнаго намъ художника идея

жизни расцвѣла идеею безсмертія. Вглядитесь хорошенько въ идеальныя лица обоихъ любовниковъ: подъ младенческую улыбку Душеньки вкралась уже неясная дума. Она еще усмѣхается разсказамъ своего милаго, но уже мечтаетъ о преображеніи, загадка эта уже томитъ ее. Напротивъ, вѣтренникъ Амуръ едва обращаетъ вниманіе на бабочку — его глаза прильнули къ Душенькѣ, будто бабочка къ розѣ. Положеніе кисти лѣвой руки, ласкающей плечо Душеньки, на которомъ она покоится, доказываетъ, что чувство для него сладостнѣе думы—а движеніе правой руки, кажется, молвитъ уже: пусть она летитъ, эта бабочка! Со всѣмъ тѣмъ мысль невольно бросила на лицо, на осанку обоихъ тѣнь важности, въ противоположность съ отроческими ихъ формами. За то какая прелесть въ поворотѣ головъ, какая нѣга въ выраженіи лицъ, какая легкость въ постановкѣ (pose), благородство въ осанкѣ! Пламенный рѣзецъ Кановы размягчилъ въ тѣло мраморъ, но мысль дала жизнь этому тѣлу, сдѣлала его прозрачнымъ и воздушнымъ—однимъ словомъ, вдохнула въ него душу.

Вереница другихъ сравненій, другихъ примѣненій мелькала въ воображеніи Правина. Какъ мало лѣтъ и какъ много происшествій, какъ много историческихъ лицъ протекло у стопъ этого мрамора! Передъ нимъ, можетъ быть, не однажды плакала развѣнчанная царица французовъ. На нее падалъ мимолетный, какъ молнія, взоръ Наполеона, безумствующаго о завоеваніи міра. На него глядѣла толпа королей и

полководцевъ—одни съ разсѣянностію пресыщенія, другіе съ равнодушіемъ невѣжества, многіе съ завистію: зачѣмъ это не мое! И гдѣ очутился этотъ мраморъ изъ чертоговъ Тюльери? И потомъ гдѣ тѣ, которые любовались имъ такъ недавно и тамъ, и здѣсь? — Однихъ ужъ нѣтъ, другіе странствуютъ далече! со вздохомъ думалъ Правинъ.

Поутру въ какой-то праздникъ, Правинъ, самъ не зная какъ, очутился у стопъ Душеньки. Онъ погрузился въ глубокую думу, въ живую грусть, любуясь милыми чертами.

«Когда я увидѣлъ тебя впервые, думалъ онъ, мнѣ казалось, что ангелъ кликнулъ мою душу по имени, что ты изъ младости обручена мнѣ сердцемъ! Безумецъ! я смѣялся надъ этою дикою мыслію—и влюбленный повѣрилъ ей, предался ей... и чему послѣ этого вѣрить, если не вѣрить такому лицу? Такъ прелестна и такъ коварна! столь умна и столь легкомысленна! И зачѣмъ я встрѣтилъ ее, зачѣмъ дозволила она себя полюбить! Внушить такую пылкую страсть, раздуть пожаръ, и потомъ развѣять пепелъ сердца по воздуху, не уронивъ даже слезы участія, не только взаимности; поманить надеждой и предаться другому!»

Правинъ былъ одинъ-одинехонекъ... онъ тихо колебалъ головою и слезы текли неслышимо по его лицу.

— Вы плакали! сказалъ кто-то подлѣ него.

Голосъ этотъ бросилъ трепетъ во все его существо. Сладкозвученъ и нѣженъ былъ онъ. Глубокое

участіе отзывалось въ немъ. Правинъ обернулся: рядомъ съ нимъ стояла княгиня Вѣра, въ газовомъ золотошвейномъ платьѣ, въ полномъ блескѣ убора и красоты и молодости—во всемъ очарованіи чувства... Она была лучезарна, божественна! Видно было, что она ускользнула съ выхода подышать свободнѣе на просторѣ, взглянуть на мастерскія произведенія рѣзца и кисти, быть можетъ, влекомая тайнымъ предчувствіемъ сердца — а сердце нашъ вѣщунъ! недаромъ сказано Дмитріевымъ.

— Вы плакали? повторила она: она была тронута.

Первое обаяніе прелести миновало, вспышка негодованія улетѣла съ сердца Правина, но обиженное самолюбіе—червь; оно не имѣетъ ни ногъ, ни крыльевъ — оно осталось. Онъ отступилъ, поклонился княгинѣ съ холодною почтительностію и отвѣчалъ, краснѣя: — Да, княгиня, я плакалъ, и горьки были слезы мои... я думалъ, что я здѣсь одинъ...

— Неужели для васъ больно, капитанъ, что я въ вашихъ глазахъ застала слезу?.. Чудныя созданія мужчины: не краснѣя могутъ хвастаться кровью друга и стыдятся слезы чувства!

— По крайней мѣрѣ я долженъ стыдиться этихъ слезъ, и признаюсь, всѣхъ менѣе васъ желалъ бы я имѣть свидѣтелемъ такой слабости: слезъ моихъ не видалъ и не увидитъ свѣтъ, и будьте увѣрены, княгиня, что они не прибавятъ блестокъ ни на чье платье!

Правинъ никогда не говорилъ княгинѣ о любви своей, но какая женщина не понимаетъ пламенной рѣчи взоровъ, румянца щекъ, волненія груди, трепетанія руки? Княгиня и въ этотъ разъ поняла весь укоръ Правина. Въ ея отвѣтѣ видно было болѣе чувства, чѣмъ гордости.

— Неужели вы думаете, капитанъ, что удѣлъ мой одна мишура и блестки, что я не знаю слезъ горя? Но вы бросили стрѣлу еще далѣе, еще глубже: вы почти сказали, что я могу радоваться чужому горю. Скажите, чѣмъ заслужила я такое несправедливое обвиненіе? и отъ кого же?.. отъ кого это?

Правинъ смѣшался. Онъ былъ пойманъ, какъ школьникъ, который выскочилъ впередъ для объясненія съ учителемъ, и оробѣлъ отъ его грознаго взгляда. Въ такомъ случаѣ начинаютъ обыкновенно увѣрять, что и не думали ничего намекать противъ; что никогда бы не осмѣлились и подумать обвинять!.. Правинъ наговорилъ кучу подобныхъ пошлостей.

Княгиня грустно качала головою.

— Капитанъ, сказала она:—откровенность флотскихъ вошла въ пословицу—вы хотите опровергнуть ее. Я уже нѣсколько дней замѣчаю, что вы на меня сердиты.

Правинъ будто проснулся отъ сна.

— Я докажу вамъ на дѣлѣ откровенность мою! сказалъ онъ горячо.—Знаете ли, княгиня, на кого походитъ эта Душенька!

Княгиня улыбнулась съ самодовольнымъ видомъ,

подняла глаза на мраморъ и, зарумянившись, сказала:

— Многія изъ подругъ моихъ находятъ, будто во мнѣ есть небольшое сходство съ этою статуею, но, признаюсь, я мало вѣрю комплиментамъ женщинъ.

— Повѣрьте же чувству мужчины, княгиня! Сердце не обманчивый знатокъ. Признаюсь вамъ, я уже не впервые у ногъ этой Душеньки. Было время, что я приходилъ сюда любоваться ею, высказывать ей то, чего не смѣлъ говорить ея подобію, и не могъ таить въ себѣ. Теперь... о, теперь совсѣмъ иное дѣло: я пришелъ излить на нее свои укоры и уронить на безчувственный мраморъ слезу тоски невыразимой. Вы сами вызвали мою откровенность— услышьте же ее вполнѣ. Да, княгиня! теперь не время притворствовать: я не хочу этого, еслибъ могъ—не могу, еслибъ и хотѣлъ... не отрицайтесь, не говорите: «нѣтъ»—вы видѣли, вы знали, что я люблю васъ; но вы не знали, какъ я любилъ васъ; вы не поняли меня, не оцѣнили этого сердца — сердца, переполненнаго къ вамъ любовью!.. Видите-ль эти царскія сокровища? Видѣли ли вы Грановитую палату? Въ нее каждый вѣкъ сносилъ свои драгоцѣнности, свои короны, свои оружія и воспоминанія—не смѣйтесь же сравненію: мое сердце — это Грановитая палата! Его я бросилъ, его разсыпалъ бы къ ногамъ вашимъ: мои чувства, мои мысли, моя страсть—стоили бы жемчуга и золота!.. Черпая изъ этой сокровищницы, я могъ бы стать всѣмъ,

чѣмъ бы только захотѣли вы меня видѣть — вы властительница, царица души моей! всѣмъ, чѣмъ вы бы велѣли мнѣ быть! Сказали бы мнѣ: будь поэтомъ!—и черезъ годъ я склонилъ бы свою увѣнчанную голову передъ тою, которой обязанъ вдохновеніемъ. Развѣ не поэзія высокая любовь моя! Развѣ нѣтъ пылу въ моей душѣ? Я бы разбилъ ее въ искры и звуки, и мысли—и свѣтъ отвѣтилъ бы мнѣ вздохами и слезами и рукоплесканіями! Пожелали-ль бы вы увидѣть меня героемъ — и что̀ бы устояло противъ меня? И скоро я бы сжегъ ваше сердце лучами моей славы. Этого мало: я, жадный дѣятельности, я, честолюбецъ въ душѣ, я, въ которомъ внутренній голосъ говоритъ: ты можешь быть многимъ, я бросилъ бы саблю и перо, отказался бы отъ милыхъ бурь океана, ото всѣхъ радостей и обольщеній земли, даже отъ страсти къ познаніямъ, и весь вѣкъ мой бросилъ бы слиткомъ золота въ потокъ забвенья, для того только, чтобы любоваться вами, какъ міромъ, слушать, какъ райскую птичку; чтобы только быть близь васъ часто, дышать вашимъ дыханіемъ—угождать вамъ, боготворить васъ... но вы, вы не захотѣли этого...

Говоря это, Правинъ схватилъ руку княгини, между тѣмъ какъ его пылающія рѣчи и взгляды пронзали сердце ея.

— Полноте, перестаньте, умолкните, капитанъ! вскричала она:—я не хочу, я не должна васъ слушать. Вспомните, кто я, вспомните, что̀ я: на рукѣ моей сжимаете вы кольцо — оно видимое звено не-

видимой, но неразрывной цѣпи, меня окружающей. Судьба моя—навѣкъ принадлежать другому!

Правинъ горестно опустилъ ея руку.

— О, еслибъ одна судьба стояла между нами, я бы менѣе роптал. Я бы завидовалъ, глубоко бы завидовалъ человѣку, которому досталась рука ваша, но онъ самъ позавидовалъ бы мнѣ, еслибъ вы отдали мнѣ свою душу. Было время, что я вѣровалъ въ это сочетаніе, въ это супружество душъ... Напрасно! Поманивъ меня взаимностію, вы съ насмѣшкою отвернулись отъ меня, отвергли мою безграничную любовь, оттолкнули мое сердце — и не долгъ супружества былъ тому виною, нѣтъ: иное чувство, иная любовь! Да, княгиня — я сейчасъ думалъ: эта Душенька вылитая княгиня Вѣра; жаль только, что Амуръ не похожъ на Леновича. Будь еще это, и всякій бы сказалъ, что Канова снималъ эту чету съ васъ обоихъ, когда вы сбирались вальсировать!

— Удержитесь, Правинъ, съ жаромъ прервала его княгиня. — Пустая ревность ослѣпляетъ васъ: Леновичъ близкій родственникъ моего мужа и давно женихъ моей двоюродной сестры, Софьи З., единственнаго друга моего дѣвичества. Теперь, когда я говорю съ вами, онъ уже въ Москвѣ, онъ уже у ногъ ея. Объ ней-то, объ ея-то судьбѣ говорили мы съ нимъ, когда вы явились внезапно, неприглашенные на балъ къ графу Т. Несчастный балъ! несчастная Вѣра!.. внушить столько страсти, и нисколько довѣрія... Нѣтъ, капитанъ! кто любитъ,

тотъ вѣритъ, до легковѣрности вѣритъ: это я знаю по себѣ; нѣтъ, сударь, вы не стоите, чтобы я оправдывалась. Боже мой, Боже мой! думала ли я когда нибудь, что изъ пустого подозрѣнія, изъ ничтожной наружности — я потеряю доброе мнѣніе человѣка, котораго всегда отличала, котораго такъ много уважаю, такъ горячо люблю!

Вѣра была увлечена досадою: досада есть лучшее средство заставить женщину высказать сердце. Но что̀ для опытнаго любовника было бы дѣломъ разсчета — тутъ было дѣломъ случая. Послѣднія слова княгини вырвались изъ сердца не какъ признаніе, но какъ восклицанье. Она забылась — но могъ ли счастливецъ забыть сказанное? могъ ли не вѣрить, что признанное было истинное чувство? Нѣтъ, никогда лицемѣріе не говорило такимъ голосомъ, не сверкало такимъ взоромъ! всѣ сомнѣнія исчезли — душа растаяла въ Правинѣ, онъ впалъ въ какое-то изступленіе восторга: осыпалъ поцѣлуями руку Вѣры, прижималъ ее къ своему сердцу.

— Оно ваше, навѣки ваше, божественная женщина! восклицалъ онъ.— Кто дастъ мнѣ силъ вынести мое благополучіе!.. теперь я готовъ сжать руку злѣйшему врагу, какъ другу, обнять цѣлый міръ, какъ брата!

Княгиня ничему не внимала, ничего не видѣла: казалось, съ роковою тайною вылетѣла изъ нея жизнь. Склонясь челомъ на пьедесталъ Душеньки, она была блѣдна, какъ та... Крупныя слезы дро-

жали на опущенныхъ рѣсницахъ — она вся трепетала, какъ листъ; Правинъ испугался.

— Что съ вами, княгиня? вскричалъ онъ.

— Удалитесь! едва могла она произнести: — теперь вы все знаете, будьте же великодушны — уйдите! Въ иной разъ, въ другой день мы увидимся... теперь я умру со стыда, если взгляну на васъ. Когда вы дорожите хоть сколько нибудь моимъ спокойствіемъ — оставьте меня!

Полонъ блаженства и страха, Правинъ удалился.

Ввечеру князь Петръ съ озабоченнымъ видомъ, но съ салфеткою въ рукѣ, вышелъ изъ столовой навстрѣчу къ доктору, который на цыпочкахъ выходилъ изъ спальни княгини Вѣры.

— Ну, что, любезный докторъ, спросилъ онъ, вытирая губы: — какова моя Вѣрочка?

Докторъ со значительною улыбкою, которую носилъ онъ неизмѣнно на всѣ обѣды и похороны, отвѣчалъ, что слава Богу, что это не опасно, что это пройдетъ! Докторъ этотъ, изволите видѣть, мастеръ былъ золотить пилюли, и оттого кармашки его всегда подбиты были золотомъ. Не рѣшали, впрочемъ, потому ли онъ знаменитъ, что искусенъ, или потому, что дорогъ.

— Прописали ли вы ей что нибудь, докторъ?

— О, за мной дѣло не станетъ, ваше сіятельство! Я настрочилъ рецептъ длиннѣе майскаго дня, и если княгиня будетъ въ точности принимать, что̀

я предписалъ ей, то лихорадка убѣжитъ отъ перваго взвода баночекъ.

— Каковъ у нея пульсъ, докторъ?

— Немножко неровенъ, ваше сіятельство — отвѣчалъ тотъ, натягивая съ трудомъ нижнюю петлю фрака на пуговицу,—да это минуетъ, когда уймется поперемѣнный знобъ и жаръ: надобно потеплѣе укрыть княгиню.

— Что за причина ея болѣзни, докторъ? Сегодня поутру на выходѣ она была весела, словно ласточка, и вдругъ...

— Самая естественная причина, в. с.! Изволите видѣть: наша зеленая зима, которую мы условились называть лѣтомъ, очень непостоянна, а дамы одѣваются черезчуръ легко... мудрено-ль, что сквозной вѣтеръ уноситъ ихъ даже съ бѣлаго свѣта... все у нихъ зефиры, да дымки, да кисеи, да газы...

— Нельзя же въ палатинѣ ѣздить на выходъ! замѣтилъ князь Петръ съ важностію.

— Нельзя же въ газовомъ платьѣ и не простудиться, ваше сіятельство.

— Такъ вы думаете, что это отъ простуды, докторъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, ваше сіятельство.

— Но она такъ тяжко вздыхаетъ, докторъ, будто у нея заложило грудь; она стала такъ капризна, что ни сообразить, ни вообразить нѣтъ способа... не хочетъ даже, чтобы я былъ при ней.

— Это все отъ простуды, ваше сіятельство.

Добрякъ докторъ готовъ былъ клясться иготью Эскулапа, что это отъ простуды.

IV.

Strudziłem usta daremnen użyciem
Teraz je s twemi chce stopić ustami,
I chce rozmawiać tylko serca biciem
I westchnieniami i całowaniami.
I tak rozmawiać godziny, dni, lata,
Do końca swiata i po końcu swiata.
Mickiewicz.

Быстро и сладостно утекаютъ дни счастія. Минувшія радости и будущія надежды сливаются воедино устами, и мигъ настоящаго походитъ на привѣтное лобзанье друзей на порогѣ. Вчера, сегодня, завтра не существуетъ для любовниковъ, нѣтъ для нихъ самаго времени—оно превращено въ какую-то волшебную грезу, въ которой воздушная нить мечтаній вьется съ нитью бытія нераздѣльно, въ которой сердце каждое біеніе свое считаетъ наслажденіями... о нѣтъ! наслажденіе не умѣетъ считать—счетъ изобрѣтенъ нуждою или тоскою.

Правинъ любилъ впервые, Правинъ любимъ сталъ впервые; а какая дѣвственная любовь, какая истинная страсть не робка до простоты, не почтительна до обожанія? Но скоро переживаетъ любовникъ всѣ возрасты страсти. Вѣчный младенецъ въ своемъ лепетѣ, въ своихъ прихотяхъ, взысканіяхъ, ссорахъ, не по годамъ, а по часамъ ростетъ онъ своими желаніями, мужаетъ волею, беретъ силу взаимностью. Бѣднякъ искатель, онъ спитъ и видитъ, какъ бы удостоиться привѣтливаго словца, нѣжнаго взгляда, самой ничтожной ласки. «Я былъ бы счастливъ

тогда!» говоритъ онъ, и озирается, не подслушалъ ли кто его, и трепещетъ дерзости своего воображенія. Но онъ скоро знакомится, дружится, роднится съ нею, скоро она овладѣваетъ имъ—и онъ гордъ, похитивъ первый поцѣлуй, какъ Прометей, похитивъ огонь съ неба. Раскипаясь счастіемъ, словно бокалъ шампанскаго (я увѣренъ, что счастье какой нибудь газъ и что химики надняхъ разложатъ его), онъ уходитъ черезъ край, радость улетучивается изъ сердца, а природа не любитъ пустоты, вопреки Паскалю и водяному насосу — и вотъ новыя желанія проницаютъ въ ретивое, закупорьте вы его хоть герметически. Они будто волосатики впиваются въ персты, разогрѣваютъ кровь лучами взора, упояютъ легкія воздухомъ, вѣющимъ съ милой, топятъ васъ въ звукахъ ея голоса, въ благоуханіи ея кудрей! Ночью они распускаются кактусомъ; днемъ взбѣгаютъ будто кресъ-салатъ. Проклевываются птичками... тормошатъ, щиплютъ, терзаютъ бѣдное сердце—хоть изъ груди бѣри! Опять новыя завоеванія, опять новыя причуды. Повадка балуетъ шалуна; вчерашняя уступка для него завтрашнее право! По мнѣ, сердце—настоящій вестминстерскій кабинетъ: оно умѣетъ и выканючить и выторговать, и обыграть и выбить. «Если ты любишь меня!» говоритъ любовникъ, нѣжно ласкаясь. «Только это, это одно— и я богъ!» Но этотъ богъ — языческій; амброзія для него постъ; онъ готовъ превратиться изъ орла въ лебедя, изъ лебедя въ бычка. Съ каждымъ днемъ онъ становится смѣлѣе, съ каждымъ днемъ онъ об-

ламываетъ по иглѣ, обороняющей розу—поглядишь, вянетъ сама роза подъ жаркимъ дыханіемъ страсти! Знаете ли, какъ называю я знаменателя всѣхъ страстей, и всѣхъ болѣе любви?—Я называю его—любопытство!—Узнали мы, испытали мы, повладѣли мы—и уже знаніе, опытъ, власть намъ скучны. Мы ужъ хотимъ постичь иное, извѣдать лучшаго, завладѣть большимъ. Еще, еще, дальше и болѣе—вотъ границы духа человѣческаго, а границы эти за звѣздами млечнаго пути, за тѣнью могилы.

Но не каждому дано пересѣкать пути многихъ страстей, подобно кометѣ, пронзающей многія солнечныя системы. Не каждому удается побыть любовникомъ, поэтомъ, честолюбцемъ, корыстолюбцемъ и лечь въ гробъ съ тою же побрякушкою, которая тѣшила его первое ребячество. Многіе глубоко врѣзываются въ колею, катятся вдоль которой нибудь одной дороги — и нерѣдко съ рожденія души до смерти тѣла. Такъ Наполеону выпало распутіе власти, на которомъ первая верста была батарея подъ Тулономъ, а послѣдняя островъ св. Елены. Исполинъ-выкидышъ революціоннаго вулкана, онъ отдалъ свои останки вулканической скалѣ, горѣ застывшей лавы. Какой величественный, многомысленный памятникъ, какой чудный риѳмъ судьбы съ вещественностью!.. Багряныя облака—точно огневыя думы — толпятся вокругъ чела твоего, неприступный утесъ св. Елены... Экваторъ опирается на твои рамена; сизыя волны океана, какъ столѣтія, съ ропотомъ расшибаются о твои стопы, и сердце

твое — гробъ Наполеона, заклейменный таинственнымъ іероглифомъ рока!

Простите отступленіе: я увлекся Наполеономъ, и мудрено-ль? При жизни—онъ тащилъ за своей колесницей по грязи народы. По смерти — его геній уноситъ наши помыслы въ область громовъ, свою отчизну. Впрочемъ, примѣръ Наполеона вездѣ кстати; его имя приходится на всякую руку; оно какъ всезначащее число 666 въ Апокалипсисѣ. Какъ ненасытенъ былъ онъ (олицетворенное властолюбіе) къ завоеваніямъ — почти такъ же ненасытны всѣ любовники ласками. Послѣ перваго письма — ихъ перехода черезъ Альпы—они уже вздыхаютъ о лаврахъ Іены и Маренго... они забываютъ, что у самого Наполеона была Москва, гдѣ онъ чуть не сгорѣлъ, путь за Березину, гдѣ онъ чуть не замерзъ, и литовскія грязи, въ которыхъ едва-едва не утонулъ. Горячая кровь не слишкомъ покорна доктору философіи, г-ну разсудку, и рѣчь сердца начинается обыкновенно съ чистѣйшаго платонизма, а заключеніе у ней: «индѣекъ малую толику!» Къ слову стало о платонизмѣ: онъ очень похожъ на ледяную гору, съ которой стоитъ разъ пуститься — ужъ не удержишься; или, пожалуй, хоть на коверъ, постланный въ ноги дѣтей, чтобы имъ не больно было падать. Да, милостивые государи и милостивѣйшія государыни — зовите меня какъ вамъ угодно — а я зло усмѣхаюсь, когда слышу молодую особу или молодого человѣка, разсуждающихъ о безкорыстной дружбѣ платонизма, прелестнаго и невиннаго, какъ

цвѣтокъ, соединяющій въ чашечкѣ своей оба пола. Усмѣхаюсь точно такъ же, какъ слыша игрока, толкующаго о своей чести, судью о безмездіи, дипломата о правахъ человѣка. Опять грѣхъ сказать, будто платонизмъ всегда умышленный подъименникъ [1]) эротизма; напротивъ, его скорѣй можно назвать граничной ямой, въ которую падаютъ неожиданно, чѣмъ западней, поставленной съ намѣреніемъ; и вотъ почему желалъ бы я шепнуть иной дамѣ: не вѣрьте платонизму, или иному благонамѣренному юношѣ: не довѣряйте своему разуму! Платонизмъ— Каліостро, заговоритъ васъ; онъ вытащитъ у васъ сердце, прежде чѣмъ вы успѣете мигнуть; подложитъ вамъ подъ голову подушку изъ пуха софизмовъ, убаюкаетъ гармоніей сферъ, и вы уснете будто съ маковки; за то проснетесь отъ жажды угара, съ измятымъ чепчикомъ и, можетъ быть, съ лишнимъ раскаяніемъ. Притомъ — но неужто вы не замѣтили, что я шучу, что я хотѣлъ только попугать васъ?.. Помилуйте, гг! мнѣ ли, всегдашнему поклоннику этого милаго каплуна въ нравственномъ мірѣ, поднять на него руку! Мнѣ ли писать противъ него, когда я вслухъ и вполголоса всегда говорилъ въ его пользу, писалъ ему похвалы стихами и прозою! Любопытные могутъ прочесть мою статью: «Нѣчто о любви душъ». Она напечатана въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», не помню только въ

---

[1]) Подъ чужимъ именемъ торгующій. Слово употребительное между купцами.

которомъ году, рядомъ съ рѣчью: «О вліяніи свирѣли и барабана на юриспруденцію».

— Но къ дѣлу, къ дѣлу, говорятъ мнѣ, а развѣ слово не дѣло? Юридически говоря, между ними великая разница; законъ дѣйствуетъ положительно, но мы сравниваемъ относительно. Конечно, человѣкъ рѣдко говоритъ, что̀ думаетъ, еще рѣже исполняетъ, что̀ говоритъ: потому-то нельзя обвинять, ни хвалить его, если онъ обѣщаетъ или грозитъ — но это относится къ будущему; напротивъ, прошлое переходитъ въ полное владѣніе слова, оно существуетъ только словомъ—слово можетъ обличить или оправдать его. Я для того веду свою долгую присказку, чтобы доказать любезнымъ читателямъ, что слова мои — факты, что намеки мои на госпожу Никто, Mistriss Nobody англійскихъ фарсовъ, летѣли не въ бровь, а прямо въ глазъ: однимъ подчеркомъ, что нравъ всѣхъ любовниковъ вообще—такой же какъ у Правина въ особенности: такъ бывало съ другими, такъ было и съ нимъ.

Да-съ, Правина любили нѣжно, даже страстно; но самъ онъ любилъ беззавѣтно, бѣшено. Правинъ былъ звѣрекъ, котораго не всегда обуздаешь дамскою подвязкой. Въ одну и ту же минуту онъ ропталъ то на холодъ, то на горячность Вѣры.

— Не считаете-ль вы меня ртутью, княгиня, которая тогда постоянна и ковка, когда заморожена? говорилъ онъ съ укоромъ. То умоляющимъ голосомъ восклицалъ: — О, не гляди такъ на меня,

очаровательница! развѣ хочешь ты, чтобъ я истаялъ какъ воскъ подъ тропическимъ солнцемъ!

Цѣлуя браслетъ, онъ клялся, что не завидуетъ раю, и черезъ часъ онъ клялся, что онъ самый несчастный изъ смертныхъ — зачѣмъ? Ему полюбился поясъ, завѣтный еще для его губъ; послѣ пояса слѣдовало ожерелье, а тамъ я не знаю, право, что̀. Близость разлуки извиняла его порывы и восторги, его гнѣвъ и самозабвеніе. Лестно, но страшно было быть такъ любимой. Жаркія битвы должна была выдержать Вѣра и съ бурнымъ нравомъ Правина, и съ собственнымъ сердцемъ. Каждый отказъ стоилъ ей слезъ непритворныхъ. Она плакала, и пламя погасало въ Правинѣ отъ немногихъ слезъ милой, какъ, по народному повѣрью, гаснетъ молніею запаленный пожаръ отъ парного молока. Она противилась, какъ порохъ, смоченный небесною росою, противится искрамъ огнива: сотни ударовъ напрасны, но каждый ударъ сушитъ зерна пороха, и близокъ мигъ, когда онъ вспыхнетъ.

Какъ московская барышня, Вѣра половину своей юности прожила среди полей, другую въ столицѣ. Но дѣвушки въ Москвѣ имѣютъ гораздо болѣе свободы, чѣмъ въ Петрополѣ, а гдѣ свобода, тамъ и природа. Вотъ почему дѣвушекъ находилъ я гораздо занимательнѣе въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ первыхъ найдете вы нерѣдко милую простоту, въ послѣднихъ остроуміе; въ первыхъ прелесть, во вторыхъ ловкость, которую даетъ лишь дворъ и вкусъ, впрочемъ, болѣе дитя привычки, нежели чувства;

однимъ словомъ, въ Москвѣ есть гармонія, въ Петербургѣ — тонъ. Въ Москвѣ учатся многимъ иностраннымъ языкамъ и много читаютъ. Въ Петербургѣ нѣтъ времени ни для науки, ни для чтенія, а владыка языкъ французскій. По-итальянски только поютъ, о Байронѣ говорятъ по наслышкѣ, и боятся языка Шиллера, чтобы не изломать своего. Притомъ же въ Петербургѣ столько гвардейцевъ и дипломатовъ, столько чиновниковъ всѣхъ цвѣтовъ, столько парадовъ, гуляній, спектаклей, визитовъ, выходовъ, что будь день о 48-ми часахъ—и тогда не стало бы времени на разсѣяніе. Кромѣ того, въ Москвѣ еще пахнетъ Русью; въ ней хоть не много характеровъ, за то куча оригиналовъ, въ ней есть свои повѣрья, свои причуды, свои обычаи — въ ней есть старина. За то ужъ въ Петербургѣ хоть мало современнаго, но все новое, все съ молотка — и ни русскаго міра, ни русскаго словца! На площадяхъ толкутся маймисты, на перекресткахъ стоятъ синьоры съ продажными зонтиками, по набережнымъ покачиваются англичане съ руками въ карманахъ и съ годдемомъ въ зубахъ; у крылецъ шаркаютъ французы, въ нижнихъ этажахъ шевелятся нѣмцы. Русскій калачъ, тамъ чужестранецъ; благословенная бородка пробирается по стѣнѣ, и рада, рада, если унесетъ въ цѣлости свои бока отъ будочника, или отъ дышла какого нибудь посланника, который скачетъ разыгрывать во весь духъ дипломатическую ноту. Нѣтъ дома, гдѣ бы садились за столъ крестясь одинаково, гдѣ бы хвалили одно и то же

кушанье, просили однимъ и тѣмъ же языкомъ напиться. Про высшій кругъ и говорить нечего: тамъ отъ собачки до хозяина дома, отъ плиты тротуара до этрусской вазы — все не русское, и въ нарѣчіи и въ пріемахъ. Бары наши преважно разсуждаютъ, каково Брюно игралъ Жокрисса, какъ была одѣта любовница Ротшильда на послѣднемъ раутѣ въ Лондонѣ; получаютъ телеграфическія депеши о привозѣ свѣжихъ устрицъ, а спросите-ка вы ихъ: чѣмъ живетъ Вологодская губернія? они скажутъ: «Je ne saurais vous le dire au juste, mr.; у меня нѣтъ тамъ помѣстьевъ».

Впрочемъ, нравственность одна въ обѣихъ столицахъ: посредственность и эгоизмъ! Никто не заботится о томъ, что подумаютъ о насъ добрые люди: у нихъ лишь то на умѣ, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна. Во всѣхъ личность, все частность, вездѣ разсчетъ... Ничего общаго, ничего высокаго. Княгиня Вѣра взросла на такомъ же миндальномъ молокѣ, но она была довольно счастлива, что нашла истинно добрыхъ и умныхъ подругъ и довольно умна сама, что ихъ оцѣнила. Чтеніе поэтовъ познакомило ее съ прекраснымъ міромъ; она пристрастилась къ нему, восхищалась имъ; но эта страсть дала ей другую опасность — опасность мечтательности. Не всѣхъ птицъ можно стрѣлять сидячихъ: иныхъ выгоднѣе на лету; Вѣра принадлежала къ числу послѣднихъ. Недоступная ничтожности вертопраховъ, несгораемая отъ мышьяго огня свѣтскихъ болтуновъ, закруженная вихремъ свѣта, въ кото-

рый только-что явилась — она была равнодушна, хотя ея не защищала любовь къ человѣку доброму, но пустому, холодному, къ которому тетушки и судьба приковали ее, какъ узника къ колодѣ. Чтобы плѣнить ее, надо было сперва поразить вниманіе чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, раздражить любопытство занимательностію—а тамъ недалека и любовь, потому что сердце ея жаждало любви, какъ сухая губка. Такъ и сталось. Встрѣча съ человѣкомъ безъискусственнымъ, пылкимъ, новымъ, который такъ чудно выходилъ изъ рамъ всего, что дѣлается и говорится въ свѣтѣ—побѣдила ее потому именно, что съ этой стороны она не ждала нападенія, еще меньше паденія. Она однакожъ скоро почувствовала, что любитъ, и письма ея къ подругѣ стали съ той поры скромнѣе, хотя краснорѣчивѣе... она говорила обо всемъ, кромѣ своего сердца, обо всѣхъ, кромѣ Правина. Да и могла ли замужняя женщина дѣлать изъ дѣвушки, изъ невѣсты повѣренную тайнъ, которыхъ бы сама она не желала имѣть? Эта недѣлимость, это одиночество страсти еще болѣе одолѣвали Вѣру. Быстро увлеченная въ чужой слѣдъ, она однакожъ уступала, борясь мужественно; она чувствовала, что для спокойствія, если не для счастія, къ свѣтскому правилу: sauvez les apparences, необходимо было прибавить: sauvez la conscience! и надѣясь на эту рѣшимость, вмѣсто того чтобы вытащить свой челнъ на берегъ, она смѣло простирала свой газовый парусъ противъ бурнаго дыханія страсти—и валъ, грозный валъ раз-

сыпался въ прахъ о слабую грудь ея ладьи, или отбитый, съ ропотомъ катился обратно.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, но мѣсяцъ вѣкъ для признанной любви. Онъ вѣкъ броженія. Думы, желанія, требованія роятся, кочуютъ, смѣняютъ, истребляютъ другъ друга. Корабль, будто пловучій ледникъ, сохранилъ сердце Правина дѣвственнымъ, и въ немъ силы юности. Онѣ бушевали неудержимо, особенно когда свѣтская философія надѣвала на себя мундиръ Границына, и пѣнила и кипятила ихъ своими кислотами.

— Мнѣ кажется, ты воспитанъ въ брюхѣ кита, говорилъ Границынъ, разстегивая крючки воротника своего.—Вмѣсто того, чтобы вторить своей княгинѣ Вѣрѣ въ аріи di tanti palpiti, тебѣ бы надо увѣрить ее, что una voce poco fa. Терпѣніе прекрасная добродѣтель въ дромадерѣ, но сами дромадеры, mon cher, нужны въ степяхъ, а не на паркетѣ. Правда, многіе пояса затянуты Гордіевымъ узломъ; за то рѣжь ихъ пополамъ, если не хочешь, чтобъ другой разорвалъ ихъ у тебя подъ носомъ. Право, стыдно будетъ, если эта бѣлокаменная московочка проведетъ тебя. Вотъ тебѣ моя рука — она надъ твоею простотою смѣется, а быть можетъ и сама досадуетъ на твою застѣнчивость.

Эти насмѣшки, перемѣшанныя съ шампанскимъ, лились прямо въ сердце Правина: онѣ то льстили, то подстрекали его страсть. «Нѣтъ, думалъ онъ, полно мнѣ жеманиться. Сегодня или никогда! И на-завтра было то же, на послѣзавтра то же. Пламенныя пись-

ма, неистовыя сцены, упреки, угрозы, гнѣвъ, разлука, все было напрасно: Вѣра стояла непреклонна. Правинъ рѣшился.

Любовь хитра на выдумки свиданій: Правинъ видался по нѣскольку разъ въ день съ княгинею, и все устроивалось будто самымъ естественнымъ и случайнымъ образомъ. Однажды онъ пріѣхалъ къ ней на дачу въ полдень.

— Что это значитъ, капитанъ, спросила Вѣра:— вы въ полномъ мундирѣ?

Любовь есть страсть исключительная, ей нестерпима мысль о множествѣ или раздѣлѣ. Вотъ почему такъ скоро переходятъ любовники отъ мѣстоименія вы къ мѣстоименію ты. Со всѣмъ тѣмъ, первыя привѣтствія встрѣчи принадлежатъ свѣту; любовь беретъ свои привычки послѣ.

— Княгиня, сказалъ онъ, холодно поцѣловавъ у ней руку,— я пріѣхалъ къ вамъ проститься — надолго,—можетъ, навсегда.

— Вы шутите, капитанъ; ты меня пугаешь, Elie — зачѣмъ это? Развѣ не тысячу разъ увѣрялъ ты меня, что воротишься на весну и возвратишь весну душѣ моей!

— Я сейчасъ отъ начальника штаба. Узнавъ, что фрегатъ мой готовъ, онъ былъ такъ добръ, что позволилъ выбрать мнѣ любое изъ двухъ порученій: или идти ненадолго въ Средиземное море—тамъ что дѣлать? вѣдь миръ съ турками почти подписанъ — или отправиться на четырехъ-лѣтнее крейсерство къ американскимъ берегамъ, частью для открытій,

частью для покровительства нашей ловлѣ у Ситхи, у Алеутскихъ островов и близь крѣпости Россъ. Я избираю послѣднее!

— Нѣтъ! ты этого не сдѣлаешь, ты не смѣешь этого сдѣлать! И какъ рѣшаешься ты, не посовѣтовавшись со мною? Развѣ я чужая твоему сердцу! вскричала, вскочивъ, вспыльчивая княгиня.—Я бы могла еще помириться съ мыслію, что неотразимый приказъ службы забросилъ тебя отъ меня далеко и надолго; но чтобы ты по своей доброй волѣ бросилъ меня на четыре года—нѣтъ, этому не бывать, никогда не бывать!

— Никогда не говорите: никогда, княгиня! Это слово имѣетъ вѣсъ только въ устахъ судьбы. Вы сказали, что я по доброй волѣ отправлюсь отсюда— и вы могли это сказать, вы, за чей взоръ отказался я отъ собственной воли, для кого жертвовалъ и обязанностями службы и обѣтами славы! Вы!.. Для кого-жъ иного мила мнѣ жизнь? за кого-жъ красна была-бъ мнѣ смерть? за кого, если не за тебя отдалъ бы я душу свою, промѣнялъ на любовь твою рай, и за мигъ счастія — вѣчность!! Но вы, ваше сіятельство, не удостоили снизойти до взаимности; вы любили на мѣрку и раскланивались чувству, когда приходили на границу, дѣлящую удовольствіе отъ опасности; вы въ то же время думали, какъ бы не смять своихъ газовыхъ лентъ, когда сердце мое разрывалось, когда я умиралъ у ногъ вашихъ!

— Злой человѣкъ, неблагодарный человѣкъ! Я ли не цѣнила тебя, я-ль не дѣлила твоей любви! но я

не раздѣляю твоего безумія. Тебѣ отдала я чистоту души и покой совѣсти, но чести моей не отдамъ— она принадлежитъ другому.

— Какъ вы искусны въ теологіи и геральдикѣ, ваше сіятельство! Вы до золотника знаете, что̀ вѣситъ поцѣлуй на вѣсахъ неба, и какую тѣнь бросаетъ онъ на гербъ. Признаюсь вамъ, я не постигалъ никогда градусовъ любви по Реомюру. Гордостью считалъ я любить безмѣрно, беззавѣтно, предаваться весь—такъ люблю я, такъ желалъ быть любимъ, такъ, или нисколько. Чувствую, что я теряю разсудокъ, а вы, вы не хотѣли бросить вздорнаго предразсудка!.. Помните ли, въ одномъ письмѣ я писалъ къ вамъ: не читайте далѣе, или исполните, что̀ далѣе сказано... Зачѣмъ же вы преступили завѣтъ и отринули мольбу! Однако не думайте, княгиня, будто я ни во что ставлю ваши ласки, вашъ умъ, ваши достоинства! О, никто въ мірѣ не могъ лучше, не могъ выше оцѣнить и ваши прелести, и вашу снисходительность ко мнѣ. Но любовь питается жертвами, доказывается пожертвованіями, все или ничего—ея девизъ, а я измученъ вашими полужестокостями, уничтоженъ вашими полумилостями. Ужели хотите вы, чтобы я забывалъ васъ съ другими лишь бы—не забывался съ вами! Признаюсь, это чудесная любовь!

— Боже великій! и я могла любить такого безжалостнаго человѣка!

— Любить?.. бросимте этотъ разговоръ, княгиня. Я уступаю вамъ пальму нѣжности. Я беру на

себя всѣ вины: я неблагодаренъ, я жестокосердъ, я все, что вамъ угодно. Будьте счастливы, княгиня! Люди съ вашимъ нравомъ созданы для свѣтскаго счастія. Они очень довольны, если на сердце у нихъ пробьются цвѣтки, хоть эти цвѣтки жалкіе подснѣжники. Еще разъ будьте счастливы. Наслаждайтесь своею любовью «съ дозволенія правительства»; ожидайте съ поклономъ прилива нѣжности своего супруга, за которую обязаны вы будете бутылкѣ бургонскаго или перигорскому пастету!

— Слезы, а не слова — отвѣтъ на такую обидную насмѣшку!

— Слезы—роса, княгиня. Взойдетъ солнце, укажетъ часъ ѣхать на прогулку—и онѣ высохнутъ!

— Онѣ высохнутъ раньше, но это будетъ отъ отчаянія!

— Отчаяніе?.. это что-то новое выраженіе въ модномъ словарѣ! Нѣтъ ли какого перстня или браслета такого имени! Вѣдь есть же супиры и репантиры и сувениры у любого золотыхъ дѣлъ мастера. Отчаяніе!!

Недолго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука;
Пройдетъ печаль, настанетъ скука...
Красавица полюбитъ вновь!

Съ гордостію подняла княгиня свои заплаканныя очи на Правина, и взоръ ея пронзилъ его укоромъ.

— Кто такъ худо зналъ прошлое, тому напрасно браться за пророчества, сказала она. — Любуйтесь своимъ жестокосердіемъ, капитанъ; хвалитесь сво-

имъ подвигомъ, смѣйтесь надъ бѣднымъ сердцемъ, которое вы разбили. Да, вы убиваете меня, какъ Авеля, зачѣмъ я принесла одни чистые плоды на жертвенникъ любви!.. Будьте же сестроубійцею за то, что я любила васъ, какъ брата!

— Какъ брата, говорите вы? но развѣ братскія мученья не требуютъ братскаго раздѣла? Впрочемъ, я не пришелъ считаться съ вами, княгиня, ни укорять васъ, ни умолять васъ—я ожидаю одного прощальнаго поклона... ни полслова, ни полвзора болѣе!

Изображаютъ вѣчность змѣей, грызущею свой хвостъ—точно такъ же изобразилъ бы я гнѣвъ... онъ тоже поглощаетъ самъ себя; крайности слиты и въ немъ. Правинъ, чрезвычайный во всемъ, увлекся несправедливымъ негодованіемъ: оно, подавленное, будто льдомъ, хладнокровіемъ наружнымъ, тѣмъ сильнѣе крушило сердце—и вдругъ замѣтилъ онъ губительную силу словъ своихъ надъ Вѣрою. Она была блѣдна, какъ батистъ; слезы застыли на лицѣ—но она уже не плакала, не рыдала. Лѣвая рука ея сжата была на колѣнѣ, между тѣмъ какъ правою упиралась она въ грудь свою, будто желая выдавить оттуда удушающій ее вздохъ; въ очахъ, въ устахъ ея замиралъ укоръ небу.

О! злобенъ тотъ, кто заставляетъ свою милую проливать горькія слезы, кто влагаетъ въ ея уста ропотъ на Провидѣніе; но тотъ, кто съ усмѣшкою удовлетворенной мести или равнодушія можетъ ихъ видѣть или слышать—тотъ чудовище. Правинъ упалъ къ ногамъ Вѣры,—плакалъ, плакалъ какъ

дитя, и рѣчи раскаянія пролились, смѣшанныя съ горючими слезами.

— Вѣра, прости меня, говорилъ онъ, обнимая ея колѣна, цѣлуя ея стопы.—Ангелъ невинности! я оскорбилъ тебя, я не понимаю, что̀ говорю, не знаю, что̀ дѣлаю! я безумецъ! Но не вини моего сердца ни за прежнія обиды, ни за теперешнія клеветы — у меня доброе сердце, и можетъ ли быть злобно сердце, полное любовью, любовью къ тебѣ!!.. За то у меня буйная кровь... у меня кровь — жидкій пламень: она бичуетъ змѣями мое воображеніе, она палитъ молніями умъ!.. я-ль виноватъ въ этомъ? я ли создалъ себя! За каждую каплю твоихъ слезъ, я бы готовъ отдать послѣднія песчинки моего бытія, послѣднюю перлу счастія. Да, нѣтъ мнѣ отнынѣ счастія! На одной вѣткѣ распустились сердца наши— вмѣстѣ должны-бъ они цвѣсть; но судьба разрываетъ, рознитъ насъ! Пускай же океанъ протечетъ между нами, пускай бушуетъ — онъ не зальетъ моей любви, лишь бы ты, ты, сокровище души моей, была невредима отъ этого пожара! Я ѣду — не говори: нѣтъ, ангелъ мой — не могу я, не долженъ я остаться. Это необходимо для твоего, для моего спасенія, для сохраненія моего разсудка и твоей чести... Прощай!!.. О! какъ тяжко разлучаться! легче, легче разстаться душѣ съ тѣломъ, чѣмъ душѣ съ душою. И я буду жить не съ тобой, вдали отъ тебя, не имѣя вечеромъ надежды увидѣться поутру; осужденъ буду не любоваться твоими очами, не чувствовать на сердцѣ твоего дыханія, не слышать рѣчей

твоихъ, не вкушать поцѣлуя! и быть одному—и въ этомъ ужасномъ одиночествѣ знать, что ты принадлежишь иному!! Скажи: какая мука превыситъ это, кромѣ муки при глазахъ своихъ видѣть тебя въ чужихъ объятіяхъ? Прости-жъ, прости! Мнѣ суждено бѣжать тебя всегда и всегда любить безнадежно. Душа моей души! ты была единственною радостью моей жизни: ты останешься единственною моею горестью, всегдашнею мечтою, послѣднею мыслію при смерти! О! я любилъ тебя, Вѣра, много люблю—взгляни на меня попрежнему, милая, и прощай—я ѣду.

Столь быстрый переходъ отъ укоровъ къ нѣжности, отъ гнѣва къ грустному отчаянію изумилъ княгиню. Раздирающія душу жалобы любовника ее поколебали, его слезы побѣдили ее. Взоръ княгини блеснулъ необычайною ясностію; прелестное лицо ея одушевилось зарею самоотверженія.

— Поѣзжай хоть на край свѣта, Илья, сказала она Правину голосомъ, который звучалъ сладостно, какъ вѣсть прощенія преступнику на плахѣ.—Поѣзжай, молвила еще, цѣлуя его голову,—но ты поѣдешь не одинъ: я сама отправлюсь съ тобою; съ этого часа у насъ одна доля, одна судьба. Тебѣ я жертвую всѣмъ, для тебя все перенесу! лишь бы ты, одѣваясь могильною тѣнью, сказалъ: Вѣра меня любила! Не спрашивай, какъ я сдѣлаю, чтобы намъ не разлучиться—любовь научитъ меня. Требую одного и непремѣнно: иди въ Средиземное море, а не въ Америку!

Это произошло 17 августа 1829 года, ровно въ

часъ за полдень. Такъ по крайней мѣрѣ отмѣчено было краснымъ карандашемъ въ памятной книжкѣ Правина.

V.

> L'homme s'épuise par deux actes instinctivement accomplis qui tarissent les sources de son existence. Deux verbes expriment toutes les formes que prennent ces deux causes de la mort: vouloir et pouvoir.
>
> Balzac.

Ровно черезъ десять дней послѣ числа, записаннаго красными буквами, отличной красоты фрегатъ снялся съ якоря, и съ южнаго Кронштадтскаго рейда пошелъ въ открытое море. На кормѣ его рисовалась группа изъ трехъ особъ: одного стройнаго флотскаго штабъ-офицера, подлѣ него человѣка небольшого роста съ генеральскими эполетами и прелестной дамы. Фрегатъ этотъ назывался «Надежда»; на кормѣ его стояли: капитанъ Правинъ, князь Петръ** и его супруга.

Обѣщаніе княгини Вѣры сбылось; да какъ и не сбылось бы оно? Если женщина рѣшительно захочетъ чего нибудь, для нея нѣтъ невозможности. Князь Петръ давно приговаривалъ, что ему хочется попутешествовать для поправленія здоровья—воля жены заставила его рѣшиться, даже убѣдиться, что для него необходимы макароны въ оригиналѣ, устрицы прямо изъ Адріатическаго моря. Разумѣется, къ

этому прибавилъ онъ нѣсколько восклицаній о чистой радости дышать нѣбомъ Авзоніи, прогуляться по Колизею, бросить нѣсколько русскихъ гривенниковъ лазаронамъ Неаполя, и на закуску покататься по Брентѣ въ гондолѣ, дремля подъ напѣвъ Торквато-выхъ октавъ! Князь Петръ безъ надписи не отличилъ бы Караважа отъ Поль-Поттера, и не разъ покупалъ чуть не суздальскія мазилки за работу Луки Кранаха; но князь Петръ, какъ человѣкъ, который хотѣлъ слыть ровесникомъ вѣка, или, какъ выражаются у насъ, à la hauteur du siècle — скрѣпя сердце заглядывалъ иногда въ энциклопедію, и довольно бѣгло, хоть очень невпопадъ, толковалъ о художествахъ и о пушкахъ Пекгсана, о паровой машинѣ и примадоннѣ каменно-островскаго театра, о сморчкахъ и политикѣ. Вздумано—прошено. Князя Петра не думали удерживать. Напротивъ, ему дали еще нѣсколько порученій и позволили ѣхать до Англіи на фрегатѣ «Надежда»: это случилось такъ невзначай и такъ кстати!! Князь Петръ не зналъ, откуда у него взялась такая охота къ морю! Конечно, сборы князя Петра продолжались бы, вѣроятно, до заморозковъ: то нѣтъ дичиннаго бульону или толченыхъ рябчиковъ, или сушеныхъ сливокъ, то не нашли настоящихъ Picalilli, то не достали вѣчнаго Донкинсова супу въ жестянкахъ. За то княгинѣ недолго было уложить свое сердце, а имѣвши его въ груди, влюбленная женщина смѣло сказать: omnia mecum porto, все съ со-

— Я готова, мой другъ, ласково сказала она своему раздумчивому супругу:—фрегатъ не будетъ ждать насъ—завтра мы перебираемся на него непремѣнно.

Такой лаконизмъ не очень понравился князю Петру, который начиналъ уже догадываться, что какъ ни вкусна морская рыба, зато она всетаки далѣе отъ губъ, нежели теленокъ на рынкѣ; но услышавъ, какъ рѣшительно объявила княгиня его повару и камердинеру, что если они не будутъ во всей готовности къ пути сегодня, то завтра слѣда ихъ не останется въ ея домѣ, проглотилъ свое но— и вотъ онъ волею, а пуще того неволею — морской путешественникъ.

Покуда вывертывали якорь, покуда фрегатъ катился подъ вѣтеръ съ парусами, трепещущими будто отъ нетерпѣнія, сомнѣніе: точно ли мы останемся на фрегатѣ? волновало грудь Вѣры. Взоры ея перелетали съ береговъ, словно кружащихся около, на мужа, который съ сожалѣніемъ ловилъ ихъ глазами. Зато, когда фрегатъ взялъ ходъ и сталъ салютовать крѣпости, это торжественное прощаніе съ Россіей убѣдило Вѣру, что уже возвратъ на берегъ невозможенъ, что она долго и близко будетъ съ Правинымъ. Очи ея засверкали; она взглянула на море, которое развивалось впереди все шире и шире, потомъ на своего милаго — и взоръ ея сказалъ: передъ нами море, море блаженства! Ни одна печальная мысль, ни малѣйшій страхъ не возникали между нею и Правинымъ: чувство счастія казалось ей безпредѣльнымъ.

Но высоко билось сердце Правина, и не однимъ наслажденіемъ: какой мужчина покинетъ родину, не оглянувшись на нее, не вздохнувши по ней, будучи даже подлѣ любимой особы? Сомнительная дума: увижу-ль-то я тебя и какъ я тебя увижу?—щемитъ ретивое, и сквозь слезу тускнетъ синева дали.

Грустно смотрѣлъ Правинъ на покинутый берегъ отечества, и съ какимъ-то безпокойнымъ любопытствомъ прислушивался къ перекатамъ отвѣтныхъ выстрѣловъ съ Кроншлота. Съ промежутками, одно за другимъ гремѣли огромныя орудія, грозно, таинственно, повелительно! Вы бы сказали: то голосъ судьбы, которому вторило небо... Правинъ внималъ имъ, будто своему приговору, прочитанному на невѣдомомъ для него языкѣ; но непостижимый смыслъ убѣгалъ отъ понятія человѣческаго. Наконецъ седьмой, послѣдній выстрѣлъ сверкнулъ и грянулъ, какъ седьмая роковая пуля во «Фрейшюцѣ», и постепенно громъ стихъ. Умолкли и далекіе гулы во всѣхъ четырехъ сторонахъ горизонта. Тогда черныя облака дыма, слетѣвшія съ чугунныхъ устъ, стали возникать передъ очами Правина. Казалось, роковые звуки превратились въ іероглифы, подобные надписи, начертанной огненнымъ перстомъ на стѣнѣ пиршества для Валтасара! Потомъ іероглифы сіи развились чудными, вѣщими образами, будто переходя изъ мысли въ существенность, будто олицетворяя, дополняя собою непонятное изреченіе. Дунулъ вѣтеръ и спахнулъ эту величественную строфу, этотъ дивный очеркъ судьбы!.. еще мигъ, и тамъ, гдѣ виталъ онъ,

весело сіяло вѣчное солнце, однообразно катились вѣчныя волны... Тайная грусть влилась въ сердце Правина. Не звукъ ли, не чудные ли іероглифы, не перелетный ли образъ дыма сами-то мы въ вѣчности міра! подумалъ Правинъ; но онъ взглянулъ на Вѣру, и родина съ своими воспоминаніями, море съ своими волнами, небо со своимъ солнцемъ, будущее со своими страхами — все, все исчезло отъ Правина; онъ видѣлъ одну ее, существовалъ только для нея; онъ былъ весь наслажденіе, весь любовь!

На три вещи могу я смотрѣть по цѣлымъ часамъ, не замѣчая ихъ бѣга. Три вещи для меня ненаглядны: это очи милой, это Божіе небо и синее море. Велико ли яблоко глаза? но въ немъ, между тѣмъ, раздольно тремъ мірамъ, т. е. чувству, мысли и свѣту видимому. Въ глазѣ, какъ въ яблокѣ познанія добра и зла, таятся сѣмена жизни и смерти. Сладостно созерцать въ любимыхъ очахъ игру свѣта и тѣней, т. е. чувства и мысли; замѣчать, какъ распускается и сжимается зрачекъ, на коемъ, какъ на Гомеровскомъ щитѣ Ахиллеса, рисуется вся природа; слѣдить, угадывать, ловить искры страсти, проницать туманъ грусти и по складамъ читать въ глубинѣ души понятія, склонности, ненависти; наблюдать, какъ на милую особу дѣйствуетъ міръ и какъ бы она дѣйствовала на міръ. Это разговоръ сердецъ взорами, это галваническая сплавка душъ. Но любопытенъ и глазъ каждаго человѣка: чудный, хотя и неизданный романъ таится въ немъ; каждый взоръ его есть уже глава, то въ родѣ Жилблаза, то въ родѣ

Донъ-Кихота или Робъ-Роя. Какъ въ двухчасномъ снѣ переживаемъ мы иногда цѣлые годы, такъ въ одной клубкомъ свитой мысли, мысли умирающей въ полуродахъ, мысли, которой весь вѣкъ четверть мига, заключается и желаніе добыть, и готовность на всякое зло, чтобъ добыть, и раскаяніе за то совѣсти, и страхъ закона, страхъ общаго мнѣнія, и наконецъ торжество добраго начала, которое стираетъ эту черную точку даже съ памяти. Или напротивъ, мысль чистая, какъ слеза, сверкаетъ во взорѣ, помочь несчастному, выручить изъ бѣды друга, отдать все, погибнуть за правду—и вслѣдъ затѣмъ сомнѣніе: полно, правда ли это? полно, право ли это? потомъ отсрочка: еще завтра успѣемъ; потомъ дать, пожертвовать менѣе, менѣе, и наконецъ совѣтъ себялюбія: есть люди богаче и сильнѣе тебя... ты что за выскочка? За этимъ слѣдуетъ обыкновенно финалъ самой бездушной скупости:

Ты все пѣла?—Это дѣло,
Такъ поди же, попляши.

И потомъ какое быстрое сплетеніе намѣреній, выдумокъ, уловокъ, приключеній; сколько злыхъ замысловъ, никогда не свершающихся; сколько словъ, которыя никогда не будутъ произнесены; сколько дивныхъ мыслей, которыя сольются съ ничтожествомъ! И все это, какъ сказалъ я, заключенное въ одномъ мигѣ, въ одномъ взорѣ, даже въ одномъ сотрясеніи зрачка. О! кто хочетъ изучить китайскую грамоту души человѣческой, кто желаетъ видѣть ее нагою, тотъ изучай ихъ очи! Но знай тотъ, что онъ

берется за ремесло могильщика; что на каждый день онъ будетъ зарывать въ прахъ по лестной мечтѣ, по доброму мнѣнію о людяхъ, что онъ схоронитъ, какъ родныхъ своихъ, участіе къ нимъ и наконецъ собственное сердце... разобьетъ свой заступъ о черепъ и уйдетъ въ лѣсъ съ базара—кладбища, которое въ просторѣчіи называютъ: свѣтъ! Уйдетъ туда умереть одинъ, отдать трупъ свой звѣрямъ и птицамъ и вѣтрамъ, лишь бы не потѣшить своею кончиною любезныхъ братьевъ человѣковъ!!

Но неужели таково все человѣчество, всѣ люди? Сохрани Богъ подумать, не только повѣрить! Поколѣніе наше—бурная, мутная волна, но и въ этой волнѣ есть легкая пѣна, есть чистыя капли, есть перлы, вымытые со дна морей. Сколько высокихъ душъ зналъ я, сколько знаю доселѣ! Онѣ мирятъ человѣка съ человѣчествомъ, какъ миритъ природа человѣчество съ его судьбою. Повѣрьте, если не всѣ добро дѣлаютъ, то всѣ добро признаютъ—а это не бездѣлица.

Люблю я глядѣться и въ безбрежное небо. Когда пристально и долго смотришь въ него, то замѣтны становятся струйки эѳира, прелестно играющія по синевѣ... это истинная гармоника для очей. Раздольно тамъ, привольно тамъ шириться орлу, рѣять вѣчно вешней ласточкѣ, жужжать незамѣтной мушкѣ, порхать однодневной бабочкѣ! Тамъ странствуютъ тучи, чреватыя перунами, тамъ гуляютъ облака, играющія отливомъ радуги. Тамъ живутъ звѣзды; оттуда живитъ насъ солнце.

Мирныя свѣтила! вы не знаете бурь и смутъ нашихъ!.. Солнце не блѣднѣетъ отъ злодѣйствъ земныхъ; звѣзды не краснѣютъ кровью, рѣками текущею по землѣ. Нѣтъ! онѣ совершаютъ пути свои беззаботно и неизмѣнно. Солнце встаетъ такъ же пышно на утро, хоть можетъ быть цѣлое поколѣніе, цѣлый народъ исчезъ съ лица земли послѣ его заката, и во мракѣ, попрежнему, распускаются ночные цвѣты неба — звѣзды, попрежнему сверкаютъ намъ огнемъ любви и, мнится, текутъ въ океанѣ благости! Да, созерцая сводъ неба, мнѣ кажется, грудь моя расширяется, ростетъ, обнимаетъ пространство. Солнцы, будто отраженныя телескопомъ на зеркалѣ души, согрѣваютъ кровь мою; миріады кометъ и планетъ движутся во мнѣ; въ сердцѣ кипитъ жизнь безпредѣльности, въ умѣ совершается вѣчность! Не умѣю высказать этого необъятнаго чувства, но оно просыпается во мнѣ каждый разъ, когда я топлюсь въ небѣ... оно залогъ безсмертія, оно искра Бога! О, я не доискиваюсь тогда, лучше ли называть Его Іегова или Dios или Алла? Не спрашиваю съ нѣмецкими философами: Онъ ли das immerwährende Nichts—или das immerwährende Alles? но я Его чувствую вездѣ, во всемъ, и тутъ—въ самомъ себѣ. О, тогда весь шаръ земной кажется мнѣ не больше и не дороже мѣднаго гроша. Но жизнь, подобно удаву, наводитъ на меня свои обаяющіе глаза, и я, какъ жаворонокъ, падаю въ пасть ея съ неба!!

И ты, море, бурный другъ моей юности! какъ го-

рячо любилъ я тебя въ старину, какъ постоянно люблю донынѣ! Отрокъ, я игралъ съ твоими всплесками; юноша, я восхищался твоими зеркальными тишинами и грозными бурями съ вышины мачты. Праздники были мнѣ тѣ дни, тѣ недѣли, которыя могъ я проводить на палубѣ, вырвавшись изъ душной столицы, сбросивъ свинцовыя цѣпи педантизма. Помню, какъ бывало вахтенный лейтенантъ, шутя, отдавалъ мнѣ рупоръ для поворота — и съ какимъ неизъяснимо-сладкимъ удовольствіемъ командовалъ я: право на бортъ, и кливеръ шкотъ отдай! Какъ важно посматривалъ на вымпелъ, чтобы вовремя крикнуть: гротъ-марса-булень отдай! Съ этимъ магическимъ словомъ всѣ реи, съ рокотомъ блоковъ, переметывались на другую сторону, и корабль, подобно коню, который дрожитъ отъ ярости, но покоряется волѣ всадника, довершалъ оборотъ по слову 13-лѣтняго мальчика. Я высоко подымалъ брови, я гордо смотрѣлъ на небо, у котораго уловилъ я вѣтеръ, на море, которое пробѣгалъ безстрашно, на фрегатъ, которымъ повелѣвалъ по прихоти, коимъ могъ повелѣвать даже по ошибкѣ!.. я уже постигалъ это; я чувствовалъ силу свою!

Море, море! тебѣ хотѣлъ я ввѣрить жизнь мою, посвятить способности. Я бы привольно дышалъ твоими ураганами; валы твои побратались бы съ моимъ духомъ. Твои вѣтры носили бы меня изъ края въ край, тобою раздѣляемые и тобою же связанные. Статься можетъ, моя бы молодость проспала, какъ чайка, на твоихъ бурунахъ, статься можетъ, от-

шельникъ свѣта въ плавучей кельѣ, не зналъ бы я душевныхъ грозъ въ заботѣ отъ грозъ океана.. но судьба судила иначе...

Ты не моя, прекрасная стихія, но все еще я люблю тебя, какъ разлученнаго со мною брата, какъ потерянную для себя любовницу! сколько разъ, мучимъ безсонницею въ теплой постели, завидовалъ я ночамъ, проведеннымъ на шлюпкѣ, подъ ливнемъ осеннимъ, подъ бурей и страхомъ, на драницу отъ смерти. Сколько разъ, въ противоположность тому, сожалѣлъ я, въ грязи биваковъ, о зыбкой койкѣ на кубрикѣ, въ которой засыпалъ, внимая журчанію скользящей вдоль борта воды надъ самымъ ухомъ, и повременному оклику вахтеннаго лейтенанта на рулевыхъ: Держи вестъ-зюдъ-вестъ!—Есть такъ.—Полшлага еще!—Есть.—Держи такъ!—Есть такъ.

И теперь съ холоднымъ сердцемъ не могу я глядѣть на зыбкую степь твою, по коей рыщутъ дружины волнъ, внимать твоему реву и ропоту; ты говоришь мнѣ роднымъ языкомъ, ты вѣешь мнѣ стариною. Люблю я мечтать, склонясь надъ тобою, и переживать то, чего давно нѣтъ; люблю вскачь пускать коня моего вдоль песчанаго берега, разбрызгивая твою пѣну, и любоваться, какъ волны смываютъ мгновенный слѣдъ мой!

Это мое былое и будущее.

Такъ любовался Правинъ черными очами Вѣры, такъ глядѣлась она въ голубые глаза Правина, глаза, которые чудной игрой природы осѣнены были черными рѣсницами, черными бровями и кудрями. Рука

съ рукой любовались они пѣнною колеей, врѣзанной кормою, колеей, безпрестанно новой и безпрестанно исчезающей. Волны, какъ друзья, то улыбались имъ, то хмурились на нихъ и, мѣрно поражая фрегатъ, звучали какъ стихи Пушкина; при солнцѣ разсыпались радужными снопами, при лунѣ растопленнымъ серебромъ; въ темную ночь сверкали фосфорною пѣною: корабль плылъ въ морѣ свѣта. И бездонное небо, то со своимъ ночнымъ пологомъ, вышитымъ звѣздами, то съ голубымъ шатромъ дня, у коего маковкой было солнце, то въ бурной ризѣ изъ тучъ, такъ величаво и таинственно возставало надъ любящимися, что они безмолвно терялись въ созерцаніи и въ разгадываніи. Очи, небо и море! море, очи и небо!—Какого вѣка было-бъ достаточно, чтобъ насытиться вами, наглядѣться вами!! Но любовь даетъ душѣ тысячи граней: въ нихъ, въ одно мгновеніе, отражается множество предметовъ, и всѣ различно, всѣ ярко, всѣ блистательно. Такъ малѣйшая красота природы, пустая шутка офицеровъ за чайнымъ столикомъ, смѣшная сказка матросовъ, усѣвшихся съ трубками надъ лоханью воды у камбуза [1]) подъ бакомъ, страница книги, прочитанной вмѣстѣ, давали нашимъ любовникамъ неистощимый родникъ споровъ и разговоровъ, порождали тысячи новыхъ мыслей.

Правду сказать, имъ для этого было довольно досуга. Правинъ уступилъ гостямъ всѣ свои каюты,

---

[1]) У печи.

за исключеніемъ самой маленькой въ сторонѣ. Безпечный супругъ скоро привыкъ къ корабельной жизни; да и о чемъ было ему горевать? Поваръ съ нимъ былъ отличный, живности вдоволь, слѣдовательно любимое его изящное художество, т. е. Plastik des Fliessenden (зодчество жидкостей), по выраженію нѣмецкихъ мыслителей, шло какъ нельзя лучше. Потолковавъ съ художникомъ поварни, онъ цѣлое утро игралъ въ каютъ-компаніи съ мичманами въ шахматы; за обѣдомъ подливалъ Стеллинскому бордо; послѣ обѣда отдыхалъ, а тамъ опять та же исторія. Между тѣмъ какъ князь Петръ живмя жилъ въ каютъ-компаніи, между тѣмъ какъ иной шалунъ, лукаво улыбаясь, замѣчалъ, что самая слабая его игра — шахъ ферязи, капитану Правину припала необыкновенная охота къ письменнымъ дѣламъ: онъ безпрестанно сидѣлъ за астрономическими выкладками, у коихъ итоги были едва-ль не взоры княгини, и за журналомъ своихъ путешествій вкругъ обѣихъ гемисферъ.

Взгляните на карту: какое раздолье между Тигромъ и Евфратомъ приписано было земному раю, для первой четы нашихъ праотцевъ; мы не такіе баловни, мы попривыкли къ тѣснотѣ... Эдемъ нашъ умѣститься можетъ на одной полосѣ земли, въ четырехъ стѣнахъ кабинета, въ скромной каютѣ, гдѣ вамъ придется жить втроемъ съ любовью и съ тридцати-шести-фунтовою пушкою. Если не вѣрите, спросите у Правина и княгини Вѣры. Къ счастью-жъ Правина и княгини Вѣры, хотя къ большой досадѣ всѣхъ его товарищей, бури и противные вѣтры за-

медляли ихъ плаваніе, задерживали въ портахъ, куда необходимо было зайти для освѣженія припасовъ и наливки водою. Такъ все относительно въ этомъ свѣтѣ. Вожделѣнна молнія, когда указываетъ она потерянную дорогу. Ужасна заря, открывающая осужденному эшафотъ. Для путника первая блистаетъ, какъ свѣча пиршества; для преступника вторая, какъ лезвіе топора. То, что рождало зѣвоту и побранки на устахъ моряковъ, внушало любовникамъ сладкія рѣчи и еще сладчайшіе поцѣлуи.

— Не бойся, милочка! говорилъ Правинъ Вѣрѣ, когда она страстно прижималась къ его груди, внимая ударамъ разъяренныхъ валовъ въ составъ фрегата.

— Мнѣ ли бояться ихъ, возражала она,—когда я знаю, что каждая волна приноситъ мнѣ лишнюю минуту счастья. Пускай дрожитъ отъ нихъ дубъ: мое сердце трепещетъ не отъ робости.

Оба любовника не выходили изъ забытья любовной горячки, забытья, оживленнаго наслажденіями и пламенными мечтами. Правда, минутная ревность злобно терзала сердце Правина, когда князь Петръ приближался къ Вѣрѣ со своими насущными ласками, но тогда ея умоляющій взоръ, но послѣ ея беззавѣтная преданность награждали его терпѣніе — и онъ успокоивался. Чистое сердце — точно волшебная прялка: она выпрядаетъ золото поэзіи изъ самой грубой пеньки вещественности; любовь Правина и Вѣры была истинна: то была страсть, какой давно

не видитъ и не вѣритъ свѣтъ. Они блаженствовали.

Я сказалъ, что противные вѣтры замедляли путешествіе фрегата «Надежды»... безъ сомнѣнія любовь въ томъ выигрывала; но едва-ль не теряла въ томъ служба, и очень много. Правинъ утопилъ въ своей привязанности всѣ другія заботы. Любоваться Вѣрой, когда вмѣстѣ, думать о ней, когда врознь, стало его любимымъ занятіемъ. То задумчивъ, то разсѣянъ, онъ мало обращалъ уже вниманія на порядокъ управленія парусами, на внутреннее устройство фрегата и команды. Только въ буряхъ, только въ опасностяхъ пробуждался онъ отъ дремоты, схватывалъ трубу и грознымъ словомъ своимъ укрощалъ злобу стихій. Но съ бурею утихалъ онъ самъ и снова падалъ въ досадное равнодушіе ко всему, кромѣ предмета своей страсти.

Нилъ Павловичъ сперва лишь качалъ головою, потомъ сталъ пожимать плечами, а наконецъ, безъ шутокъ началъ журить Правина за его набреженіе къ службѣ.

— Я предсказывалъ тебѣ, говорилъ онъ не разъ,— что кто начнетъ кривить противъ долга честнаго человѣка, противъ связей общества, тотъ конечно не минуетъ забвенія обязанностей службы. Полно ребячиться, Илья: твоя связь не доведетъ тебя до добра; ты можешь въ эту игру проиграть здоровье и доброе имя — кто знаетъ, можетъ быть, самую жизнь; а что всего хуже, ты погубишь съ собою и княгиню... это прелестное созданіе, которое стоитъ

лучшаго свѣта и чистѣйшей судьбы. Грѣшно человѣку съ душою вербовать ее въ дружину падшихъ ангеловъ.

Правинъ сперва оправдывался—ссылался на примѣръ другихъ, на силу своей страсти. Потомъ онъ отъигрывался шутками, наконецъ сталъ молчать и сердиться. Совѣты друга ему наскучили, выговоры его досаждали ему. Не желаніе блага, а тщеславіе своего превосходства находилъ онъ въ прямизнѣ Кокорина. Его строгость называлъ онъ безчувственностію, его неуклончивость гордостью. Такова бываетъ участь всѣхъ тѣхъ, которые не поблажаютъ нашимъ слабостямъ, которые даютъ лекарство, не обмазавъ медомъ края стакана. Мы терпѣть не можемъ людей, которые угадываютъ наши тайные помыслы и даютъ имъ клички по шерсти; для насъ обидно, когда собственная совѣсть заговоритъ чужими устами. Кстати ли послушаться кого нибудь! Да что я за ребенокъ? Да я развѣ не знаю, что̀ дѣлаю? У каждаго свой умъ-царь въ головѣ! Я не люблю плясать по чужой дудкѣ... Самолюбіе засыплетъ подобными пословицами, уколи его хоть булавкою. Холодность и принужденіе разрознили старыхъ друзей. Правинъ забылъ, что съ Ниломъ Павловичемъ дѣлилъ онъ и дѣтскія забавы, и опасности мужества; что его попеченіямъ обязанъ былъ, если не жизнію, то здоровьемъ, ибо жестоко раненый подъ Навариномъ, за что̀ произвели его послѣ въ капитанъ-лейтенанты, онъ цѣлый мѣсяцъ не могъ двинуться, а Нилъ Павловичъ, во все время его выздоровленія, не спалъ ночей, предупре-

ждая всѣ его желанія и нужды, снося его причуды.

О! любовь чужеядное растеніе... Оно скоро разростается по сердцу, и скоро выживаетъ вонъ всѣ другія чувства!

Между тѣмъ, не смотря на бури, не смотря на вѣтры, не смотря на умышленныя замедленія ходу отъ капитана, давно остались назади дебристые острова и гранитныя скалы Финляндіи, рыцарскій Ревель, коего шпицы и башни вонзаются въ небо словно копья великановъ, и другой стражъ, противоставшій ему съ берега Финляндіи—Свеаборгъ, опоясанный тремя ярусами батарей. Побывавъ въ Копенгагенѣ, пролетѣвъ Зундъ, оставивъ Гельсиноръ за собою, фрегатъ миновалъ грозные утесы Дерпеуса, крайняго мыса печальной Норвегіи, и вошелъ въ Нѣмецкое море. Наконецъ, Нордъ-форъ-ландскій маякъ, какъ звѣзда Венеры, блеснулъ ночью надъ зыбями... Англія! радостно закричалъ матросъ съ форсалинга[1]); но этотъ блескъ, этотъ звукъ зловѣще поразили чувство обоихъ любовниковъ... они сказали имъ близкую разлуку!

Князя Петра уговорили выйти на берегъ въ Плимутѣ. Фрегату способнѣе было тамъ освѣжиться, чтобы оттоль прямо спуститься въ океанъ. А князю, изъ Плимута до Лондона, предстояло любопытное путешествіе, избавлявшее его отъ лишнихъ хлопотъ нарочно ѣздить посмотрѣть Англію и возвращаться обратно. И такъ фрегатъ несся по Ламаншскому ка-

---

[1]) Верхній перекрестокъ веревокъ на передней мачтѣ.

налу, ловя, такъ сказать, лишь пѣну видовъ Англіи и Франціи. Кале и Дувръ мелькнули какъ сонъ; скрылся и Спитгэдъ, подобный вдали дикобразу отъ множества мачтъ, и Вайтъ — изумрудный перстень Англіи. Берега Пертшира бѣжали и, наконецъ, завиднѣлся Эддистонскій маякъ, истинный геркулесовъ столбъ, вонзенный рукою человѣка въ подводную скалу. Величавый памятникъ воли—не той тиранской воли, которая воздвигла безполезныя пирамиды въ безплодныхъ пескахъ Египта, но воли благотворной, хранительной, которая зажигаетъ для пловцовъ новыя звѣзды, чтобы онѣ, подобно оку Провидѣнія, неусыпно стерегли и блюли отъ гибели тысячи кораблей. Вправѣ открылся Плимутъ, славный своимъ портомъ, который защищенъ недавно великанскимъ волнорѣзомъ (break water) отъ бурь океана. Англичане велики въ полезномъ.

Но чудесность этого волнорѣза, но богатство города, но прелесть окрестностей и новость предметовъ не утѣшали любовниковъ, которымъ каждый домъ, каждый шагъ на землѣ напоминалъ: вамъ должно разстаться! И, наконецъ, часъ разлуки пробилъ. И, наконецъ, должно было сказать: прощайте—слово, задатокъ терзаній разлуки; слово, которое, какъ желѣзный гвоздь, вытягивается въ безконечную проволоку, въ струну, изъ которой каждый повѣвъ вѣтра извлекать будетъ звуки печали. Должно было проститься, и проститься не такъ, какъ любовникамъ, какъ супругамъ, на груди другъ друга, растворяя горесть слезами, изсушая слезы лобзаніями,—

нѣтъ! должно было проститься поклономъ, при опасномъ свидѣтелѣ, задавить слезу улыбкою, задушить вздохи привѣтами, желать счастья, нося адъ въ груди своей. И этотъ адъ всегда удѣлъ тѣхъ, которые закладываютъ душу свою за чужое счастье, которые украдкою рвутъ плоды Эдема. Настоящій владѣтель снимаетъ съ нихъ счастье, какъ праздничный кафтанъ съ своего раба—и онъ не смѣетъ молвить слова. Онъ прячетъ въ сердцѣ и поминку о томъ, будто краденую вещь; онъ краснѣетъ благороднѣйшаго чувства, какъ низкаго поступка. Правинъ не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ комнатъ князя Петра. Онъ очнулся уже на фрегатѣ, при кликѣ боцмана: якорь всталъ! которому отвѣчало громкое ура шпилевыхъ [1]). Въ рукѣ его замерла карточка, всунутая въ его руку княгиней Вѣрой при разставаньи. Но прежде чѣмъ прочесть ее—онъ прильнулъ къ ней устами.

VI.

«Sic volo, sic jubeo—sta pro ratione voluntae!»
Juvenal.

Тихо катился фрегатъ «Надежда» вдоль береговъ Девоншира. Колокольни Плимута и лѣсъ мачтъ его гавани вростали въ воды. Живописныя мѣстечки, цвѣтущія деревни являлись и убѣгали, точно въ стеклѣ косморамы, даль задергивала предметы

[1]) Т. е. матросовъ, вывертывающихъ воротомъ якорь.

своею синевою. Свѣжестью осеннею дышала земля; мирно было все въ небѣ и на морѣ; но вдали сѣрыя облака заволакивали кругомъ горизонтъ, широкая зыбь грозно катилась въ проливъ, и западные склоны ея волнъ, встающіе все круче и круче, предсказывали крѣпкій вѣтеръ съ океана.

Вечерѣло. Нилъ Павловичъ, ворча что-то про себя, съ заботливымъ видомъ поглядывалъ на туманное небо и на тусклое море—онъ стоялъ на вахтѣ.

— Не прикажете ли, капитанъ, убрать наши чепчики, т. е. брамсели, разумѣю я, а вслѣдъ за ними и брамъ-стеньги? спросилъ онъ Правина.

— Прикажите, отвѣчалъ тотъ равнодушно. — Хоть я не вижу въ этомъ большой нужды; посмотрите-ка: паруса наши чуть не левентихъ [1]).

— Конечно такъ, возразилъ Нилъ Павловичъ, немного уколотый такимъ замѣчаніемъ.—Теперь пузо[2]) нашихъ парусовъ какъ передникъ десятилѣтней дѣвочки; зато взгляните, какъ надуло свое, море! Этакая прожора! этакой Фальстафъ земного шара! оно готово скушать и насъ безъ перцу и лимоннаго соку! Прислушайтесь, какъ стало оно ворчать и разѣвать пасть свою! Нѣтъ, погоди ты, морская собака; мы еще не довольно грѣшны, чтобы познакомиться съ твоею утробою, не исповѣдавшись на Аѳонской горѣ. Не придержать ли, капитанъ, круче къ вѣтру, чтобы до ночи удалиться отъ береговъ?

---

[1]) Т. е. полощутся, висятъ не надувшись.
[2]) Техническое выраженіе — округлость паруса.

— Нѣтъ, Нилъ Павловичъ, мы спустимся въ океанъ не ранѣе, какъ обогнувши мысъ Лизардъ, чтобы, забравшись выше, далеко миновать бурливую Бискайскую бухту. До той поры держаться надо параллельно берегу.

— Чтобъ не прижало насъ волненіемъ къ бурунамъ; каменный утесъ плохой сосѣдъ деревянному боку.

— Кажется, Нилъ Павловичъ не перешелъ еще меридіана жизни, за которымъ и самую робость величаютъ осторожностію.

— Одной осторожностію больше — однимъ раскаяніемъ менѣе, капитанъ!

— Рискъ дѣло благородное, Нилъ Павловичъ! не съ вами ли ходили мы на гниломъ рѣшетѣ между ледяныхъ горъ Южнаго океана—и боялись ли тогда идти все впередъ, да впередъ? Бывало, смѣнившись съ вахты, чуть заснешь, смотришь, выбросило изъ койки, а сквозь пазы хоть звѣзды считай.—Что такое? — Стукнулись о льдину... течь заливаетъ трюмъ, качка тронула изъ гнѣзда мачту!—Да тонемъ, что ли?—Нѣтъ еще, отвѣчаютъ сверху. И мы засыпали опять богатырскимъ сномъ.

— Это правда, капитанъ: мы засыпали, но это было оттого, что вы не были командиромъ судна, а я первымъ лейтенантомъ, какъ теперь. На насъ не лежалъ отвѣтъ даже за свои души, намъ съ полгоря было тогда тонуть, не раскрывъ даже одѣяла, боясь простуды. Теперь иное дѣло: отъ насъ Богъ и государь требуютъ сохраненія корабля и людей.

Капитанъ не слыхалъ окончанія этой рѣчи: онъ уже въ глубокой думѣ стоялъ на подвѣтренной сѣткѣ, устремивъ свои очи на волны.

Какое странное дѣйствіе производятъ онѣ на воображеніе тронутаго человѣка. Игра ихъ отражается въ немъ будто въ зеркалѣ. Самыя мечты его колышатся, возникаютъ, опадаютъ въ немъ вещественно и, не образуясь ни во что опредѣленное, сливаются съ моремъ, не оставивъ по себѣ слѣда. Такъ было и съ Правинымъ. Любовь его была глубока, какъ море, кипуча, какъ море; сердце его было на время оглушено разлукою, и оно очнулось лишь тутъ; оно пробудилось какъ младенецъ, подкинутый безжалостною матерью къ чужимъ воротамъ, зимою — и первый звукъ, изъ него вырвавшійся, былъ болѣзненный крикъ отчаянія. Неразсвѣтающій мракъ, убійственный холодъ—вотъ что отнынѣ будетъ его тюрьмою и пыткою. Люди не сохранятъ для него въ гостинецъ ни одной радости. Уединеніе не дастъ ни одной свѣтлой мысли. Опустошаетъ, какъ Тимуръ-Ленгъ, душу разлука, душу человѣка, одареннаго мыслію и чувствомъ! Онъ отчуждилъ ее, онъ перелилъ ее въ бытіе милой, онъ сплавилъ свои мысли съ ея мыслями, свои чувства съ ея чувствами. Какъ чудные близнецы, сердца ихъ срослись въ одно цѣлое — и вдругъ это цѣлое разорвано, разбито, разброшено судьбою. Такой человѣкъ теряетъ вдругъ все, потому что онъ все отдалъ; онъ не вѣритъ надеждѣ, потому что забралъ слишкомъ много у прошлаго, потому что онъ

въ часахъ истратилъ годы счастія. Лишь одно воспоминаніе вползаетъ въ развалины, какъ змѣя. О, воспоминаніе! ты льешься тогда горючими слезами изъ очей, каплешь кровью изъ сердца. Разлука встаетъ между любящимися, будто ледяная стѣна— и на ней, словно въ волшебномъ фонарѣ, изображается въ тысячѣ видахъ все былое. Вторится каждая прелесть, каждое слово нѣги и нѣжности! Чародѣй—она воскрешаетъ ласки, уносившія насъ до восторга, утоплявшія насъ въ небесномъ самозабвеніи; зажигаетъ вновь взоры и поцѣлуи, и когда на устахъ разгорается жажда лобзаній, когда кровь пышетъ, когда сердце рвется слиться съ другимъ въ пламени взаимности—рука, и уста, и сердце встрѣчаютъ ледъ, и мечта тонетъ въ мерзлой рѣкѣ, подобно голубку, опаленному пожаромъ. Тогда, о, тогда невольно рождается вѣра въ злое начало, въ самовластіе Аримана, въ силу ангела тьмы! Кажется, чувствуешь тогда его мертвящее дыханіе, видишь во тьмѣ его злобныя очи, внемлешь его адскій смѣхъ за собою.

Мрачнѣй, все мрачнѣй становилось море, и съ нимъ заодно чернѣли думы Правина. Грудь его вздымалась тяжело, будто свинцовые валы обливали ее своею тяжестію, будто лежала на ней колоссальная рука судьбы. Онъ смотрѣлъ на полетъ чаекъ; онѣ одна по одной отставали отъ фрегата, и съ жалобнымъ крикомъ исчезали въ туманномъ небѣ.

«Съ вами, думалъ онъ, улетаютъ мои послѣднія радости, и когда Англія, эта раковина, хранящая

жемчужину моей души, исчезнетъ изъ глазъ моихъ— не все ли равно, что я схороню ее въ океанѣ? Когда случай сведетъ насъ? гдѣ могу я встрѣтить ее? А между тѣмъ я, бѣдный скиталецъ, останусь надъ бездною одинъ, одинокъ!»

Какъ обыкновенно звучатъ эти слова! Раскройте словарь, и вы съ трудомъ ихъ отыщете на страницѣ. Какъ грамматическое орудіе, они ничѣмъ не отличны отъ своихъ собратій; но какъ выраженіе мысли, какъ символъ чувства, какъ слѣдъ дѣла — я никогда не могу прочесть или услышать ихъ, чтобъ сердце мое не сжалось. Одинъ Богъ можетъ быть одинокъ безъ скуки, ибо въ лонѣ Его движется все. Только Богъ можетъ быть одинъ безъ сожалѣнія, потому что нѣтъ Ему равнаго.

Предвѣщанія, предчувствія тѣснились въ сердцѣ Правина: сильныя страсти насъ дѣлаютъ суевѣрными. Но къ нимъ прививалась и ревность, которой не могъ отрицать ничей разумъ.

«Она будетъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, думалъ онъ, и кто порука, что въ вихрѣ разсѣянности она не забудетъ меня! Притомъ, устоитъ ли она противу обольщенія, вооруженнаго всѣми прелестями дарованій, ума, славы, красоты, моды! устоитъ ли противъ собственнаго тщеславія? И я, неопытный, ни разу не дерзнулъ ей напомнить о вѣрности, связать ее клятвою! О, какъ бы я желалъ еще хоть часъ побыть съ нею, услышать ея обѣтъ вѣрной, вѣчной любви, умолить хоть изъ жалости не измѣнять мнѣ, и если суждено намъ судьбою не видаться болѣе, простить-

ся съ ней не равнодушнымъ знакомцемъ, какъ это было въ Плимутѣ, но страстнымъ любовникомъ наединѣ, слить наши слезы, и пламеннымъ поцѣлуемъ запечатлѣть пламенную любовь!»

Онъ вынулъ изъ кармана послѣднія слова княгини, написанныя карандашемъ на оборотѣ карточки адреса лучшаго трактира въ мѣстечкѣ... (мы назовемъ его Ляйтъ-Боругъ), куда сбиралась ѣхать сегодня же княгиня отдохнуть вдалекѣ отъ шуму и пыли, покуда сошьютъ ей въ Плимутѣ англійскій костюмъ. Ей такъ расхвалили здоровое мѣстоположеніе и живописныя окрестности этого Ляйтъ-Боруга... ей такъ необходимо поправить свою слабую грудь послѣ морского путешествія. Князь пріѣдетъ за нею дня черезъ три, и вмѣстѣ отправятся въ Лондонъ; и теперь княгиня должна быть уже тамъ, и его фрегатъ противъ самаго Ляйтъ-Боруга, и до берега не болѣе двухъ миль! Все это пришло вдругъ на память Правина. Онъ нѣсколько разъ поворачивалъ карточку—и каждое слово ея казалось теперь ему чертами свѣта: онѣ загорались подобно электрическому фейерверку отъ прикосновенія проводника. Недоконченная рѣчь: ангелъ мой, я твоя... принимала тысячу разныхъ смысловъ, и всѣ они сходились къ одному: свиданье или смерть! Для чего-жъ иного она хотѣла ѣхать въ Ляйтъ-Боругъ? Для чего иного написала свое таинственное посланье на карточкѣ адреса?..

— Свиданье или смерть! молвилъ себѣ Правинъ.

— Нилъ Павловичъ! сказалъ онъ, быстро обер-

нувшись къ лейтенанту: — прикажите спустить съ боканцевъ мою десятку: я ѣду на берегъ!

— На берегъ? вы, капитанъ, ѣдете на берегъ? съ изумленіемъ спросилъ Нилъ Павловичъ! — Этого быть не можетъ.

Правинъ важно посмотрѣлъ на лейтенанта.

— Желалъ бы я знать, почему не можетъ этого быть? съ ироніею возразилъ онъ.

— Потому, что не должно, капитанъ!

— Нилъ Павловичъ будетъ, конечно, такъ добръ, что растолкуетъ, почему это?

— Я думаю, вы лучше всѣхъ знаете, капитанъ, что глядя на вечеръ опасно пускаться въ прибой, для шлюпки; еще опаснѣе ложиться въ дрейфъ, для фрегата, когда буря на носу. Притомъ это напрасно замедлитъ путь.

— Оставьте мнѣ знать, что̀ напрасно и что̀ надобно. Я такъ хочу—и оно такъ будетъ. Прикажите сейчасъ спустить шлюпку!

Нилъ Павловичъ поздно замѣтилъ, что онъ ошибся въ разсчетѣ, обращаясь къ Правину, какъ къ начальнику, и между тѣмъ противорѣча какъ другу, вмѣсто того, чтобы обратиться къ другу и уговорить капитана.

— Ты сердишься, Илья? сказалъ онъ, подошедши къ нему ближе, — и, право, напрасно. Посмотри на небо и на море: они хмурятся на насъ, будто судья на уголовнаго преступника. Не покидай же фрегата въ такую пору: не клади на себя упрека, что ты уѣхалъ отъ опасности!

— Я бѣгу отъ опасности? Послушай, Нилъ... на свѣтѣ не было другого, кромѣ тебя, кто бы осмѣлился мнѣ сказать это; и нѣтъ никого, кто бы сказалъ это дважды. Я довольно жилъ и служилъ, чтобы меня не подозрѣвали въ трусости!

— Илья, Илья! прочь отъ меня укоръ въ подобномъ сомнѣніи. Не отвага, а благоразуміе тебѣ измѣняетъ. Не въ трусости, а въ безразсудствѣ станутъ обвинять тебѣ, если ты поѣдешь... ну, чего Боже сохрани, если безъ тебя что случится!

— Кажется, Нилъ Павловичъ боится отвѣтственности, когда останется старшимъ.

— Не отвѣтственности, но вреда судну и людямъ боюсь я. Не плохой я морякъ, Илья Петровичъ, ты знаешь это: за то я самъ знаю, что ты морякъ лучше меня. Лежать въ дрейфѣ, дожидаясь тебя въ бурную ночь вблизи камней — право, не находка. Другъ, Илья! отложи свое намѣреніе,—взявъ его за руку, съ чувствомъ продолжалъ Нилъ Павловичъ:— волненіе развело огромное — видишь, какъ сильно поддало!

Въ самомъ дѣлѣ валъ расшибся о скулу фрегата и черезъ сѣтку окропилъ брызгами обоихъ друзей. Фрегатъ вздрогнулъ, но сердце капитана осталось спокойно—ему ничто не казалось зловѣщимъ. Любовь ослѣпляетъ самый опытъ и даетъ какую-то темную вѣру, что природа можетъ иногда измѣнять свои законы для любовниковъ. Правинъ отряхнулъ брызги и тихо отвелъ руку Нила Павловича.

— Пустые страхи! произнесъ онъ. — Ѣду; хочу ѣхать!

— Твоя воля мнѣ законъ, но воля, а не прихоть. Не сердись, что я круто говорю тебѣ правду—я не придворный. Будь мужъ, Илья! ты ужъ и то много потерялъ во мнѣніи товарищей черезъ свою предосудительную связь: ну да прошлое прошло — Богъ съ нимъ! распростились—баста! Нѣтъ, такъ давай еще амуриться. Самъ посуди: стоитъ ли рисковать царскимъ фрегатомъ и жизнью этихъ добрыхъ людей, даже собственною славою для масляныхъ губокъ какой нибудь безпутной княгини?

Капитанъ вспыхнулъ.

— Прошу васъ, г. лейтенантъ, быть не очень тароватымъ на осужденье особъ, которыхъ вы хорошо не знаете. Вмѣсто того, чтобы разбирать поведеніе вашего капитана, лучше бы вамъ исполнять его приказанія.

— А! молвилъ тогда обиженный въ свою очередь Нилъ Павловичъ, отступая и возвысивъ голосъ.— Вамъ угодно говорить мнѣ, какъ начальникъ подчиненному? такъ позвольте мнѣ, въ лицѣ вахтеннаго лейтенанта, замѣтить вамъ, капитанъ, что вамъ неприлично отлучаться со ввѣреннаго вамъ фрегата передъ бурею, зная, что этимъ вы подвергнете его неминуемой опасности.

Нилъ Павловичъ брызнулъ масломъ на огонь.

— Вы, сударь, не судья мнѣ! Прикажите, сударь, спустить шлюпку, говорю я вамъ! вскричалъ Правинъ въ запальчивости.—Не заставьте меня самого

приказывать. Знайте, что если вы меня выведете изъ терпѣнія, я могу забыть и прежнюю дружбу, и долгую службу нашу вмѣстѣ.

— Мнѣ кажется, капитанъ, вы уже забываете ее, оставляя свой постъ. Я гласно протестую противъ вашего отъѣзда и прошу записать мое мнѣніе въ журналъ.

— Г-нъ штурманъ! гнѣвно воскликнулъ капитанъ:—запишите въ журналъ слова г-на лейтенанта Кокорина и прибавьте къ этому, что онъ арестованъ мною за ослушаніе. Отдайте, милостивый государь, вашъ рупоръ лейтенанту Стрѣлкину и не выходите изъ вашей каюты.—Шлюпку!

— Пусть насъ судитъ Богъ и государь! горестно сказалъ Нилъ Павловичъ, уходя.—Но вспомните мои слова, капитанъ: вы дорогою цѣной купите горькое раскаяніе!

Капитанъ корабля, безпрестанно находясь на службѣ и вблизи своихъ офицеровъ, поневолѣ облекается недоступностію, чтобы подчиненность не исчезла отъ частаго товарищества, и это, наконецъ, обращается въ привычку властвовать. Правинъ, какъ и всякій другой, скоро привыкъ къ безусловному повиновенію, а тутъ Нилъ Павловичъ, не умѣя взяться за дѣло, раздражилъ вдругъ и страсть, и гордость Правина, будто нарочно. Затронутый за живое, онъ счелъ обязанностью сдѣлать наперекоръ своему другу.

Отдавъ всѣ нужныя приказанія молодому лейтенанту, Правинъ спрыгнулъ въ катеръ. Десять лихихъ гребцовъ ударили въ весла, и скоро, выбрав-

шись на вѣтеръ, поставили паруса. Катеръ покатился съ волны на волну, между тѣмъ какъ сѣдая пѣна забрасывала мгновенный слѣдъ его, будто ревнуя, что утлая ладья презираетъ ярость могучей влаги.

VII.

—И въ думѣ нѣтъ, что наслажденье—
прахъ,
Что случая крыло его уноситъ;
Что каждый маятника взмахъ
Цвѣты минутной жизни коситъ.
А. Б.

Свѣчи догорали въ комнатѣ княгини Вѣры, въ гостинницѣ Ляйтъ-Боруга. Было три часа за полночь—и счастливецъ Правинъ вырвался изъ объятій своей страстной и прекрасной любовницы.

— Возможно ли! сказалъ онъ: — уже близко утро—цѣлая ночь испарилась, какъ поцѣлуй!

Съ дикимъ восклицаніемъ поднялась съ дивана княгиня; глаза ея впились въ Правина.

— О, не говори мнѣ объ утрѣ, не напоминай о разлукѣ: я не пущу тебя... ты самъ не покинешь меня... неправда ли? продолжала она съ ребяческою нѣжностью, привлекая его на свою грудь.—Мой Илья не будетъ такъ жестокъ—онъ не предастъ меня отчаянію, я не отдамъ тебя морю!.. слышишь, какъ сѣчетъ ливень въ окна, какъ завываетъ буря!

Правинъ въ половинѣ поцѣлуя оторвалъ уста отъ коралловыхъ устъ княгини и заботливо прислуш

вался къ шуму сражающихся стихій. Мысль о штормѣ, о бѣдствіи, въ которомъ могъ быть его фрегатъ, прожгла его мозгъ. Страшно было видѣть его поблѣднѣвшее лицо подлѣ томнаго лица княгини, подернутаго прозрачнымъ румянцемъ нѣги... Вѣра была тогда прелестна, какъ страстное желаніе поэта, въ которомъ болѣе неба, чѣмъ земли; Правинъ со своими мутными очами походилъ на раскаяніе, пробужденное страхомъ.

— Спасите! вскричалъ онъ наконецъ, безумно:— фрегатъ мой тонетъ... слышите-ль выстрѣлъ, еще выстрѣлъ, еще...

Буря будто притихла съ усталости, какой-то гулъ замиралъ вдали, подъ скалой звѣремъ ревѣло море... но кругомъ все было тихо, до того тихо, что слышно было паденіе капель съ кровли и бой испуганнаго сердца княгини.

— Нѣтъ, мой безцѣнный—ты ошибся: то были удары грома. Можетъ ли быть несчастливъ кто нибудь въ то время, когда мы такъ счастливы!

Правинъ съ какою-то неистовою нѣгою упалъ въ объятія Вѣры.

— Ты моя! Вѣра моя! что-жъ мнѣ нужды до всего остального — пускай гибнутъ люди, пускай весь свѣтъ разлетится вдребезги! я подыму тебя надъ обломками и послѣдній вздохъ мой разрѣшится поцѣлуемъ!.. О, какъ пылки, какъ жгучи твои уста въ эту минуту, очаровательница! Знаешь ли, примолвилъ онъ тише, сверкая и вращая очами, какъ опьянѣлый!—ты должна любить меня, уважать меня, по-

клоняться мнѣ болѣе чѣмъ когда нибудь... знаешь ли, что я богаче теперь Ротшильда, самовластнѣе англійскаго короля, что я облеченъ въ гибельную силу, какъ судьба? — Да, я могу сорить головами людей по своей прихоти, и за каждый твой поцѣлуй платить сотнею жизней—не жизнію враговъ—о, нѣтъ! это можетъ всякій разбойникъ. Это слишкомъ обыкновенно... нѣтъ, говорю тебѣ, я бросаю на вѣтеръ жизнь моихъ любимыхъ товарищей, моихъ друзей и братьевъ, а за нихъ во всякое другое время готовъ бы я источить кровь по каплѣ, изрѣзать сердце въ лоскутки!

Трепеща внимала княгиня этимъ несвязнымъ рѣчамъ, не вполнѣ понимая ихъ.

— Ты меня ужасаешь, милый! говорила она.— Илья! ты уморишь меня со страха!

— Умереть? кто говоритъ умереть—вздоръ!— теперь-то и надо намъ жить, потому что одна любовь стоитъ назваться жизнію; ты сама прелестна, какъ жизнь, Вѣра! произнесъ онъ, обтекая ее взорами, пожирая лобзаніями:—ты божественна какъ смерть, потому что заставляешь забывать все, потому что заключаешь въ себѣ рай и адъ. Помнишь ли обѣтъ мой отдать тебѣ и за тебя душу!—вотъ она! вотъ она вся... я не продавалъ ея по мелочи за ничтожныя радости, не промѣнивалъ ея на золото. Дѣвственну и чисту сохранилъ я ее до сихъ поръ— и теперь бросаю ее къ ногамъ твоимъ, какъ разорванный вексель. Дорого, о, невообразимо дорого ты

мнѣ стоишь, милая! но я не раскаяваюсь, я заплаченъ выше цѣны.

Съ какимъ-то судорожнымъ восторгомъ онъ притиснулъ къ своей груди княгиню; та робко отвѣчала на его ласки. Со своими воздушными формами она казалась съ неба похищенною пери, на колѣняхъ суроваго дива; и, наконецъ, уступая оба неодолимому очарованію страсти, они слились устами, будто выпивая другъ изъ друга жизнь и душу.

Часы могли бить, пѣтухъ пѣть, не возбуждая любовниковъ изъ упоительнаго забытья; но они пробудились не сами. Страшный, какъ труба, пронзающая могилы и разсѣевающая льстивыя грезы грѣшниковъ, раздался надъ ними голосъ... Сердца ихъ вздрогнули—передъ ними стоялъ князь Петръ!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Она вырвала пистолетъ изъ руки Правина, и почти безъ чувствъ прильнула къ его плечу. Онъ бережно опустилъ ее на кресло и, потупивъ очи, но поднявъ брови, обратился къ обиженному супругу.

— Часъ и мѣсто, князь! Я знаю важность моей вины; знаю требованія чести...

Физіономія и осанка князя, весьма обыкновенныя, одушевились въ то время какимъ-то необычайнымъ благородствомъ. Ничто такъ не возвышаетъ языка и движеній человѣка, какъ негодованіе.

— Требованія чести, м. г.? отвѣчалъ онъ гордо— и вы говорите мнѣ о чести въ спальнѣ моей жены?

Вы, котораго я принялъ къ себѣ въ домъ какъ друга, которому довѣрился какъ брату, и вы обольстили мою жену—эту женщину, хотѣлъ я сказать—запятнали доброе имя, пустили позоръ на два семейства, отняли у меня домъ и лучшую отраду мою—любовь супруги; вы, сударь, однимъ словомъ, похитили честь мою, и думаете загладить все это пистолетнымъ выстрѣломъ, прибавя убійство къ разврату? Послушайте, г-нъ Правинъ: я самъ служилъ моему государю въ полѣ, и служилъ съ честью. Я не трусъ, м. г., но я не буду съ вами стрѣляться; не буду потому, что нахожу васъ недостойнымъ этого. Не буду потому, что не хочу вовсе безславить ни себя, ни жены моей. Пусть это происшествіе умретъ между нами; но между мной и ею съ этихъ поръ не будетъ менѣе ста верстъ. Чужая любовница не назовется съ этихъ поръ моею женою. Мы разъѣзжаемся, и навѣкъ!—она богата—стало быть найдетъ и утѣшеніе и утѣшителей. Это мое неизмѣнное слово, это святая клятва моя. Для свѣта можно сказать, будто мы поссорились за перелинку, за модное кольцо—за что угодно. Вотъ все, что я имѣю сказать вамъ, только вамъ, сударь! Эта неблагодарная женщина не услышитъ отъ меня ни одного упрека; она не стоитъ не только сожалѣнія — даже презрѣнія. Я добръ, я былъ слишкомъ добръ, но я не изъ тѣхъ добряковъ, которые терпятъ рога добровольно. Съ вами я надѣюсь встрѣчаться какъ можно рѣже, съ нею—никогда! Я ѣду въ Лондонъ; я оставлю васъ наединѣ съ этою безсовѣстною женщиною и съ ва-

шею совѣстью, и увѣренъ, что вы не будете долго ссориться всѣ трое!

Обиженный супругъ закрылъ глаза руками; но крупныя слезы прокрадывались изъ-подъ нихъ... онъ медленно отворотился... онъ вышелъ.

Княгиня рыдала безъ слезъ, на колѣняхъ, склоня голову на подушку дивана. Правинъ стоялъ въ какомъ-то онѣмѣніи, сложа на груди руки: онъ не могъ ничего сказать на отпоръ князю, потому что внутренній голосъ обвинялъ его громче обвинителя; онъ не могъ промолвить никакого утѣшенія княгинѣ, оттого что не имѣлъ его самъ. Эгоизмъ страсти предсталъ передъ него тогда во всей наготѣ, въ своемъ звѣриномъ безобразіи! «Ты, ты,—вопіяла въ немъ совѣсть,—разбилъ этотъ драгоцѣнный сосудъ, бросилъ въ огонь эту мирру, для того, чтобъ одну минуту насладиться благоуханіемъ. Ты зналъ, что въ ней заключенъ былъ талисманъ счастія, завѣтъ неумолимой судьбы, слава и жизнь твоей милой, зналъ — и дерзко изломалъ печать, какъ ребенокъ ломаетъ свою игрушку, чтобъ заглянуть внутрь ея. Взгляни же теперь на душу Вѣры, тобою разрушенную, полюбуйся на сердце ея, которое ты вырвалъ и бросилъ въ добычу раскаянію, на умъ, который съ этихъ поръ будетъ гнѣздомъ черныхъ мыслей, укорительныхъ видѣній — и для чего, для кого все это?.. не лицемѣрь, не прячься за отговорки: все это было для себя, для собственной забавы; ты не боролся съ своею страстью, не бѣжалъ отъ искушенія, не принесъ себя въ жертву—

нѣтъ, ты, какъ языческій жрецъ, зарѣзалъ жертву во имя истукана любви — и самъ пожралъ ее. Въ какой свѣтъ, въ какое общество сбросилъ ты княгиню? Отнынѣ въ каждомъ поклонѣ будетъ она видѣть обиду, въ каждой улыбкѣ насмѣшку, въ родномъ поцѣлуѣ—лобзанье Іудино; вездѣ будутъ казаться ей качаніе головою и перемигиваніе и лукавый шепотъ; самый невинный разговоръ будетъ колоть ее шипами, самую дружескую откровенность вообразитъ она вызнаваньемъ, вся жизнь ея будетъ горечь сомнѣнья, и подавленные вздохи, и слезы, снѣдаемыя сердцемъ!»

Да, ужасное похмѣлье даетъ намъ упоеніе страстями! Изможденные тѣломъ и духомъ, мы пробуждаемся передъ судомъ для того, чтобъ услышать приговоръ неумытныхъ жюри, которые изъ глубины души произносятъ страшное guilty! виновенъ!

Правинъ отвелъ очи отъ княгини. Уже свѣтало, и взоры его сквозь чистое окно упали на безпредѣльное море. Оно было мрачно и пусто, подобно его душѣ. Огромные валы, словно стада китовъ, рыскали и плескались въ пространствѣ, и вдругъ между ними мелькнулъ корабль,— только образы его во мракѣ и туманѣ были такъ неясны, что суевѣрный морякъ сказалъ бы: это корабль-привидѣніе, осужденный вѣчно скитаться по океанамъ съ проклятыми своими пловцами. Съ тяжкимъ біеніемъ сердца, не переводя духу, слѣдилъ его Правинъ, но корабль, одѣтый сумракомъ, исчезалъ и снова обо-

значался — и снова сливался какъ облако съ облаками. Буря уменьшилась, но черныя тучи ходили еще по небосклону взадъ и впередъ, какъ побѣдители, которые считаютъ трупы убитыхъ.

Наконецъ, заря облила воздушною кровью и тучи, и волны съ востока; туманы и сомнѣнія Правина разсѣялись. Замѣченное имъ судно было точно фрегатъ «Надежда», но въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ стеньгъ, съ изломанной фокъ-мачтой и бушпритомъ, съ искривленными реями. Два или три стакселя[1]), поднятые въ половину, казались послѣдними усиліями борьбы съ судьбою, влекущей его на скалы. О, великъ бы былъ тотъ сердцевѣдецъ, кто физіологически разложилъ бы тогдашнее восклицаніе Правина: и это! Кто разложилъ бы намъ ѣдкость отравы, проникнувшей его сердце, или степень мукъ отъ угрызенія совѣсти! Лесажевъ бѣсъ снималъ кровли, но еслибъ онъ снялъ черепъ съ головы Правина и заглянулъ въ умъ его, онъ бы содрогнулся отъ ужаса, и адскій даже языкъ прильнулъ бы къ гортани.

Стиснувъ рукою чело, какъ будто отъ страха, чтобы голову его не расторгъ вихорь мыслей, съ кровавыми пятнами по лицу, съ очами, кои, подобно маятнику, ходили отъ фрегата къ княгинѣ, отъ моря къ любовницѣ, Правинъ былъ живой образъ казни между двухъ жертвъ, между двухъ преступленій: противъ нравственности и службы.

---

[1]) Косые паруса.

Наконецъ долгъ побѣдилъ страсть. Правинъ горячо поцѣловалъ въ лобъ княгиню и произнесъ:

— Вѣра, прости меня—и прощай!! Намъ должно разстаться: фрегатъ бѣдствуетъ!

Львицей, у которой уносятъ послѣдняго дѣтенка, вскочила Вѣра.

— Бѣдствуетъ, фрегатъ твой бѣдствуетъ!.. и ты, злобный человѣкъ, можешь говорить мнѣ объ этомъ, будто я на розахъ, будто сама я не бѣдствую! Ты жалѣешь дерево, жалѣешь чугунъ и безжалостенъ къ сердцу, тебѣ отданному, тобой разбитому; бросаешь меня на съѣденье отчаянію. Для тебя я забыла все, отдала все — и ты все это забываешь! Нѣтъ! Ты мой, мой навѣчно: я купила тебя, я вымѣняла тебя на мое счастіе здѣсь, на рай мой тамъ! Неправда ли, ангелъ мой! Ты мой? Ты не покинешь меня въ такомъ положеніи: кромѣ тебя у меня нѣтъ покровителя. За часъ передъ этимъ я имѣла имя, отечество, семью, друзей—ты оборвалъ съ меня все это, какъ эти цвѣты; какъ эти цвѣты, растопталъ ты ихъ пятою. И я не жалѣю о нихъ, покуда ты со мной. Твое сердце мнѣ будетъ родина, твои объятія—родные, твои рѣчи—подруги мои; ты будешь свѣтъ мой, міръ мой... о, не покидай же меня, не убивай меня!!

И она нѣжно обвивала Правина своими прозрачными руками, и она обольстительно шептала ему несвязныя рѣчи. Но мужчина можетъ забыться—не забыть бѣды его окружающія, и въ то время, когда женщина множитъ любовь своими пожертвованіями,

своимъ несчастіемъ, когда она въ цѣломъ мірѣ не думаетъ ни о чемъ, кромѣ любви, мужчина самою жестокостію бѣдъ возбуждается изъ душевнаго разслабленія—онъ уже ищетъ, какъ бы поправить дѣло.

— Душа моя, душа моей души: прошлое невозвратно — но подумай о будущемъ!.. его еще можно заставить служить намъ. Я съѣзжу на фрегатъ, чтобъ пособить поврежденіямъ и не допустить до крушенія. Ты теперь свободна—ты можешь ѣхать, куда хочешь: спѣши въ Италію! Тамъ я встрѣчу тебя въ какомъ нибудь приморскомъ городѣ, въ одномъ, или въ каждомъ изъ портовъ Средиземнаго моря. Позволь же мнѣ отлучиться: это необходимо для спасенія обломковъ моей чести, для спасенья, можетъ быть, пятисотъ моихъ товарищей. Честное слово тебѣ даю, что завтра вечеромъ я буду въ твоихъ объятіяхъ... посмотри, буря утихаетъ!

Долго и пристально смотрѣла княгиня въ глаза Правина.

— Ты меня не обманываешь, съ тяжкимъ вздохомъ сказала она:—но развѣ не можетъ обмануть насъ судьба!.. о, не ѣзди, мой милый... мнѣ что-то говоритъ, что мы не свидимся болѣе... по крайней мѣрѣ, не говори мнѣ прощай! — мнѣ ненавистно это слово. Въ твои руки, Илья, отдаю я свое сердце, промолвила она, залившись слезами—въ руки Бога поручаю твое.

Она упала на колѣни передъ окномъ, будто умоляя свирѣпое море пощадить ея друга, потомъ очи ея слились съ небомъ—она молилась, горячо моли-

лась; и кто бы не сказалъ, видя это прелестное лицо, дышащее чистою вѣрою, орошенное слезами умиленія, что ангелъ молитъ небеса о спасеніи грѣшника. Она обратилась къ Правину съ улыбкой грусти, съ простертыми устами, чтобы встрѣтить его прощальное лобзанье, проводила его взорами и упала безъ чувствъ на холодный полъ гостинницы.

— Ребята! крикнулъ капитанъ своимъ гребцамъ, лежащимъ подлѣ вытащенной на берегъ шлюпки:— мнѣ непремѣнно должно быть на фрегатѣ—если умирать, такъ умирать вмѣстѣ съ товарищами! Ѣдемъ!

— Рады стараться! закричали въ одинъ голосъ удалые гребцы. Они привыкли каждое желаніе капитана считать святымъ, каждое слово правдивымъ и разомъ сдернули десятку на воду.

Но не такъ легко было выбраться изъ бухты. Шумные буруны ходили стѣнами и отбрасывали назадъ катеръ. Четыре раза, разгребая въ упоръ, силились гребцы переметнуться за спорный валъ — и четыре раза, черпая носомъ воду, уступали ярости удара. Утроивъ силы, улучивъ способный мигъ, удалось наконецъ имъ выбраться въ море, но море еще кипѣло и бушевало, раскачанное ночною бурею. Валы сливались въ огромную зыбь: вставали и падали неправильными рядами и, взбрасывая катеръ, какъ щепку, грозили залить или поглотить его. Вѣтеръ билъ на берегъ, и потому пришлось идти на греблѣ. Волненіе выбивало изъ уключинъ весла, два

человѣка безпрестанно отливали воду — въ катеръ поддавало со всѣхъ сторонъ.

На рулѣ сидѣлъ заслуженный урядникъ, который свыкся съ бурями и опасностями, какъ съ лишнею чаркою водки; для котораго, по собственному его выраженію, море была масляница, а девятый валъ милѣе девятаго блина. Онъ прехладнокровно глядѣлъ то на свой носъ, то на носъ катера, наблюдая, чтобы онъ не рыскалъ. Казалось, все, что совершалось кругомъ его, было ему совершенно чуждо. Всегдашній спутникъ поѣздокъ капитанскихъ, онъ уже ознакомился съ его нравомъ и зналъ, когда можно было молвить ему словцо—другое.

— Смѣю спросить, Илья Петровичъ, сказалъ онъ капитану вполголоса: — сны иногда бываютъ, то есть, отъ Бога?

— Случается, отвѣчалъ разсѣянно Правинъ.

— Я чай, что отъ Бога, ваше высокоблагородіе! Да и какъ залѣзть лукавому въ христіанскую голову, когда на ночь перекрестишь лобъ. Я вчерась, то есть, кажись, положилъ крестъ даже на изголовье; съ крестомъ, изволите видѣть, ваше высокоблагородіе, мягко спать и на камнѣ, а всетаки привидѣлся мнѣ чудный сонъ... Грянь, други, грянь—проводи дальше весло!.. и такой сонъ, то есть, что ума-разума не приложу разгадать его... Ну, девятый прокатился!— Видѣлось мнѣ, будто у насъ на «Надеждѣ» смотръ не смотръ, праздникъ не праздникъ, только народу кишмя кишитъ: генераловъ, адмираловъ, штабства— видимо-невидимо. И всѣ словно на яву пьютъ и за-

кусываютъ; только всѣ молчатъ: такая тишь, что муху бы услышалъ. И вотъ, то есть, будто кто-то крикнулъ: смирно! Команда наша выстроилась на шканцахъ, глядимъ, гости потянулись мимо насъ, а сами заглядываютъ въ глаза. И шли, будто, шли— конца не видать. Вдругъ, то есть, откуда ни возьмись, и ваше высокоблагородіе — въ полномъ мундирѣ, только черезъ плечо, вмѣсто ленты, красный флагъ: не вѣдь гюйсъ, не вѣдь какой сигнальный. А идете будто вы подъ ручку съ какой-то барынею— лицо открыто, а лица не видать!.. Ну, други, ну, навались! — Что зазѣвались на зайчиковъ! — И вотъ остановились будто вы, Илья Петровичъ—какъ теперь гляжу, передо мной.—«Выйди впередъ, Гребневъ!» сказали мнѣ и положили руку на мое плечо, да и молвите барынѣ: «я его беру съ собою, онъ довольно послужилъ, надо успокоить его старыя кости!» То есть, видно въ отставку выйдете, да и меня, старика, въ дворецкіе возьмете—буду я себѣ въ ту пору посвистывать въ ключъ вмѣсто этого свистка.— Ну, да не о томъ рѣчь, в. в-діе! глядь будто я на себя, да такъ и сгорѣлъ—на мнѣ, вмѣсто куртки, бѣлая рубашка!—Просыпаюсь, а сердце будто вырваться хочетъ—насилу открестился. Что бы это значило, ваше высокоблагородіе?

Правинъ невольно впалъ въ глубокую думу. Смутная мысль о смерти пала на душу впервые, и въ этотъ разъ она ничего не имѣла въ себѣ отраднаго. Умереть, утонуть, не помирившись съ совѣстью добрыми дѣлами, не выкупивъ у прошлаго проступковъ сво-

ихъ блестящими поступками!.. Онъ вспомнилъ, что тонкая дощечка отдѣляла его отъ влажной могилы— и содрогнулся онъ, и обозрѣлся кругомъ: море крутилось страшно; фрегатъ былъ близокъ, но зыбь валяла его съ боку на бокъ такъ сильно, что мѣдная обшивка обнажалась до киля, сверкая будто броня великана; потомъ валъ снова закрывалъ корпусъ, такъ что чуть виднѣлись снизу марсы. Полъ кабельтова, не больше, оставалось до борта; но бортъ былъ опаснѣе всякой скалы: прибой расшибался, воя, о ребра его, и широкими всплесками грозилъ каждый мигъ залить и опрокинуть катеръ.

— Молись, Гребневъ, Николаю угоднику, сказалъ капитанъ, ударивъ урядника по плечу:—молись,—матросскія молитвы до неба доходны. Если мы счастливо пристанемъ къ борту, ты будешь нянчить внуковъ моихъ.

— Крюкъ! закричалъ урядникъ; съ борта кричали: лови, лови! Роковая минута настала. Глазъ капитана не обманулся въ степени опасности: сонъ Гребнева упалъ въ руку...

VIII.

Къ ночи того же дня вѣтеръ совершенно стихъ, море опало. Оно едва-едва будто дышало отъ усталости и что-то шептало, засыпая. Обломанный фрегатъ «Надежду» прибуксировали ближе къ берегу, и онъ лежалъ уже на якорѣ. Работы на немъ кипѣли: скрипъ блоковъ, треканье и удары мушкелей

раздавались повсюду. Ставили запасный рей вмѣсто потерянной мачты, перемѣняли стеньги, такелажъ; починивали изломанныя сѣтки. Помпы хрипѣли будто больной; палубы изображали прекрасный отрывокъ хаоса. Вездѣ царствовала суета, но въ ней не было души: матросы работали безъ пѣсенъ, безъ сказокъ; тихо перемолвливались и печально качали головою; видно было, что свершилось какое-то важное несчастіе.

— Что, нѣтъ надежды? спросилъ одинъ мичманъ лекаря Стеллинскаго, который вылѣзалъ изъ-подъ сукна, коимъ отдѣлялся лазаретъ отъ палубы.

— Никакой, отвѣчалъ тотъ:—лекарства ему такъ же безполезны теперь, какъ трубка табаку. Пусть подшкиперъ снимаетъ съ него мѣрку на саванъ.

— Жаль! Гребневъ былъ лихой урядникъ. Ну, а изъ вчерашнихъ, ушибенныхъ сорвавшимся реемъ?

— Двое будутъ живы; остальные-жъ трое отправятся сквозь портъ туда же, куда слетѣли семеро сверху.

— Худо, очень худо! Десять жертвъ съ фрегата и шесть съ капитанскаго катера,—это не бездѣлица! У меня душа замерла, когда со всего размаху ударился катеръ въ бортъ—только щепки брызнули! Одного гребца въ моихъ глазахъ размозжило о руслени; другого прищемило днищемъ и расплющило какъ пуговицу. Ну, да это все не бѣда, лишь бы живъ остался нашъ капитанъ: вы давно провѣдывали его, Стеллинскій?

— Съ полчаса назадъ: онъ потерялъ много кро-

ви—проклятый гвоздь съ изломанной доски шлюпки глубоко вонзился ему между ребрами, я насилу могъ остановить кровотеченіе. Однако, теперь горячка стихла, и онъ вообще больше боленъ духомъ, чѣмъ тѣломъ: affectione mentale. Онъ, видите, нервознаго сложенія: на него крѣпко подѣйствовало поврежденіе фрегата и гибель людей. Еслибы намъ, медикамъ, случалось приходить въ отчаяніе отъ ошибокъ, такъ пришлось бы задавиться турникетомъ послѣ перваго дежурства въ клиникѣ.

— Слава Богу, докторъ, что добрые люди не вдругъ привыкаютъ къ чужой гибели; при томъ, кромѣ худой славы передъ своими и англичанами, немудрено, что капитанъ нашъ поплатится за свою прогулку эполетами.

— Неужели-жъ его отдадутъ подъ судъ за мачту?

— Да, Стеллинскій! Не дай Богъ попасться подъ военный судъ: это хуже вашего консиліума—и между тѣмъ, это вѣроятно. Государь, правда, лично знаетъ Правина, и послѣ Наваринскаго дѣла самъ назначилъ его командиромъ фрегата; начальство уважаетъ его, но сами вы знаете, что служба ни шутить, ни лицепріятничать не любитъ.

— Да, да! — Это будетъ невозвратная потеря для флота!

— Впрочемъ, дѣлайте вы свое дѣло, а мы, офицеры, обработаемъ свое. Развѣ нельзя три четверти вины пустить на вѣтеръ? Съ бурями такъ же, какъ съ вашими болѣзнями, все шито да крыто.

— Дай Богъ, дай Богъ!

Лекарь вошелъ въ капитанскую каюту.

Кто бы узналъ въ этомъ блѣдномъ, изможденномъ страданіями тѣлѣ, вчерашняго Правина, цвѣтущаго здоровьемъ, кипящаго надеждою? Расшибенная голова его была обвязана полотенцемъ, лицо мерцало могильною бѣлизною, зрачки не двигались въ глазахъ, охваченныхъ синимъ кругомъ — они лишь расширялись и сжимались повременно. Подперши лѣвою рукою голову, правой держалъ онъ за руку Нила Павловича, который сидѣлъ у него на кровати и съ нимъ разговаривалъ. У обоихъ остатки слезъ дрожали на щекахъ.

— Нилушка! Не оправдывай меня; отливъ крови — приливъ разсудка: я вижу теперь, что во всемъ виноватъ самъ — одинъ я буду и въ отвѣтѣ. Не арестуй я тебя, мы не потеряли бы ни одного лисель-спирта. Не вини Стрѣлкина: онъ молодой офицеръ, онъ новичекъ лейтенантъ, и если спустился подъ шкваломъ на фордевиндъ, не убравшись даже съ ундеръ-зейлями — это оттого, что онъ никогда не бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ...

— Впрочемъ, сказалъ ласково Нилъ Павловичъ: — все зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ представимъ дѣло начальству.

— Неужели ты думаешь, другъ мой, что я стану лгать въ извиненіе? Ни въ чемъ, никогда! Завтра же рапортую о несчастномъ случаѣ императору и адмиралтейству — и все, какъ было, все безъ утай-

ки. Ты простилъ меня—можетъ статься, накажетъ слегка и начальство; но могу ли я простить самому себѣ — успокоить совѣсть за смерть людей!

— Гротъ-марса-рей сорвался случайно. Второпяхъ, въ потемкахъ одинъ урядникъ отдалъ топенантъ вмѣсто гротъ-стенгъ-стаксельфала, и люди полетѣли долой. Это могло случиться и при тебѣ.

— Я увѣренъ, что ни при мнѣ, ни при тебѣ не было бы суматохи, не было бы и торопливости... а гребцы мои, а?.. Правинъ вздернулъ одѣяло на лицо и нѣсколько минутъ безмолвствовалъ. Только содроганіе одѣяла доказывало, что онъ подъ властью ужаснаго чувства... наконецъ онъ открылся.—Нилъ, тебѣ извѣстно все, сказалъ онъ:—были проступки и въ прежней жизни моей; но я бы отдалъ смерти половину дней, назначенныхъ мнѣ жить, и посвятилъ бы остальную на благодарность Богу, еслибъ можно было вычеркнуть изъ бытія послѣдніе 24 часа...

— И я, преступникъ, вскричалъ онъ, помолчавъ съ минуту и потомъ подымаясь на ложѣ:—я, который игралъ царскою довѣренностію, который обольстилъ, погубилъ любимую женщину, обидѣлъ друга, запятналъ русскій флотъ, утопилъ 16 человѣкъ, для насыщенія своей прихоти—и я-то думаю жить! Нѣтъ! Я не переживу ни своей чести, ни своей души—я не хочу, я не долженъ существовать. Море взлелѣяло меня, море дало мнѣ свои бурныя страсти—пускай же море и поглотитъ ихъ:—только въ безднѣ его найду я покой! Если суждены мнѣ муки за гробомъ,

то пусть мучусь внѣ тѣла, безъ сердца, одной душою!.. Это ужъ выигрышъ!.. Смерть, ты улыбаешься мнѣ, какъ Вѣра... прійди, прійди!

Онъ страшно восклицалъ, онъ жадно простиралъ руки къ какому-то незримому предмету, онъ былъ въ изступленіи.

— Горячка снова имъ овладѣла, сказалъ на ухо Нилу Павловичу лекарь: — надо употребить утишающія средства, и завтра же будетъ mens sana in corpore sano.

Онъ заботливо уложилъ больного.

Нилъ Павловичъ вышелъ наверхъ отдохнуть отъ сильныхъ впечатлѣній. Солнце садилось. Били вечернюю зорю; оба флага скатились тихо-тихо долой; ночь ниспадала прозрачна и мирна, но все было мутно въ возмущенной душѣ добраго моряка. Участь друга свинцомъ налегла на сердце.

«Дорогою цѣной платите вы, баловни природы, за свой умъ, за свои тонкія чувства! подумалъ онъ. Высоки ваши наслажденія, за то какъ остры, какъ разнообразны ваши страданія! У васъ сердце — телескопъ, увеличивающій все до гигантскаго размѣра.—О, кто бы, глядя на Правина, не пожелалъ быть глупцомъ, всегда довольнымъ собою, или без чувственнымъ камнемъ, ничего не терпящимъ отъ другихъ!»

Въ полночь Нилъ Павловичъ потихоньку вошелъ въ каюту капитана. На столѣ подлѣ постели лежало недоконченное письмо: казалось, Правинъ недавно писалъ—чернила еще блестѣли на перѣ,—на бумагѣ

не засохли двѣ капли крови, упавшей вѣроятно съ оцарапаннаго лица. Самъ онъ спокойно лежалъ, закрывшись весь одѣяломъ. Рука друга подняла покровъ, заботливый взоръ его упа́лъ на лицо больного: онъ, казалось, спалъ глубокимъ сномъ. Румянецъ игралъ не щекахъ, но выраженіе бровей было болѣзненно; страданіе смыкало уста.

— Онъ и во снѣ страждетъ, сказалъ про себя Нилъ Павловичъ и на цыпочкахъ вышелъ вонъ.

— Слава Богу, капитану лучше, сказалъ онъ матросамъ, которые съ участіемъ толпились у дверей каюты, и они разсѣялись, и по палубамъ пролетѣла шепотомъ отрадная вѣсть: капитану лучше.

Ему въ самомъ дѣлѣ было лучше.

IX.

Съ минуты разлуки княгиня не отходила отъ окна. Солнце сѣло, солнце взошло, солнце перекатилось за полдень — она все сидѣла съ тоскою въ сердцѣ, съ зрительною трубою въ рукѣ; она все глядѣла на фрегатъ, въ коемъ, не для игры словъ, заключалась вся ея надежда. Она видѣла, какъ на немъ исправлялось, очищалось, приходило въ порядокъ все. Долгое наблюденіе сквозь телескопъ производитъ не только въ глазу, но и въ воображеніи какое-то странное чувство. Отдаленность съ своею нѣмою, но живою игрой людей и предметовъ, кажется, будто принадлежитъ иному свѣту. Смотришь на нихъ, какъ въ тѣни, хочешь угадать ихъ рѣчи, ихъ думы, ихъ

заботы по движеніямъ—внимаешь очами, и любопытство ростетъ до горячаго участія.

Часу въ 5-мъ вечера, княгиня замѣтила необыкновенное, но стройное движеніе на фрегатѣ. Матросы унизали бортъ корабля; что-то красное мелькнуло съ борта въ воду, и вслѣдъ затѣмъ сверкнулъ огонь изъ пушки, изъ другой, изъ третьей... гулъ раздался долго послѣ!.. Потомъ флагъ, который до сихъ поръ спущенъ былъ до половины и перевязанъ узломъ, упалъ—и въ тотъ же мигъ поднялся до мѣста распущенный... и потомъ звукъ исчезъ въ пространствѣ, дымъ улетѣлъ къ небу и все приняло прежній видъ.

Это непостижимое для Вѣры явленіе мелькнуло въ стеклѣ трубки, будто въ неясномъ, худо запомненномъ снѣ. Княгиня протерла стекло; но все задернулось туманомъ въ очахъ ея, и съ нихъ брызнули слезы. «Это отъ усталости!» молвила она, и въ думѣ опустила голову на руку. Невольная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. «Какой холодный вѣтеръ!» подумала она—и закуталась шалью... Наконецъ, неизъяснимая тоска сжала ей грудь... Она съ горестію сказала: «видно, онъ не пріѣдетъ и сегодня!» Но въ голосѣ ея слышалась обманутая, хотя еще не разрушенная надежда—какая-то слѣпая довѣрчивость ребенка къ палачу. О, эти простыя слова привели бы въ трепетъ каждаго, кто угадывалъ истину.—Сегодня? Но вечерѣетъ ли день замогильный? Разсвѣтаетъ ли ночь мертвецамъ?

И княгиня погрузилась въ долгое, тяжелое за-

бытье; забытье безъ чувствъ и мыслей; забытье, въ которомъ, какъ въ Мертвомъ морѣ, нѣтъ ни зыби, ни прилива, ни отлива, не витаютъ рыбы, не перелетаютъ черезъ птицы... Все изсушено, все задушено!—Словомъ, забытье, которое потому только не могло назваться смертью, что оно хранило муку.

Мѣсто и время исчезли для княгини. Било 11 часовъ ночи, когда звукъ мужскихъ шаговъ въ корридорѣ гостинницы пробудилъ ее изъ гробовой дремоты. Первая мысль, первый крикъ ея были: «это онъ!» и она стремглавъ бросилась къ дверямъ. Тусклый ночникъ едва мерцалъ въ радужномъ кружкѣ, будто глазъ какого-то злого духа; но Вѣра ясно разслышала его походку, она узнала шотландскій плащъ Правина... если не слухомъ и не взоромъ, то сердцемъ угадала она желаннаго гостя: она прыгнула къ нему навстрѣчу и съ радостнымъ: ахъ! упала на грудь пришельца.

Тѣсно смежны въ сердцѣ женщины восторгъ и отчаяніе, смѣхъ и слезы, смежны, какъ двѣ стороны червонца. Лезвіе мысли ихъ не дѣлитъ; сомнѣніе не простираетъ своей плены между. Княгиня въ восхищеніи сжимала въ своихъ объятіяхъ пришельца.

— Княгиня! произнесъ незнакомый голосъ:—вы ошиблись. Я не Правинъ — я только посолъ его!

Нилъ Павловичъ подалъ письмо княгинѣ.

Княгиня отпрянула отъ него, какъ будто коснулась змія.

— А Правинъ? Онъ не хотѣлъ пріѣхать? вскри-

чала она съ укоромъ:—онъ обманулъ меня... Да кому теперь можно вѣрить, когда и самое сердце мое меня обмануло. Скажите-жъ скорѣе, живъ ли, здоровъ ли мой Илья?—Гдѣ онъ? Когда онъ пріѣдетъ сюда?

Нилъ Павловичъ безмолвствовалъ.

Глаза Вѣры засверкали, какъ острія кинжаловъ.

— Я понимаю васъ, г. лейтенантъ, гнѣвно произнесла она:—вы отговорили, вы не пустили его: вы всегда были противъ нашей любви. Ваше имя не разъ отрывало Правина отъ моей груди...онъ мрачно озирался, слыша вашу походку. Вы это, вы отняли его у меня... но куда вы дѣвали вашего друга, куда схоронили вы моего Илью? Отвѣчайте же, сударь! вскричала она, безумно схвативъ его за грудь.

— Несчастная женщина!— Вамъ самимъ повторяю я вопросъ вашъ: что̀ вы сдѣлали съ Правинымъ? Куда, куда вы схоронили его?

— Онъ умеръ? спросила княгиня, леденѣя отъ ужаса.

— Пусть отвѣчаютъ бездны моря! Бѣдный другъ мой изошелъ кровью... но прежде крови онъ пролилъ по васъ горькія слезы — онъ въ письмѣ завѣщалъ мнѣ утѣшить васъ; но могу ли дать то, чего не имѣю самъ—я не Богъ. Онъ одинъ можетъ утолить слезами горесть и совѣсть, примолвилъ тише Нилъ Павловичъ, въ которомъ потеря друга превозмогла всѣ прочія чувства.—Прощайте, княгиня, дай вамъ Боже забвенія—это единственное счастіе несчастныхъ!

Онъ исчезъ.

Съ трепетомъ открыла Вѣра письмо, начертанное почти во мракѣ смерти хладѣющею рукою полумертвеца... Мы не прочтемъ его... языкъ жизни не выразитъ тайнъ могильныхъ—тайнъ, которыя уносятъ умирающій въ прахъ, тайнъ, которыя истлѣваютъ сердце, какъ чума своимъ прикосновеніемъ.

Плачъ и жалобы—дары неба! Вами откупается несчастный отъ половины страданій, отъ пытки, его терзающей. Но горе тому, для чьей тоски нѣтъ слезинки въ очахъ, нѣтъ въ устахъ рыданія, нѣтъ въ сердцѣ вздоха. Горе тому, въ чьей душѣ потонутъ всѣ думы, всѣ, кромѣ одной вѣчной, неумолимой думы объ одиночествѣ, думы о судьбѣ своей, думы, которая шепчетъ: ты, какъ ястребъ Прометея, будешь вѣкъ терзать свое сердце!

Это ужасно!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

(Выписка изъ „Сѣверной Пчелы“, 1831 г. августа мѣсяца).

Кронштадтъ... Августа. Вчера пришелъ на дѣшній рейдъ изъ Средиземнаго моря фрегатъ «Надежда», подъ командою флота капитанъ-лейтенанта окорина. Красота корабля, отличный порядокъ, немъ господствующій, здоровый и бодрый видъ ей обратили на себя вниманіе начальства и всѣхъ тителей фрегата.

Тридцать перваго августа 1832 года, въ Петербургѣ было открытіе Александринскаго театра. Въ 7 часовъ вечера зала была уже полна. Партеръ, половина котораго сходила къ ложамъ амфитеатромъ, алѣлъ, какъ заря, красными мундирами, отворотами, лентами; блисталъ, какъ еще непотухшій западъ звѣздами. Пять поясовъ ложъ пестрѣлись женскими уборами; иной бы сказалъ: то живыя цвѣточныя вязи, окропленныя росою алмазовъ — такъ ярки, такъ блестящи были онѣ: и между нихъ вѣяли и склонялись перья надъ прелестными личиками, словно крылья херувимовъ. Тысячи свѣчъ горѣли букетами по раззолоченнымъ стѣнамъ и поручнямъ ложъ; сливались въ ослѣпительный метеоръ люстры. Гордо и легко смыкался потолокъ своими радужными облаками. Боги Олимпа съ завистью смотрѣли на роскошь земную съ высоты живописнаго неба. Богини, краснѣя отъ досады, чуть не прятались другъ за друга, видя, что красота русскихъ дамъ пересіяла ихъ. Старый грѣшникъ, Юпитеръ, замѣтивъ, что онъ одѣтъ не по вкусу времени, сердито косился на свою бороду: казалось, хотѣлъ сбрить ее, и для послѣдняго превращенія облечься въ гусарскій доломанъ. Три граціи морщились на петербургскихъ красавицъ, будто хлебнули амброзіи, которая скислась; девять сестрицъ Парнасса, которыя весьма поустарѣли со временъ Гомера, ревниво смотрѣли на своихъ жениховъ, разсыпающихся жемчугомъ передъ свѣтскими вдохновительницами. Даже сова Минервы завистливо таращила глаза на ученые во-

ротники. Только посланница любви, Ирида, весело расправляла свои голубиныя крылышки, да пролазъ Меркурій лукаво заглядывалъ въ ложи, будто дожидаясь письмеца. Вулканъ же, гладя по головкѣ сына своей жены съ самодовольнымъ видомъ нѣмецкаго барона, считалъ мужей, рисующихся по стѣнамъ для тѣни картины, и напѣвалъ пѣсенку:

„Нашего полку прибыло, прибыло!“

Между тѣмъ передній занавѣсъ, блѣдный, какъ туманъ германской поэзіи, таинственно колебался между зрителями и сценою, будто занавѣсъ судьбы, скрывающій отъ насъ даль грядущаго. И все было прелесть, свѣтъ и очарованіе! Самый воздухъ былъ упоенъ благовоніями и дышалъ нѣгою вздоховъ. Онъ оживлялся отъ малѣйшаго трепетанія райскихъ птичекъ, отдыхавшихъ на головахъ красавицъ, отъ волненія газа на грудяхъ, отъ сладостнаго ропота ихъ устъ, отъ пылкихъ взоровъ, летающихъ, крестящихся, словно падучія звѣзды, отъ звуковъ, возникающихъ порою изъ оркестра—звуковъ неясныхъ, смѣшанныхъ, чудныхъ, какъ мысли поэта въ просонкахъ... Однимъ словомъ, вся зала Александринскаго театра и все, что̀ въ ней было, походило тогда на какой-то великолѣпный, волшебный сонъ юноши подъ жаркимъ небомъ юга. Сердце плавало въ обаятельной, розовой атмосферѣ и въ блестящемъ разсѣяніи забывало все, что̀ творится за стѣнами... О, повѣрьте мнѣ: свѣтская жизнь имѣетъ свою поэзію—за то какъ дорога и какъ рѣдка она!

Царской фамиліи еще не было — все жужжало и колебалось въ роскошномъ ожиданіи, въ томленіи нетерпѣливости. Въ это время въ третьемъ ряду креселъ, два человѣка учтиво пробирались на свои мѣста, платясь извиненіями за каждый переходъ черезъ чужія ноги, и поклонами за то, что протирались мимо чужихъ грудей. Наконецъ они, положивъ шляпы на кресла свои, вздохнули и обозрѣлись свободно. Одинъ былъ молодой человѣкъ, въ вицъ-мундирѣ иностранной коллегіи, очень пріятной наружности и окружности — система округленія въ лицахъ. Сложивъ накрестъ руки, онъ равнодушно оперся спиною о спинку креселъ второго ряда и, едва отвѣчая на дальнія киванія своихъ знакомцевъ, беззаботно взглядывалъ на ложи сквозь очки (очки есть необходимое условіе дипломата, хотя не рѣшено до сихъ поръ, носятъ ли они ихъ для того, чтобъ лучше видѣть глазами, или для того, чтобъ меньше видѣли ихъ глаза). Другой былъ юноша во всемъ цвѣтѣ этого слова: живъ, румянъ, веселъ, разговорчивъ; онъ былъ такъ доволенъ своими красными отворотами, такъ счастливъ блескомъ, его окружающимъ, будто майская бабочка въ ясный день. Онъ простодушно глазѣлъ на все и на всѣхъ и смѣялся отъ чистаго сердца эпиграммамъ своего моднаго сосѣда; смѣялся съ откровенностью истинно армейскою. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на четвероугольный лорнетъ, который онъ довольно ловко наводилъ направо и налѣво, легко угадать было можно, что онъ недавно переведенъ изъ арміи

Любопытнымъ разспросамъ его не было конца. Кто это въ мальтійскомъ мундирѣ? Кто эта дама въ оранжевой шали? Дипломатъ едва успѣвалъ ввернуть при каждомъ имени острое словцо.

И вотъ, когда перебрали они всѣхъ посланниковъ и вельможъ, всѣхъ красавицъ и знатныхъ дамъ, съ шумомъ распахнулась дверь въ одной ложѣ, и въ нее вошли дамы блистательной красоты и наряда отличнаго вкуса. Будто не замѣчая ропота и взоровъ одобренія, кипящихъ вкругъ и подъ ногами ихъ, онѣ сбросили свои шали и, поправляя газовыя рукава, обратились къ вошедшему за ними кавалеру съ замѣчаніемъ, что корридоры театра необыкновенно тѣсны. Кавалеръ этотъ былъ генералъ пожилыхъ лѣтъ, кубической фигуры, со звѣздами на обѣихъ грудяхъ и съ улыбками на обѣихъ щекахъ. Онъ отвѣчалъ что-то, склонясь между ихъ безъ чиновъ.

— Ахъ, Жозефъ! съ жаромъ сказалъ дипломату нашъ юноша:—скажи скорѣй, кто эта прелестная особа по правую руку въ малиновомъ токѣ? Глаза ея сыплютъ алмазныя искры, губки раскрылись улыбкою, будто жемчужная раковина отъ солнечнаго луча... около нея какъ сіяніе — она богиня радости!.. Имя, имя ея?

— Какъ, mon cher, ты разгорѣлся! отвѣчалъ дипломатъ.— Изволь, однако, я потѣшу тебя: ея имя — Софья Леновичъ, моя жена.

Жалко было видѣть бѣднаго юношу: онъ смутился! онъ не зналъ, изъ какого кармана выискать

отговорокъ. Леновичъ съ самодовольнымъ видомъ забавлялся его смущеніемъ и шутливо продолжалъ:

— Да-съ, это моя жена; но ты, дружокъ, не будешь ея поэтомъ. Нѣтъ, нѣтъ, стара шутка. Полгода еще милости просимъ жаловать ко мнѣ, когда угодно: полгода ты будешь безопасенъ; но потомъ, милый, сердись, не сердись, а я тебѣ за твой восторгъ едва ли не прочту:

„Vous êtes un brave garçon, un homme honnête — mais
Remarquez bien ma porte pour n'y entrer jamais!"

Эта шутка была сказана такъ по-дружески, что мой юноша ободрился. Желая сгладить прежнія похвалы, онъ сталъ горячо хвалить другую даму, подругу жены Леновича.

— Но сосѣдка твоей Софьи, Жозефъ, прелестна, какъ сама задумчивость! посмотри: каждый взоръ ея черныхъ глазъ блеститъ грустью, будто слеза; каждое дыханіе вырывается вздохомъ! и какъ нѣжно ластятся черныя кудри къ ея томному лицу, съ какою таинственностью обвиваетъ дымка ея воздушныя формы.

— Не на Варшавскомъ ли приступѣ, mon cher, набрался ты этого романтическаго дыму? Изруби же его поскорѣе въ стихи; поставь внизу прапорщицкую звѣздочку, отошли въ «Молву», и будь увѣренъ, что если ты спрыснешь свою новинку полдюжиной шампанскаго, пріятели прокричатъ тебя поэтомъ.

— Ты можешь шутить, какъ хочешь, но вѣрь, что черты этой красавицы такъ врѣзались въ мою память, что я завтра же нарисую ея портретъ — и всякій, кто лишь разъ видѣлъ ее, увидѣвъ его, скажетъ: это она! Но кто-жъ она?

— Замѣтилъ ли ты генерала, сидящаго за моею Софьею? это мой дальній родственникъ, князь Петръ **, а черноглазая дама—его жена.

— Княгиня Вѣра! вскричалъ гвардеецъ съ такою шумною радостью, что на него оборотились многіе лорнеты.—Княгиня Вѣра, которая цѣлый годъ увлекала всѣ сердца и всѣ мысли Петербурга—Вѣра, любимая мечта моего брата! Воротясь въ 29-мъ году отсюда, онъ прожужжалъ мнѣ про нее уши... И наконецъ-то удалось мнѣ увидѣть это прекрасное созданіе!

— Прекрасное недолговѣчно на землѣ, сказалъ со вздохомъ Леновичъ.—Эта черноглазая дама вторая жена князя Петра, а Вѣра, ангелъ доброты и прелести — Вѣра, которой обязанъ я своимъ счастіемъ, умерла въ Англіи. Когда нибудь я разскажу тебѣ ея печальную исторію! На глазахъ у Леновича, сколько ни дипломатъ былъ онъ, навернулись слезы... Гвардеецъ молчалъ въ грустномъ раздумьѣ. Но загремѣла музыка, занавѣсъ взвился—и судьба Вѣры была забыта.

Забыта? — О, я готовъ пожать руку у того или поцѣловать у той, кто назоветъ эту лѣтопись сердца скучною сказкою, кто будетъ зѣвать при ея чтеніи, кто забудетъ прочтенную половину и броситъ въ

огонь недочитанную. Забвеніе ждетъ всѣхъ, забвеніе безвредно. Но, можетъ быть, какой нибудь бездушный ловласъ выдавитъ сладкую отраву изъ любви Правина и Вѣры; перескажетъ неопытности лишь то, что̀ льститъ его намѣреніямъ. Можетъ быть, онъ прочтетъ эту тетрадь въ уединенномъ кабинетѣ прекрасной дамѣ, которой доселѣ онъ говорилъ,— люблю васъ, только взорами. И румянецъ страсти загорится на щекахъ его, и голосъ его задрожитъ будто волненіемъ души, и послушная слеза сверкнетъ на рѣсницахъ... онъ подстережетъ вздохъ грусти, слезу сожалѣнія,—сожалѣнія, предтечи любви—и упадетъ къ ногамъ своей тронутой любовницы.

— О, будьте для меня Вѣрою за то, что я обожаю васъ, какъ Правинъ... восклицаетъ онъ.

— Вы забыли участь ихъ? возразитъ она.

— У всякаго своя участь... насъ ждетъ доля блаженства, непрерывнаго, неисчерпаемаго блаженства! Но еслибъ меня ждала судьба еще горше Правиной, я пріемлю ее за мигъ счастія—о, еслибъ вы знали, какъ я люблю васъ!

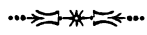
И его слушаютъ, ему почти вѣрятъ!

При этой мысли я готовъ изломать перо свое!

Но существуетъ ли въ мірѣ хоть одна вещь, не говоря о словѣ, о мысли, о чувствахъ, въ которой бы зло не было смѣшано съ добромъ? Пчела высасываетъ медъ изъ белладоны, а человѣкъ вываривaетъ изъ нея ядъ. Вино оживляетъ тѣло трезваго и убиваетъ даже душу пьяницы. Тацитъ, учитель

добродѣтели, былъ виной изобрѣтенія нойядъ [1]) въ ужасы революціи. Бросимъ же смѣшную идею исправлять словами людей! Это забота Провидѣнія. Мы призваны сказать: такъ было — пусть время извлечетъ изъ этого злое и доброе. Приморскій житель ужасается вечеромъ, видя гибель корабля, а на утро собираетъ останки кораблекрушенія, строитъ изъ нихъ утлую ладью, сколачиваетъ ее костями братій — и припѣваючи пускается въ бурное море.

[1]) Неронъ утопилъ мать свою на галерѣ съ окномъ; подобные плашкоуты замѣняли гильотину во время террора.



ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ жел. дор.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лихо. Историческая повѣсть. Спб. 1886 г. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Историческій романъ. Спб. 1886 г. Ц. 1 р.

— Драмы. Томъ I. Слобода Неволя.—Фролъ Скабѣевъ. — Каширская старина.—Темный и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878 — 1885. Спб. 1886. Ц. 2 р

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для классного употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою «Словарь писателей древняго періода русской литературы» (862—1700 г.). Изданъ подъ ред. О. Ѳ. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы то ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладѣльцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БИБЛІЯ въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Новый Завѣтъ. 50 снимковъ, посред. геліографіи, съ знаменитыхъ гравюръ, передающихъ картины величайшихъ художниковъ, и текстъ изъ картин. In-folio. Ц. въ роскошн. переплетѣ съ зол. обр. 30 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винивортеромъ, проф. хирургіи въ Лютихѣ. Со мног. рисунк. Изд. 5-е. Ц. 4 р. 50 к.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

БЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. и **ГЕРАРДЪ, Н.** Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департ. правит. Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассаціон. департ. прав. Сената. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Сената. Вып. 1-й. (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— Тоже. Вып. 4-й (Порядокъ производства въ общ. судебн. мѣст. Прод. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 5-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣст. Прод. ст. 792—923). Ц. 1 р. 75 к.

— Тоже. Вып. 6-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 924—1281). Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 7-й (Окончаніе: ст. 1282—1824 и приложенія). Ц. 2 р.

БУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія. (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Спб. 1886 г. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Тоже. Томъ II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

БУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни.— Фельетон. разсказы Ма-

ститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Ц. въ пер. 2 р.

— Пѣсни и шаржи. Новыя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ. — Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ВѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ. (За Пиринеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біарриць — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ.— Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

ВѢЛЛЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803 — 1850). Ц. 2 р.

ВЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшен. моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

ВАНЪ-ДЕНЪ-ВЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. На вел. бум. 2 р.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На велен. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. На велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 р. 150 стр. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ собѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 15 руб.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 3 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Ц. 1 р. въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.

ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. 1 р. 50 к.

ГОЛУБЕВЪ, А. и Н. С. Русская библіографія. Годъ первый (1878). Выпускъ I-й. Систематическій каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи въ 1878 г., съ указаніемъ газетныхъ и журнальн. рецензій.—II. Систематическ. указатель журн. статей за 1878 г. — III. Очеркъ книгопечатн. дѣла въ Россіи. Ц. 2 р. 50 к.

ГОРБУНОВЪ, И. Ѳ. Сцены и разсказы. Шестое, значительно дополненное изданіе. Ц. 1 р. 75 к. Все изданіе распродано. Есть еще небольшое количество экз. особыхъ, напечатанныхъ въ числѣ 100, для любителей, на слоновой бумагѣ, каждый за нумеромъ (арабскими цифрами). Ц. такому экземпляру 5 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГЛИНКА М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ГЮГО, ВИКТОРЪ. Отверженные. (Les Misérables). Ц. 3 р. 50 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.— Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. романъ.— Уман-

ская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762 — 1764 г). Историческій романъ. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика. (Les rois en exil). Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРАМАТИЧЕСК. СЛОВАРЬ. Напечат. всего 200 экз. Точное воспроизведеніе изданія 1787 г., составляющаго въ настоящее время библіографич. рѣдкость. Ц. на велен. бумагѣ 5 р.

ДРУЖИНИНЪ А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разсн. изъ дѣлъ Тайной канцеляріи и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕВЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

—Сусальныя звѣзды.— Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русск. Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штуттгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлиппера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ изданная уже «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 18 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е дополн. Ц. 1 р. 50 к.

КАРАЗИНЪ, Н. Н. Въ пороховомъ дыму. Романъ въ трехъ частяхъ. Ц. 2 р.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX стол. Съ 13 гравюр. Ц. въ перепл. 4 р.

— Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и допол. изданіе. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія повѣсти. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рисун. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка Ц. I р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КРАУЗЕ, Вл. Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Съ 130 рисунками въ текстѣ и картою Трои. Ц. I р. 50 коп.

КРЕНКЕ, В. Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Истори-

ческая повѣсть изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Первая борьба. (Изъ записокъ). Ц. 1 р.

— Баритонъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ ожиданіи лучшаго. Ром. Ц. 2 р.

— Встрѣча. Ром. Ц. 1 р.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы.—Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери.—Домашнее дѣло.—Два памятные дня.—Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія.—Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною.—Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь.—Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней.—Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты.—III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ. въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1881. (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровые. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРОТКОВЪ, В. Пыркинъ и Чепурминъ.—Послѣдняя жертва катастрофы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.—Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденіе надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ. (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛЮБКЕ. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись.— Музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунк. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Ц. 60 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАРКЕВИЧЪ, В. М. Переломъ. Правдивая исторія. Ц. 6 р.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. хрон. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

V

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 23 р.

— То-же РОСКОШН. ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 34 р., съ вол. обрѣзомъ 35 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ островов, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія Гостинаго двора. Картины нравов. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ русс. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Стихотворен. Изящно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к.

— Цари биржи. (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

НИКОЛЬСКІЙ, А. Паденіе Плевны. Чтеніе для народа. Съ портретами: Скобелева 2-го, Тотлебена, Ганецкаго и Османа паши. Ц. 15 к.

—?—О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 6-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день.—Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу.—Дикарка. Ц. 2 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПЕЛЛИКО да Салуццо. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПИСЬМА графа П. Василія. Лондонское Общество.—Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

ПОЛЕВОЙ КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею. 1855—1880. Собраніе провансскихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, во дни Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к. Кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. Сѣверъ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія.—Эстляндская губ.—Финляндія.—Олонецкая губ.—Архангельская губ. Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

ПЫЛЯЕВЪ М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для этого

труда служили не одни только русскія и иностр. сочиненія, но и изустные разсказы петербургскихъ старожиловъ. Въ книгѣ 86 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, изображающихъ петерб. мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портреты историч. лицъ и бытовыя сцены. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. 3 р., въ изящн. переплетѣ 9 р. 20 к.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОМАНОВЪ, В. В. За Уралъ! Разсказъ изъ воспомин. о Сибири. Ц. 2 р.

РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. Т. I съ билетомъ на II-й. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фотопиція съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходитъ всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 4-хъ портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1888 годъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— Los Novios. Повѣсть изъ соврем. испанскихъ нравовъ. Ц. 1 р.

— На Москвѣ. Истор. ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Повѣтъ-намѣстникъ. 1785—1788. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860—1878). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Народн. дневн. — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе. — Русскія народ. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СТОЮНИНЪ, В. Историческія сочин. Часть I. Алек. Сем. Шишковъ. Ц. 1 р. 50 к. Часть II. А. С. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к.

СУВОРИНЪ, А. и В. ВУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТВЕНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

УМАНЕЦЪ, Ѳ. Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. Ц. 1 р. 50 к.

УСПЕНСКІЙ, Н. Разсказы. Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчанія-

ки М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лѣчебникъ для народнаго употребленія. Изд. 3-е, испр. Ц. 4 р.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука иксъ. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточ. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕХОВЪ, АН. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 2-е, дополн. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша.—Легкія средства. — Кручина.—Фофанъ.—Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 43 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.

ЭБЕРСЪ, Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 2-е изд. Ц. 10 к.

БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к.

ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц. 15 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 8-е. Ц. 10 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческіе разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

— Украинскія сказки. 6-е изданіе. Ц. 20 к.

ДЕЛЬВИГЪ, А., баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и біографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Письма русскаго путешественника. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисун. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія государства россійскаго. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

— Царствованіе Ѳедора Іоанновича. (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.

— Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. 20 к.

— Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича Грознаго, кн. I. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича Грознаго, кн. II. Ц. 30 к.

КОХАНОВСКАЯ. Старина. Семейная память. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Ц. 15 к.

— Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Ц. 25 к.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Книга 1-я (Авдотья Лихончиха.—Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). — Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 2-я. (I. Сказаніе о сѣнемъ и зеленомъ сукнѣ. — II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 3-я. (Поэменты.—Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 4-я. (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старыйхламъ). Изд. 2-е. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

— Книга 5-я (Запорожцы.-Истор. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к.

— Книга 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно. — Вольный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к., на вел. бум. 60 к.

ЛѢСКОВЪ Н. Повѣсти и разсказы. Книга I. (Скоморохъ Памфалонъ. —Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. Книга II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к.

МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказск. быль. Съ портр. авт. 2 изд. Ц. 25 к.

— Страшное гаданіе.—Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. 2-е изд. Ц. 25 к.

— Мулла Нуръ. Быль. Ц. 25 к.

—Наѣзды. Повѣсть 1612 г.—Измѣнникъ. Ц. 25 к.

— Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к.

— Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к.

КСАВЬЕ де-МЕСТРЪ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Ц. 10 к.

МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., на велен. бум. 20 к.

НАРѢЖНЫЙ. Бурсакъ. Ром. I т. Изд. 2-е. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 к.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историческая повѣсть. Ц. 15 к.

ПОГОРѢЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 25 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. (болѣе 4,100 с.). Съ біогр. А. С. Пушкина, съ порт., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронолог. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

СОЛОГУБЪ, В., графъ. Повѣсти и разсказы. Книга I. Аптекарша. — Метель.—Неоконченныя повѣсти. Ц. 20 к., на вел. бум. 50 к. Книга II. Исторія двухъ калошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к. Книга III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Комедія въ 5-ти дѣйств. II. Недоросль. Ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ біографіей Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Изд. 5-е. Ц. 15 коп.

ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біографіей и портр. автора. Ц. 15 к.

ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. 2-е изд. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

— Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйст. Пер. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характ. ея Кольриджа, Шлегеля, Бокнилля, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

— Отелло, венеціанскій мавръ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Ферниваля, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейсига, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ, папки по 8 коп.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА:

Анекдоты и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древн. писател. Ц. 10 к.

Богдановичъ, И. Душенька, повѣсть древняя въ вольныхъ стихахъ. I т. Ц. 15 к.

Веневитиновъ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біограф. и портр. Д. В. Веневитинова. Изд. 2-е. I т. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 8-е изданіе. Съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 10 к.

Данилевскій, Г. Историческіе разсказы. 1 т. Ц. 20 коп.

— Украинскія сказки. 6-е изданіе. I т. Ц. 20 к.

Дельвигъ, баронъ А. Полное Собраніе Стихотвореній. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

Диккенсъ, Ч. Оливеръ Твистъ. Романъ. 2 т. Ц. 50 коп.

Капнистъ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портретомъ и біографіей автора. I т. Ц. 15 к.

Кохановская. Послѣ обѣда въ гостяхъ. Пов. I т. Ц. 15 к.

— Старина. Семейная память. Повѣсть. I т. Ц. 20 к.

— Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. I т. Ц. 25 к.

Ксавье де-Местръ. Параша Сибирячка. Разсказъ. I т. Ц. 10 к., на вел. бум. 30 к.

Карамзинъ, Н. М. Повѣсти. 5-е изданіе. I т. Ц. 20 к.

— Письма русскаго путешественника. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портретомъ автора и рисунками. Изд. 2-е. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія Государства Россійскаго. Великій князь Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. I т. Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

— Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка.) I т. Ц. 15 к.

— Царствованіе Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. I т. Ц. 20к.

— Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. I т., 282 стр. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича Грознаго. Книга первая. I т. Ц. 20 к. Книга II-я. I т. Ц. 30 к.

Кукольникъ, Н. В. Историческія повѣсти. Книга 1-я. Изданіе 2-е. I т. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Книга 2-я. 2-е изд. I т. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Книга 3-я. Съ гравюрой. Солдаты Петровскаго времени. 2-е изд. I т. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Книга 4-я. I т. 2-е изд. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Книга 5-я. Запорожцы. 2-е изд. I т. Ц. 10 к.

— Книга 6-я. I т. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. 2-е изд. I. т. Ц. 40 к., на вел. бум. 60 к.